

Санкт-Петербургская
православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

А.П. Лопухин

**Игнатий Дёллингер
в его борьбе за церковную правду
(с 1861-1900 гг.)**

*Опубликовано:
Христианское чтение. 1902. № 9. С. 392-424.*

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия
(www.spbda.ru), 2009. Материал распространяется на основе
некоммерческой лицензии [Creative Commons 3.0](https://creativecommons.org/licenses/by/3.0/) с указанием
авторства без возможности изменений.

СПБПДА
Санкт-Петербург
2009

ИГНАТІЙ ДЭЛЛИНГЕРЪ

ВЪ ЕГО БОРЬБѢ ЗА ЦЕРКОВНУЮ ПРАВДУ

(съ 1861—1900 гг.).

СОСТОЯВШІЙСЯ въ Боннѣ V-й международный старокатолическій конгрессъ (23—28 іюля 1902 г.) вновь выдвинулъ въ памяти всѣхъ поборниковъ церковной правды величавую личность знаменитаго родоначальника старокатолицизма Игнатія Деллингера. Со времени кончины его прошло уже почти 12 лѣтъ (і 1890 г.), но обаяніе его имени не только не ослабѣло, но продолжаетъ оказывать свое вліяніе и на теперешнее направленіе духовно-церковной жизни въ старокатолицизмъ. Деллингеръ принадлежалъ къ тѣмъ, такъ сказать, любимцамъ исторіи, которыхъ она лелѣетъ не только при жизни, но еще болѣе по смерти, окружая ихъ все болѣе разгорающимся ореоломъ величія, и конечно на состоявшемся V-мъ старокатолическомъ международномъ конгрессѣ имя его постоянно было на устахъ всѣхъ участниковъ конгресса какъ имя, около котораго вращается все движеніе старокатолицизма. Этому еще болѣе содѣйствовалъ только что законченный профессоромъ мюнхенскаго университета и членомъ мюнхенской академіи наукъ Фридрихомъ великолѣпный трудъ, посвященный жизни и дѣятельности его знаменитаго друга и сослуживца по университету ¹⁾. Послѣдній томъ этого

¹⁾ См. Ignaz von Döllinger. Sein Leben auf Grund seines schriftlichen Nachlasses dargestellt von I. Friedrich. I—III. Bände. München. 1899—1901.

огромнаго трехтомнаго труда вышелъ къ настоящему году и явился превосходнымъ подаркомъ для всѣхъ почитателей знаменитаго родоначальника старокатолицизма и поборника единенія церквей, такъ какъ въ немъ личность Деллингера описана не только съ ученою обстоятельностью и объективностью, по неизданнымъ еще документамъ какъ изъ посмертнаго архива самого Деллингера, такъ и изъ бумагъ проф. Фридриха, находившагося въ постоянной съ нимъ перепискѣ, стоявшаго бокъ-о-бокъ съ нимъ въ самый жгучій періодъ ватиканскаго собора и наконецъ совмѣстно съ нимъ подвергшагося папскому отлученію отъ церкви (разумѣется — папской), но и съ замѣчательною живостью и художественностью исполненія. Всѣ три тома читаются съ неослабнымъ интересомъ и заслуживали бы полнаго воспроизведенія на русскомъ языкѣ или по крайней мѣрѣ ознакомленія съ ними нашей русской публики, но это едва ли возможно теперь, и поэтому мы ограничимся ознакомленіемъ своихъ читателей только съ III томомъ, и притомъ съ тою его частью, гдѣ излагается наиболѣе жгучій періодъ жизнедѣятельности Деллингера, когда онъ, послѣ многихъ и долгихъ душевныхъ томленій и страданій, причиняемыхъ нестроеніями и неправдами римской церкви, порѣшилъ наконецъ громко и публично облегчить свою душу открытымъ изложеніемъ своихъ взглядовъ, чѣмъ ввергъ себя въ самую тяжкую борьбу съ клеветами папства и особенно іезуитами, которые потомъ не переставали его гнать и мучить своими нападкамі, клеветами и инсинуаціями до самой смерти¹⁾. Чтобы сдѣлать очеркъ болѣе понятнымъ, изложимъ сначала краткую его біографію—отъ рожденія до указаннаго періода (начала 60-хъ годовъ).

¹⁾ Настоятельность и своевременность этого очерка вызывается еще и тѣмъ печальнымъ обстоятельствомъ, что какъ въ Мюнхенѣ, такъ и въ другихъ нѣмецко-католическихъ университетахъ начинаетъ явно брать перевѣсъ иное направленіе, враждебное великимъ родоначальникамъ старокатолицизма. Такъ, въ недавно вышедшей книгѣ мюнхенскаго проф. Исидора Зильбернагла: *Die kirchenpolitischen und religiösen Zustände in XIX Jahrhundert, ein Kulturbild von Dr. Isidor Silbernagl* (1901) всѣ главнѣйшіе и виднѣйшіе представители свѣтлаго направленія въ наукѣ въ мюнхенскомъ университетѣ, какъ Губеръ, Пихлеръ, Деллигеръ и другіе рисуются далеко не въ приглядномъ видѣ... См. напр. стр. 277 и слѣд.

I.

Дѣтство и юность Дёллингера.—На распутіи жизни.—Избраніе духовнаго званія и причины этого.—Первые шаги на ученѣмъ поприщѣ.—Переходъ въ мюнхенскій университетъ.—Участіе въ церковно-практическихъ вопросахъ времени.—Начало оппозиціи римской системѣ и іезуитамъ.—Идея нѣмецкой національной церкви.—Новые ученые труды и борьба съ нарождавшимся догматомъ непорочнаго зачатія.—Поѣздка въ Римъ и тяжелое впечатлѣніе отъ нея.

Сынъ извѣстнаго въ свое время профессора медицины при вюрцбургскомъ университетѣ, Іоаннъ Іосифъ Игнатій Дёллингеръ родился 22—16 февраля 1799 года и унаслѣдовалъ отъ своего вообще даровитаго рода весьма высокія дарованія. Уже рано, по его собственному свидѣтельству, отецъ научилъ его французскому языку, такъ что, будучи 10-тилѣтнимъ мальчикомъ, онъ уже прочиталъ сочиненія Корнеля и Мольера и вообще жадно поглотилъ все, попадавшееся ему на французскомъ языкѣ. До 16-ти лѣтъ онъ вообще больше читалъ французскихъ, чѣмъ нѣмецкихъ книгъ, что впоследствии отразилось на его слогѣ,—весьма легкомъ и изящномъ, чуждомъ обычной нѣмецкой тяжеловѣсности. Въ гимназіи онъ основательно изучилъ, не безъ помощи своего отца, учившагося въ Павіи, итальянскій языкъ, а отъ одного шотландскаго монаха научился по-англійски. Въ университетѣ онъ дополнилъ это свое обширное языковѣдѣніе изученіемъ еще испанскаго языка, и такимъ образомъ предъ нимъ открылась литература всѣхъ культурныхъ народовъ запада.

Съ поступленіемъ въ свой родной вюрцбургскій университетъ (въ 1816 году) Деллингеръ посвятилъ себя преимущественно исторіи, на ряду съ которой однако съ одинаковымъ усердіемъ занимался филологіей и естествознаніемъ, особенно ботаникой, минералогіей и энтомологіей, причѣмъ послѣдняя оставалась его любимой наукой до 30-хъ годовъ его жизни. На второй годъ университетской жизни (1817 г.) долженъ былъ состояться выборъ образа жизни и дѣятельности, и этотъ выборъ палъ на духовное званіе. Причиной такого повидимому неожиданнаго и недостаточно мотивированнаго выбора было, по его собственному заявленію, то, что ни одинъ изъ свѣтскихъ профессоровъ не оказалъ на него никакого болѣе или менѣе глубокаго вліянія и не «прима-

нилъ» къ своей специальности или своему занятію, а между тѣмъ сильныя церковно-религіозныя движенія того времени, когда подъ вліяніемъ романтизма массы видныхъ протестантскихъ умовъ, какъ Эккгартъ, Вернеръ, Шлегель, Штольбергъ, Винкельманъ и другіе, искали себѣ успокоенія въ лонѣ римско-католической церкви, воодушевили молодого студента идеей служенія этой именно церкви, способной такъ увлечь даже столь сильные умы. При этомъ онъ руководился еще и другимъ побужденіемъ, которое онъ самъ описывалъ такъ: «Почти для всѣхъ другихъ богословіе было только средствомъ для цѣли; для меня напротивъ богословіе (или основанная на богословіи наука вообще) «самою цѣлю, и выборъ состоянія только средствомъ», — взглядъ, которому онъ остался вѣренъ и позже, такъ что всѣ попытки возвести его на архіепископскій престолъ онъ обыкновенно отклонялъ замѣчаніемъ, что «*rotram fasces* не его дѣло». Въ зимній сезонъ 1817—18 года онъ продолжалъ свои занятія филологіей и слушалъ только библейскую филологію, а въ лѣтній сезонъ 1818 г., только «экзегезисъ Библии» и «библейскую филологію». Причиной этого было то, что онъ не особенно полагался на юрцбургскихъ богослововъ. Въ одной запискѣ онъ замѣчаетъ, что въ Юрцбургѣ не было никого такого, къ кому бы онъ могъ обратиться съ совѣтомъ по богословскимъ вопросамъ, и уже лѣтомъ 1818 г. добивался принятія его въ духовную семинарію въ Бамбергѣ, куда хотѣлъ и вообще перейти для обученія въ тамошнемъ лицей, славившемся своими преподавателями. Въ то же время онъ съ большимъ прилежаніемъ продолжалъ частно заниматься богословіемъ и читалъ приобретенныя на рынкѣ «Анналы» Баронія, *Dogmata theologica* Петавія, купленную въ 1818 г. «Исторію Тридентскаго собора» (на итальянскомъ языкѣ) патера Сарпи, какъ и вообще, по замѣчанію въ одной изъ его многочисленныхъ записныхъ книжекъ, онъ болѣе могъ научиться изъ книгъ, чѣмъ изъ обычныхъ лекцій профессоровъ. Только уже послѣ того, какъ поступленіе въ бамбергскую духовную семинарію изъ года въ годъ замедлялось, онъ ревностнѣе началъ посѣщать богословскія лекціи въ Юрцбургѣ, хотя всетаки лишь по выбору, и особенно прилежно слушалъ въ теченіе одного семестра только церковную исторію. Въ 1819 году отецъ, недовольный его желаніемъ поступить въ духовное званіе и какъ медикъ, отрицавшій священническій цѣлѣвать даже по фивіологиче-

скимъ основаніямъ, заставилъ его посѣщать лекціи по юриспруденціи. Профессора однако такъ мало смогли заинтересовать его этой наукой, что онъ вскорѣ бросилъ ее, и былъ радъ, когда осенью 1820 года былъ принятъ въ духовную семинарію въ Бамбергъ, гдѣ онъ до пасхи 1822 года усерднымъ посѣщеніемъ лекцій старался восполнить то, что имъ упущено было въ Вюрцбургѣ. Однако и здѣсь онъ не напелъ того, что собственно искалъ, — именно введенія къ церковно-историческимъ изысканіямъ, и въ послѣдствіи называлъ себя «самоучкой», который десять лѣтъ въ своей жизни не зналъ, куда бы собственно применить ему. Все таки въ семинаріи онъ получилъ тотъ догматическій отпечатокъ во взглядѣ на вопросы, которые волновали его въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ его жизни. Пребываніе его въ бамбергской семинаріи было интересно для него еще и въ томъ отношеніи, что въ это именно время тамъ извѣстный князь Александръ Гогенлоэ выступалъ съ своими «чудесными исцѣленіями», давая ему возможность наглядно познакомиться съ нѣкоторыми интимными и, такъ сказать, закулисными сторонами римско-католической религіозности.

Наконецъ совершился и рѣшительный шагъ на жизненномъ пути. 22 марта 1822 г. Деллингеръ былъ посвященъ въ Вюрцбургѣ въ санъ священника, и такъ какъ не оказалось на лицо подходящаго мѣста, провелъ лѣто у своихъ родителей въ Вюрцбургѣ. Въ это время его идеаломъ было не учительская должность, а пастырство, — приходъ съ пасторскимъ домомъ, пріютившимся у лѣсной рощицы, и такимъ доходомъ, который давалъ бы ему завести болѣе или менѣе приличную бібліотеку, чтобы безпрепятственно продолжать свои научныя занятія. Прежде чѣмъ осенью возвратиться въ бамбергскую семинарію, чтобы тамъ ожидать себѣ мѣста, онъ вмѣстѣ съ однимъ своимъ вюрцбургскимъ товарищемъ совершилъ пѣшкомъ путешествіе въ Эрлангенъ и былъ сердечно принятъ Пфаффомъ, Шубертомъ и Шеллингомъ, другомъ своего отца. Въ ноябрѣ 1822 г. онъ скорѣе по стараніямъ своего отца, чѣмъ по собственному домогательству назначенъ былъ профессоромъ церковной исторіи и церковнаго права въ лицей въ Ашаффенбургѣ. Тутъ явилось и первое его сочиненіе: «Евхаристія въ первые три вѣка» ¹⁾.

1) Die Eucharistie in den drei ersten Jahrhunderten (1826).

(1826 г.), названное майнцкимъ журналомъ «Katholik» «классическимъ» и еще теперь считающееся «образцовымъ», хотя съ другой стороны Гефлингъ въ Эрлангенѣ выступилъ противъ него съ нѣсколькими критико-полемиическими статьями, въ которыхъ не одобрялъ это сочиненіе, видя въ немъ невысокопробный «типъ» римско-католическаго способа доказательности. За это сочиненіе Дёллингерь возведенъ былъ богословскимъ факультетомъ въ Ландсгутѣ въ степень доктора богословія (1826 г.). Осенью того же года Дёллингерь былъ приглашенъ на кафедру церковной исторіи и церковнаго права въ Мюнхенскій университетъ и уже въ 1827 году возведенъ былъ въ званіе ординарнаго профессора. Тутъ онъ особенно примкнулъ къ извѣстному философствующему богослову Францу Баадеру, который оказывалъ на него значительное вліяніе и впоследствии, а также и къ выдающемуся, весьма популярному церковному историку Гёррессу. Дарованія Дёллингера здѣсь развернулись и онъ повидимому вполне вошелъ во вкусъ научныхъ изысканій и лекцій (причемъ онъ читалъ и по догматикѣ и новозавѣтной экзегетикѣ). Но вскорѣ его душевный миръ былъ нарушенъ. Предпринятое имъ составленіе заключительнаго тома «Исторіи Церкви» Гортига (отъ реформациі до секуляризациі) вслѣдствіе своеобразнаго взгляда на начало реформациі, индульгенціи и папу Льва X, подверглось сильному нападенію ярой папистической критики, хотя это и не подорвало въ немъ охоты къ дальнѣйшимъ ученымъ трудамъ въ области церковной исторіи. Однако Баадеръ и Гёррессъ, видя, что церковь нуждается въ яркомъ выразителѣ своихъ взглядовъ, надумали воспользоваться для этого литературнымъ талантомъ Дёллингера и втянуть его въ литературно-публицистическую дѣятельность, и онъ съ жаромъ принялъ участіе въ тогдашнихъ богословскихъ спорахъ. Около Гёрреса образовался литературный кружокъ, который насмѣшливо называли «конгрегаціей ультрамонтановъ, іезуитовъ и обскурантовъ», хотя въ кружкѣ принимали участіе и видные протестанты, какъ Тиршъ и др. Кружокъ, по инсинуаціямъ противниковъ, навлекъ на себя немилость даже короля Лудвига I, такъ что когда Дёллингерь получилъ (1829 г.) приглашеніе въ бреславльскій университетъ, то король прямо выражалъ желаніе, чтобы его королевство поскорѣ совсѣмъ избавилось отъ столь небезопаснаго и неуживчиваго профессора. Дёллингерь однако не принялъ этого предложенія и остался въ Мюнхенѣ.

Съ этого времени онъ опять всецѣло отдался своимъ церковно-историческимъ работамъ, плодомъ которыхъ были его извѣстные труды: въ 1833 году вышелъ въ свѣтъ I-й, а въ 1835 II-й томъ его «Руководства къ Церковной Исторіи»; въ 1836 г. I, а въ 1838 г. II-й томъ его «Учебника Церковной Исторіи»,—превосходные труды, которые къ сожалѣнію оба остались незаконченными. Отъ завершения ихъ его отвлекли другія работы. Но всетаки въ это время слава его какъ церковнаго историка успѣла распространиться, весьма широко, и особенно заинтересовала извѣстнаго писателя богослова Вайземана, тогда еще состоявшаго профессоромъ и ректоромъ въ Римѣ. Онъ носился съ мыслью завязать болѣе тѣсныя связи между англійскимъ и нѣмецкимъ духовенствомъ, именно съ цѣлю духовнаго укрѣпленія перваго, и съ этою цѣлю нарочито пріѣзжалъ (въ 1835 г.) въ Мюнхенъ, чтобы лично познакомиться и переговорить по этому поводу съ Деллингеромъ, въ которомъ видѣлъ наиболѣе подходящаго посредника въ этомъ дѣлѣ. Осенью 1836 г. Деллингеръ самъ ѣздилъ въ Англію, завязалъ тамъ, не безъ участія именно Вайземана, тѣсныя связи со многими выдающимися учеными богословами и церковными дѣятелями, и эти связи уже никогда не порывались у него съ Англіей, къ которой онъ всегда чувствовалъ самыя глубокія симпатіи. Съ цѣлю осуществленія мысли Вайземана онъ пригласилъ къ себѣ въ Мюнхенъ цѣлую партію молодыхъ англичанъ, которые жили въ его домѣ, изучали богословіе подъ его непосредственнымъ наблюденіемъ и руководствомъ. Въ самой Англіи слава его была такъ велика, что въ 1839 году онъ получилъ формальное приглашеніе въ одну изъ англійскихъ коллегій, каковое приглашеніе, однако, онъ съ признательностью отклонилъ, такъ какъ хотѣлъ поработать побольше для нѣмецко-богословской науки. Среди его учениковъ въ это время особенно выдавался прославившійся впоследствии своими замѣчательными богословскими сочиненіями Мёлеръ (авторъ знаменитой «Символики», Патрологіи, Церковной исторіи и др.), и Деллингеръ, съ цѣлю удержать его въ университетѣ, уступилъ ему чтеніе лекцій по Церковной исторіи, а самъ читалъ (въ 1835—1839 гг.) «Историческую Догматику», въ 1837 г. сдѣлался главнымъ бібліотекаремъ университета и въ 1838 г. избранъ былъ экстра-ординарнымъ членомъ академіи наукъ, въ качествѣ какового прочелъ торжественную рѣчь на

тему: «Религія Магомета, — историческое разсужденіе». Съ этого времени онъ также заинтересовался исторіей средне-вѣковыхъ ересей и съ цѣлю собранія матеріаловъ—предпринималъ путешествія въ Голландію, Бельгію и Францію (1839 г.). Въ 1841 году имъ уже написана была значительная часть этого труда и нѣсколько листовъ даже было напечатано. Однако, печатаніе этого труда онъ долженъ былъ прервать, такъ какъ съ появленіемъ сочиненія Ранке «Нѣмецкая исторія въ вѣкъ реформаціи» онъ увидѣлъ недостаточность собранныхъ имъ матеріаловъ, порѣшилъ продолжать собраніе ихъ, но увлекся затѣмъ исторіей реформаціи, и сталъ собирать матеріалы уже для другого задуманнаго имъ, очевидно подъ влияніемъ Ранке труда, по «исторіи реформаціи», — разумѣется съ римско-католической точки зрѣнія.

Въ это время Деллингерь принималъ также дѣятельное участіе въ рѣшеніи разныхъ церковно-практическихъ вопросовъ, какъ напр., въ вопросѣ о смѣшанныхъ бракахъ. Этому большому вопросу, служившему постояннымъ источникомъ раздраженія и вражды между католиками и протестантами, онъ посвятилъ даже небольшое сочиненіе подѣ заглавіемъ: «О смѣшанныхъ бракахъ» и обнаружилъ такое большое знакомство съ этимъ вопросомъ, что официально былъ приглашаемъ въ судъ въ качествѣ эксперта по брачнымъ вопросамъ, хотя съ другой стороны это вовлекло его въ продолжительную полемику съ филологомъ Тиршемъ. Не столь удачнымъ было его участіе въ рѣшеніи другого церковно-практическаго вопроса. Съ ноября 1837 года во главѣ министерства исповѣданій сталъ Абель, который, будучи человекомъ крайняго клерикальнаго направленія, не замедлилъ войти въ связь съ кружкомъ Гёрреса, и такъ какъ въ связи съ этимъ кружкомъ находился и Деллингерь, то и онъ поддался отчасти этому направленію. Какъ выдающійся профессоръ онъ не преминулъ сдѣлаться орудіемъ новаго министерства, которое завалило его разными порученіями и между прочимъ поручило ему написать всемірную исторію и учебникъ по религіи для гимназій. Въ то же время онъ долженъ былъ фигурировать и въ качествѣ защитника разныхъ дѣйствій правительства въ церковно-религіозной области. Король Людовикъ I въ 1837 г. издалъ приказъ, полагая, что изъ этого выйдетъ прекрасное и назидательное военное зрѣлище, чтобы войска, не исключая и протестантовъ преклоняли колѣна

предъ «всесвятѣйшимъ таинствомъ» католиковъ. Понятно, что этотъ приказъ чрезвычайно встревожилъ протестантовъ и среди нихъ поднялись голоса съ требованіемъ, чтобы солдаты изъ протестантовъ были освобождены отъ этой оскорбляющей ихъ совѣсть церемоніи; король стоялъ на своемъ и доказывалъ, что колѣнопреклоненіе въ данномъ случаѣ не имѣетъ никакого вѣроисповѣднаго характера и есть исключительно военный актъ, и министерство должно было защищать эту точку зрѣнія. Понятно, что протестанты не удовлетворились этимъ и въ 1843 году протестантскіе депутаты подали формальную жалобу, докладчикомъ которой выступилъ профессоръ Гарлесъ. Дёллингеръ немедленно издалъ (сначала анонимно) очевидно оффиціозное сочиненіе: «Вопросъ о колѣнопреклоненіи протестантовъ, разсматриваемый съ религіозной и государственно-правовой стороны. Открытое письмо къ одному областному депутату» (января 1843 г.). Это злополучное сочиненіе даже у католиковъ не нашло полного одобренія: одни считали его не необходимымъ, а для другихъ оно казалось слишкомъ слабымъ. Нѣкоторыхъ неосторожныхъ или неудобныхъ выраженій проф. Гарлесъ никакъ не могъ оставить безъ отвѣта и отплатилъ ему той же монетой. Со стороны Дёллингера послѣдовалъ еще болѣе рѣзкій отвѣтъ подъ заглавіемъ: «Протестантизмъ въ Баваріи и колѣнопреклоненіе, — отвѣтъ проф. Гарлесу, 1843 г.». Но въ то время какъ адресатъ молчалъ, изъ среды протестантовъ выступилъ Тиршъ и выпустилъ противъ Дёллингера 3 брошюры, въ которыхъ онъ при всемъ признаніи его необычайныхъ дарованій, его огромной учености и его внѣ всякаго сомнѣнія стоящей дѣятельности, по совѣсти долженъ былъ высказать много для него горькаго. Дёллингеръ, по внушенію свыше, уже не отвѣчалъ больше, да и самъ онъ пришелъ къ убѣжденію, что королевскій приказъ, такъ оскорбившій совѣсть протестантовъ, слѣдовало отмѣнить, и стоялъ на своемъ даже когда объ этомъ доложено было королю и послѣдній потребовалъ его къ себѣ. Приказъ во всякомъ случаѣ былъ отмѣненъ, хотя и успѣлъ причинить столько ненужныхъ тревоженій.

Участіе въ этихъ церковно-практическихъ вопросахъ не мѣшало ему продолжать свои научно-литературные труды, и въ это время явилось его большое сочиненіе подъ заглавіемъ: «Реформація, ея внутреннее развитіе и ея значеніе въ области лютеранскаго исповѣданія» въ трехъ томахъ

1846—8 гг.; но изъ нихъ только первый томъ встрѣченъ былъ съ большимъ вниманіемъ, между тѣмъ какъ два послѣдніе тома, вслѣдствіе бурныхъ смятеній 1847—8 гг., остались почти незамѣченными. Сочиненіе это, въ которомъ предполагалось прослѣдить внутреннее развитіе протестантизма до половины XVIII вѣка, осталось неоконченнымъ, причемъ и другая часть его, въ которой подобнымъ же образомъ предполагалось изобразить состояніе римско-католической церкви, была и совсѣмъ не написана. Само собой понятно, что смотря по лагерю сочиненіе это встрѣтило различный приѣмъ; но нельзя отрицать, что первые два тома (въ III излагается исключительно исторія ученія объ оправданіи) довольно односторонни и даютъ лишь картину полную тѣней безъ проблеска свѣта. Дарованіе историка однако сказалося и на этомъ трудѣ, и извѣстный проф. Нипольдъ даже въ новѣйшее время напелъ возможнымъ признать за этимъ трудомъ высокое значеніе для ознакомленія съ XVI вѣкомъ.

Тяжелыя времена настали для Деллингера и его друзей, когда въ Мюнхенѣ начала совершаться свои безобразія испанская танцовщица Лола Монтець (съ ноября 1846 по февраль 1848 г.). Изъ-за этой танцовщицы должны были оставить университетъ цѣлый рядъ его друзей, какъ проф. Ласоль, Мой, Филиппъ (Герресъ умеръ раньше этого, именно 28 января 1848 г.), а чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ позже подобная же участь постигла и Деллингера, когда онъ, во избѣжаніе необходимости въ качествѣ уполномоченнаго отъ университета выступить съ жалобой на эти массовыя увольненія профессоровъ, оставилъ должность профессора (въ авг. 1848 г.), за то онъ въ томъ же году посланъ былъ во Франкфуртскій парламентъ, при которомъ и состоялъ до мая 1849 г., когда король Максимилианъ II вновь возстановилъ его въ должности профессора.

Въ эти годы Деллингера считали вообще ультрамонтаномъ, хотя самъ онъ рѣшительно воставалъ противъ этого, и совершенно справедливо, если подъ ультрамонтанствомъ разумѣть куріалистическую или іезуитскую систему. Эта система всегда претила его прямой и искренней душѣ, и когда въ первой половинѣ 40-хъ гг. его коллега по университету проф. Филиппъ выступилъ защитникомъ этой системы въ первыхъ томахъ своего «Церковнаго права», то Деллингерь прямо высказался по этому поводу такъ: Это сочиненіе повело къ все болѣе расширяющемуся раздѣленію

нашихъ убѣжденій, такъ что скоро всякое примиреніе стало невозможнымъ ¹⁾. Уже въ это время онъ вообще стоялъ въ открытой оппозиціи съ пропагандировшейся куріей и іезуитами системой церковноучительности. Когда Гарлесъ въ 1843 г. сослался на споръ о «непорочномъ зачатіи пресв. Маріи», то Дёллингеръ отвѣчалъ, что «церковь терпитъ разногласіе по второстепеннымъ вопросамъ, по которымъ ей ничего не открыто свыше и ничего не сообщено преданіемъ». За годъ до своей отставки онъ нѣсколько лекцій посвятилъ вопросу о папской непогрѣшимости, причемъ прямо высказывался противъ нея. Отъ этихъ лекцій въ его посмертныхъ бумагахъ сохранились черновые наброски. И когда его слушатели въ 1847 году, въ день его именинъ, поднесли ему въ аудиторіи адресъ, онъ въ своемъ благодарственномъ отвѣтѣ высказался, какъ объ этомъ свидѣтельствовалъ очевидецъ, покойный проф. Рейшъ, о томъ, какое великое значеніе могла бы имѣть самостоятельная нѣмецко-католическая (или національная) церковь, которая могла бы особенно взять на себя въ качествѣ спеціальной задачи разработку богословской науки. Наконецъ онъ высказывалъ какъ въ этихъ лекціяхъ, такъ и въ изданной особо во Франкфуртѣ брошюрѣ мнѣніе, что церковь не стоитъ выше государства и что средневѣковое владычество папства надъ государями и народами должно неминуемо закончиться. Эти идеи о національной церкви и о необходимости главенства папы надъ свѣтскою властью народовъ съ этого времени сдѣлались предметомъ задушевнаго идеала Дёллингера, и онъ пропагандировалъ ихъ и въ засѣданіяхъ франкфурскаго парламента, и въ отдѣльныхъ брошюрахъ, — причемъ по естественной логикѣ необходимо долженъ былъ вступить въ борьбу съ главными поборниками папской системы — іезуитами ²⁾. На первомъ генеральномъ собраніи въ Майнцѣ (въ октябрѣ 1848 г.) онъ, по настоянію прибывшихъ на собраніе въ качествѣ гостей нѣкоторыхъ сочленовъ по парламенту, прочелъ обстоятельный рефератъ о дѣятельности іезуитовъ въ церкви и школѣ, причемъ яркими красками нарисовалъ картину пагубныхъ и растлѣвающихъ цер-

¹⁾ Akad. Vortr. II, 185.

²⁾ Съ этою цѣлю имъ изданъ былъ въ 1848 г. трактатъ: „Kirche und Staat“, гдѣ онъ прямо заявилъ, что гг. іезуиты совсѣмъ не необходимы для Германіи...

ковно-религіозную жизнь народа махинаціи синовъ Лойолы. Въ октябрѣ и началѣ ноября того же года, приглашенный въ качествѣ богослова на съѣздъ епископовъ въ Вюрцбургъ, онъ выступилъ съ рефератомъ, въ которомъ опять развивалъ излюбленную имъ идею національной церкви и національнаго синода. Ту же идею онъ развивалъ и на генеральныхъ собраніяхъ въ Регенсбургѣ (1849 г.) и Линцѣ (1850 г.). Понятно, какъ всѣ эти рефераты съ настойчиво проводимой идеей національности и самостоятельности церкви были неприятны сторонникамъ папской системы, на смѣлаго новатора полетѣли доносы въ Римъ, (особенно со стороны тогдашняго архіепископа мюнхенскаго графа Рейзаха,) и въ Ватиканѣ стали съ этого времени относиться къ знаменитому ученому богослову съ большимъ недовѣріемъ и подозрительностью. Все это не мало огорчало его и онъ порѣшилъ на время устраниваться отъ практической дѣятельности и вновь посвятилъ себя кабинетнымъ ученымъ занятіямъ. Особенно онъ заинтересовался изданными въ 1851 году «Философуменами» и результатомъ его ученыхъ изысканій въ этой области явилось его сочиненіе «Ипполитъ и Каллистъ», которое въ данномъ вопросѣ получило классическій характеръ. (Своими церковно-историческими статьями по вопросу «о коронаціи» онъ достигъ того, что Наполеонъ III, не смотря на все его желаніе, не былъ коронованъ папой Піемъ IX (на что есть, по свидѣтельству проф. Фридриха, прямыя данныя въ его посмертныхъ бумагахъ).) Не столь легкой оказалась борьба по вопросу о непорочномъ зачатіи Богоматери. Противъ этого ученія Деллингерь высказывался уже и раньше, но іезуитская партія неустанно пропагандировала эту идею и добилась того, что недалеко было уже и формальное провозглашеніе этого мнѣнія въ качествѣ догмата римской церкви. Когда епископы затребовали отъ богословскихъ факультетовъ мюнхенскаго и тюрингенскаго университетовъ мнѣнія по этому вопросу, то они имѣли достаточно мужества, чтобы подать голосъ противъ него, а Деллингерь въ своей статьѣ «Дунсъ Скоттъ», написанной для большой римско-католической энциклопедіи Ветцера и Вельте, изложивъ исторію первоначальнаго спора по этому предмету привелъ между прочимъ отзывъ Іоанна Бэкона, сказавшаго, что такое ученіе есть *haeresis adulatoria et nimis devota* («соблазнительная и отнюдь не благочестивая ересь»). Это однако нисколько не смутило

сыновъ Лойолы, во главѣ которыхъ въ то время стоялъ пре- прославленный ими догматистъ патеръ Перроне: они донесли Пію IX, что Деллингеръ совсѣмъ ненадежный богословъ, въ своей аргументаціи не пользуется ни Библией, ни непрерывнымъ преданіемъ, и конечно ихъ мнѣніе восторжествовало: 8-го декабря 1854 г. новый догматъ былъ объявленъ *ubi et ubi* — къ поученію и послушанію римско-католическихъ народовъ всего земного шара! Тогда Деллингеръ убѣдился, что сила іезуитизма и проповѣдуемой имъ новосхоластической системы въ богословіи сдѣлалась фактически непреодолимой и, логически развиваясь, она неминуемо должна была рано или поздно привести и къ провозглашенію догмата папской непогрѣшимости. Очевидно принципъ, что нужно вѣрвать лишь въ то, во что вѣрвали всегда, всѣ и повсюду, былъ оставленъ.

Съ такимъ ложнымъ направленіемъ, противнымъ всей вѣковой исторіи истинно-вселенской церкви, именно державшейся заброшеннаго теперь принципа (*quod semper* и пр.) можно было бороться только распространеніемъ болѣе вѣрныхъ церковно-историческихъ познаній, и поэтому Деллингеръ задумалъ планъ обширной Исторіи Христіанской церкви, въ которой особенно широко предполагалось изложить исторію собственно папства, для чего собралъ обширный матеріалъ. Но къ сожалѣнію этому плану не суждено было осуществиться и отъ него мы имѣемъ лишь два, начальные отдѣла, вышедшіе въ видѣ отдѣльныхъ сочиненій, изъ коихъ первое явилось въ 1857 году подъ заглавіемъ: «Язычество и Іудейство», а второе въ 1860 г. подъ заглавіемъ: «Христіанство и церковь во время ихъ основанія». Отъ исполненія этого грандіознаго плана его отвлекли другія занятія, а главнымъ образомъ давно желанная имъ поѣздка въ Римъ. Тамъ именно онъ хотѣлъ найти себѣ вдохновеніе для огромнаго церковно-историческаго труда. И дѣйствительно — нашелъ тамъ массу мертваго ученаго матеріала, но не нашелъ главнаго, именно живой, истинной церкви, и возвратился съ тяжелымъ чувствомъ въ душѣ, что церковное государство, долженствующее по идеѣ осуществлять идею царства Божія на землѣ, есть въ дѣйствительности мерзость запустѣнія на мѣстѣ святѣ и игрушка политическихъ страстей.

II.

Состояніе папскаго церковнаго государства.—Общее желаніе услышать авторитетный голосъ по этому вопросу.—Лекціи Дёллингера въ Одеонѣ о папскомъ государствѣ.—Ученый приговоръ надъ свѣтскою властью папства.—Демонстративный выходъ нунція изъ аудиторіи.—Отзывы о лекціяхъ Дёллингера со стороны друзей и враговъ.—Состояніе Дёллингера въ это время.—Объясненіе его на „Общемъ собраніи католиковъ“ въ Мюнхенѣ.—Изданіе книги „Церковь и церкви, папство и церк. государство“ и поразительный успѣхъ ея.—Различныя мнѣнія о ней.—Отзывъ папы Пія IX.—Преждевременная радость автора.

Положеніе церковнаго государства давно уже представляло собою предметъ всеобщаго соблазна, и стремленіе итальянцевъ къ объединенію Италіи явно угрожало поглотить его. Даже Наполеонъ III, который еще пока поддерживалъ папу, колебался въ своемъ отношеніи къ нему. Но безъ церковнаго государства управленіе римско-католическою церковью многіе тогда считали невозможнымъ, а іезуиты прямо утверждали, что необходимость церковнаго государства для церкви принадлежитъ къ числу членовъ символа католической вѣры. Дёллингеръ давно со вниманіемъ слѣдилъ за этимъ движеніемъ, и, когда въ 1861 году, на праздникъ Пасхи, нѣкоторыя высокопоставленныя дамы просили его высказаться по этому предмету, онъ произнесъ свои знаменитыя Одеонскія лекціи, причемъ прямо указалъ на возможность, даже вѣроятность уничтоженія церковнаго государства, а слѣдовательно свѣтской власти папства. Весь, можно сказать, римско-католическій міръ съ замираніемъ сердца прислушивался къ этому, а Наполеонъ III приказалъ даже передавать себѣ содержаніе этихъ лекцій по телеграфу. Такъ какъ эти лекціи представляютъ собою первый шагъ къ выясненію точки зрѣнія Дёллингера на папство, какъ учрежденіе, то нелишне подробнѣе остановиться на нихъ.

Вопросъ, который въ 1861 году такъ сильно озабочивалъ Дёллингера, былъ, въ сущности, не столько богословскій или религіозный, а скорѣе свѣтскій, политическій, именно, положеніе церковнаго государства, которое приводило весь римско-католическій міръ все въ большее и большее смущеніе. Многія провинціи совсѣмъ отпали отъ папства, а другія находились въ открытомъ возстаніи. Видя

полную невозможность долѣе поддерживать папу, Наполеонъ III сдѣлалъ Пію намекъ, чтобы онъ добровольно отказался отъ отпавшихъ отъ него провинцій; но папа рѣшительно отклонилъ этотъ намекъ и въ энцикликѣ отъ 19 января 1861 г. изложилъ къ свѣденію всѣхъ патріарховъ, архіепископовъ и т. д. основанія своего отклоненія, заявивъ, что скорѣе готовъ все терпѣть и даже умереть, чѣмъ «отказаться отъ дѣла Божія, отъ церкви и правды». Явившееся по этому поводу сочиненіе «Папа и конгрессъ» произвело во Франціи цѣлую бурю неудовольствія, и 29 февраля, на заявленіе нѣкоторыхъ французскихъ епископовъ, послѣдовало заявленіе со стороны епископовъ Бельгіи, Германіи, Голландіи, Англіи и Швейцаріи, что церковное государство существенно и безусловно необходимо для существованія церкви; причемъ духовенство и народъ обращались съ безчисленными адресами къ папѣ и, производя денежные сборы, старались доставить ему и необходимыя средства для содержанія арміи. Однако, никакія усилія не могли уже задержать хода событій: 18 сентября въ битвѣ при Кастельфидардо, папское войско потерпѣло пораженіе отъ сардинцевъ и обратилось въ постыдное бѣгство.

Деллингеръ не могъ закрывать глазъ на эти событія. Хотя уже во время своего пребыванія въ Римѣ въ 1857 г. онъ воочію убѣдился, что конецъ церковнаго государства близокъ, однако, онъ очень осторожно приступалъ къ этому вопросу, какъ это видно изъ его переписки съ проф. Юргомъ, который, какъ редакторъ «Церковно-Политическихъ Листковъ», былъ также близко заинтересованъ важнымъ вопросомъ. Только уже 18 окт. Деллингеръ открыто писалъ Юргу, что по его мнѣнію «церковное государство близится къ концу по опредѣленію свыше», и онъ даже полагаетъ, что въ концѣ концовъ для церкви отсюда будетъ существенная польза. Въ этомъ мнѣніи его еще болѣе утвердило появившееся въ лондонскомъ еженедѣльномъ журналѣ «Weekly Register» отъ 2 марта 1861 года сообщеніе, въ которомъ говорилось: «Возвратившійся изъ Рима архіепископъ реннскій рассказывалъ, что самъ Пій сказалъ ему: я не дѣлаю себѣ никакихъ иллюзій; *свѣтская власть должна пасть*. Гойонъ выдастъ меня. Тогда я распушу свои остальные войска; короля, если онъ вступитъ въ Римъ, подвергну отлученію, и спокойно буду ждать своей смерти»,—сообщеніе, которое казалось Деллингеру тѣмъ достовѣрнѣе, что корреспондентъ

этой газеты, котораго ему выдавали за очень хорошо освѣдомленнаго и надежнаго человѣка, не сдѣлалъ никакого опроверженія. Эти обстоятельства впервые и побудили его рѣшиться успокоить возбужденные умы и подготовить публику къ грядущимъ событіямъ, которыя уже «бросали свои тѣни на настоящее». Все это, конечно, было хорошо, но Деллингеръ упустилъ изъ вида, что онъ рѣшился плыть противъ теченія общественнаго мнѣнія почти всего римско-католическаго міра, которое находилось подъ неотразимымъ вліяніемъ епископскихъ посланій. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ сталъ также въ противорѣчіе и съ новымъ богословскимъ направленіемъ, тенденція котораго состояла въ томъ, чтобы придать церковному государству своего рода догматическую значимость, какъ и дѣйствительно почти одновременно совратившійся въ папство Маннингъ, въ своихъ лекціяхъ «о свѣтской власти папы» (1861), требовалъ, чтобы необходимость ея для церкви была возведена на степень догмата. Нечего и говорить, что оо. іезуиты усердно подбирали подобнаго рода заявленія и хоромъ провозглашали, что-де «единогласная магистерія всей учащей церкви торжественно объявила, что свѣтская власть необходима для свободы и независимости церкви», что по-сему это ученіе «есть истинно-католическое, которому ни одинъ католикъ не можетъ противорѣчить безъ ущерба для своей вѣры», и это настроеніе было такъ сильно, что отъ ватиканскаго собора можно было одно время ожидать даже особаго опредѣленія касательно церковнаго государства.

И вотъ 5 апр. Деллингеръ прочелъ въ большомъ залѣ «Одеона» свою первую лекцію, которая въ виду важности предмета привлекла огромную массу слушателей изъ избранной публики (до 500 лицъ), среди которой былъ и папскій нунцій князь Киджи. Сдѣлавъ нѣсколько вступительныхъ словъ, лекторъ прямо поставилъ жгучіе вопросы: устоитъ ли церковное государство, или исчезнетъ? Останется ли глава церкви вмѣстѣ и главою государства, или наступило время, когда свѣтская власть папы должна быть отдѣлена отъ духовной?... Что станетъ тогда съ папскимъ престоломъ, если у него будетъ отнята почва изъ-подъ ногъ? И въ состояніи ли онъ будетъ и далѣе исполнять свою высокую задачу, если онъ, такъ сказать, будетъ висѣть въ воздухѣ, или поставленъ будетъ въ зависимость отъ чуждой сего цѣлямъ власти? Указавъ прежде всего на важность этого вопроса, лекторъ затѣмъ въ корот-

кихъ словахъ обозрѣлъ исторію землевладѣльческаго или государственнаго положенія папы. Представители церковной науки, напр. Белларминъ, видѣли въ этой связи высшей церковной власти и достоинства съ мірскимъ царствомъ не преимущество или совершенство, а нѣчто такое, что сдѣлалось необходимымъ лишь по требованію времени. Эта потребность, безспорно, существуетъ еще и въ наше время въ меньшей мѣрѣ, какъ и раньше. Но въ то же время въ католическомъ мірѣ возвышаются многочисленныя, даже богословски вліятельныя голоса, которые утверждаютъ, что наступилъ моментъ для раздѣленія двухъ властей. «Причины этого поразительнаго явленія нужно искать въ положеніи Италіи, во внутреннемъ состояніи церковнаго государства, въ настроеніи итальянскаго народа и особенно папскихъ подданныхъ». Но, когда онъ затѣмъ приступилъ къ изображенію вопіющихъ недостатковъ папскаго правительства и печальнаго состоянія дѣлъ въ церковномъ государствѣ, въ аудиторіи стало замѣчаться возбужденіе. Паписты не выдержали слишкомъ прямого рѣшенія вопроса и протестовали, а папскій нунцій всталъ и демонстративно оставилъ залъ. Хотя и смущенный, Деллингеръ, однако, продолжалъ, развитіе своей мысли, и въ заключеніе напомнилъ, что кардиналъ Пакка, во времена наполеоновскаго владычества, открыто высказывалъ мысль, что погашеніе свѣтской власти римскаго престола повлекло бы за собою немаловажныя выгоды для церкви, и такъ какъ Европа шла навстрѣчу великой міровой монархіи, то папа могъ бы безъ ущерба для своего церковнаго положенія опять быть подданнымъ въ ней, какъ нѣкогда папы и были таковыми въ Римской имперіи.

Какъ содержаніе лекціи, такъ и особенно демонстративный уходъ съ нея папскаго нунція произвели повсюду необычайное возбужденіе, которое изъ зала Одеона перешло въ городъ, а когда «Аугсбургская Всеобщая Газета» воспроизвела главныя положенія лекціи, то оно распространилось по всѣмъ римско-католическимъ странамъ. Деллингеръ былъ крайне удивленъ этимъ, и неприкровоенно замѣтилъ объ этомъ во вступленіи къ своей второй лекціи 9 апрѣля, которую Наполеонъ также приказалъ немедленно передать себѣ по телеграфу. Но ему не удалось и въ этой лекціи опять возстановить успокоеніе, хотя онъ чувствовалъ, что ему нужно сдѣлать что-нибудь къ успокоенію возбужденныхъ умовъ.

Поэтому онъ предложилъ рукопись своихъ обѣихъ лекцій редакціи «Всеобщей Газеты». Къ удивленію, однако, тамъ ему отказали въ приѣмѣ. Положеніе его было крайне затруднительно, и оно облегчено было лишь рядомъ полученныхъ имъ писемъ отъ друзей. Такъ проф. Авликке писалъ ему: «Съ нѣкотораго времени вы, котораго вообще такъ охотно хотѣли бы заставить замолчать съ извѣстной стороны, сдѣлались предметомъ многихъ разговоровъ и газетныхъ статей. Какъ въ нашихъ католическихъ, такъ и въ протестантскихъ и смѣшанныхъ кругахъ, господствуетъ большое возбужденіе, по поводу взглядовъ, высказанныхъ вами въ вашихъ лекціяхъ. Есть голоса благопріятные, а есть и противные, и такіе, которые полагаютъ, что было бы лучше во время продолжающихся смуть не высказывать мнѣнія о ненужности особой власти въ церковномъ государствѣ. Меня, который васъ такъ искренно любитъ и уважаетъ, и болѣе, чѣмъ большинство другихъ, знаетъ, насколько церковь и мы всѣ обязаны вамъ, дѣло это затрогиваетъ съ двухъ сторонъ. — не въ виду, какъ вы это лучше всего знаете, какого-нибудь существеннаго сомнѣнія, но потому, что мнѣ очень прискорбно видѣть васъ запутаннымъ въ такой дилеммѣ и поднавшими недоразумѣніямъ, которыя для васъ лично должны быть неприятны и навѣрно могутъ быть эксплуатированы къ видимому ущербу для дѣла». Изданіе этихъ лекцій съ предисловіемъ «было бы наилучшимъ средствомъ оправданія». Между тѣмъ дѣло начало принимать и другой болѣе серьезный оборотъ. «Обѣ ваши лекціи, писалъ ему проф. Флоссъ здѣсь (въ Боннѣ) вызвали большое, у отдѣльныхъ лицъ даже страстное, раздраженіе противъ васъ. Я хорошо освѣдомленъ, что вчера и сегодня отсюда во всѣхъ направленіяхъ, факультетамъ, высшимъ учебнымъ заведеніямъ и семинаріямъ, до самой Австріи, разосланы предписанія высказаться противъ васъ, причемъ эти мнѣнія затѣмъ, одно за другимъ, будутъ опубликованы».

Подобныя же манифестаціи начались и въ другихъ мѣстахъ. Въ Падерборнѣ епископъ Мартинъ, настроенный ученикомъ іезуитовъ, профессоромъ Клеменцемъ въ Мюнстерѣ, потребовалъ по поводу этихъ лекцій объясненія отъ богословскаго факультета, а въ Мюнстерѣ съ настойчивостью требовали того же кромѣ Клеменца и нѣкоторые другіе. Изъ Инсбрука проф. Мой отъ 17 апрѣля писалъ: «Буря, которую ты вы-

звать своими лекціями, все возрастаетъ. Противъ тебя готовится грандіозная манифестація. Прошу тебя, утиши ихъ прямымъ обращеніемъ къ св. отцу и немедленнымъ опубликованіемъ объясненія, которое ты пошлешь ему. Я не могу вѣрить, чтобы ты изъ дурного состоянія въ церковномъ государствѣ хотѣлъ извлечь то слѣдствіе, которое нѣкогда извлекалъ Ламенне. Ты помнишь навѣрно о томъ рѣшительномъ отвѣтѣ, который Оберкампъ далъ на объясненіе этихъ золь изъ связи между государствомъ и церковью: «тѣло и душа постоянно находятся во взаимообщеніи, и при своей связи чувствуютъ себя очень дурно, в, однако, вы не можете раздѣлить ихъ между собою». Изъ Праги жена профессора Гёффлера сообщала, что и тамъ пытались съ Рейна возбудить противъ него агитацію, но для этого не оказалось надлежащей почвы, причѣмъ высказала свой весьма мѣткій взглядъ на Даллингера, слѣдующаго содержанія: «Слишкомъ большая объективность довела васъ до неуязвимости, которая обратила монсьенора Киджи въ послѣшное бѣгство». Подобнымъ же образомъ дѣло шло и въ другихъ мѣстахъ, даже въ самомъ Боннѣ. Среди этихъ смуть и волненій, Даллингеръ, однако же, находилъ и горячихъ защитниковъ, напр. въ лицѣ Альбана Штольца, о которомъ извѣстный издатель Гердеръ говорилъ: «хотя и не будучи согласенъ со всѣмъ, что вы говорили, онъ однако, рѣшительно выступаетъ за васъ, и въ высшей степени неодобрительно отзываясь о томъ способѣ и тонѣ, съ которыми католическая печать разжигаетъ вражду противъ васъ»: «Въ недалекомъ времени, думается мнѣ (писалъ самъ Гердеръ), и съ католической стороны будутъ очень рады, что вы высказали все это, хотя въ данный моментъ это и причиняетъ скорбь» (17 мая). А тогдашній коллега Даллингера, пассаускій соборный капитулярій Бухнеръ, говорилъ, что его «очень удивило бы, если бы черезчуръ правовѣрный Даллингеръ выставилъ какія-нибудь сомнительныя положенія... Я, конечно, не желаю, чтобы церковное государство было отнято у св. отца; однако, не могу думать, что чрезъ это несчастное хищеніе была бы уничтожена церковь... Если бы 70 лѣтъ тому назадъ сказали: скоро наступитъ время, когда у нѣмецкихъ князей-епископовъ будутъ отняты ихъ мірскія владѣнія, то, конечно, многіе также возопили бы: «ну, тогда настанетъ конецъ католической церкви въ Германіи, потому что безъ этихъ князей-епископовъ и ихъ соборныхъ капиту-

ловъ она не можетъ существовать». И, однако, черезъ 70 лѣтъ уже ни одинъ пѣтухъ не поетъ объ этомъ. Теперь мы имѣемъ епископовъ и соборные капитулы, которые служатъ церкви гораздо лучше, чѣмъ тѣ князья-епископы». Такъ какъ враждебная Даллингеру іезуитская печать продолжала раздувать это дѣло и произвольными выдержками изъ его лекцій смущала совѣсть правовѣрныхъ католиковъ, выставляя автора лекцій, чуть не антихристомъ, то единственнымъ средствомъ обуздать эту вакханалію лжи и клеветы осталось сполна издать эти лекціи съ надлежащимъ пояснительнымъ предисловіемъ и примѣчаніями. Такъ ему совѣтовали друзья, и онъ немедленно приступилъ къ изданію лекцій въ видѣ особой книги о церковномъ государствѣ. Уже 19 апрѣля онъ писалъ Фридолину Гофману: «Посылаю вамъ корректурные листы моего сочиненія о церковномъ государствѣ; о самомъ дѣлѣ, именно, о газетныхъ сообщеніяхъ, предварительно и спѣшно пару словъ: во-первыхъ, сообщенія эти, насколько я ихъ видѣлъ, неточны, такъ какъ, выпуская все смягчающее, выдвигаютъ только самыя острыя стороны моихъ лекцій. Во-вторыхъ, моимъ намѣреніемъ было а) выступить противъ лжующихъ ожиданій протестантовъ, что-де потеря церковнаго государства должна повлечь за собою немедленное распаденіе и католической церкви; б) подготовить католиковъ къ *возможности* этой потери и въ то же время показать, что она еще можетъ быть предотвращена. Я говорилъ только о возможности, между тѣмъ, какъ *papa* уже нѣсколько недѣль тому назадъ самъ сказалъ архіепископу реннскому: «свѣтская власть папскаго престола *должна* погибнуть». Такъ сообщали въ англійскихъ газетахъ. Неужели это осталось совершенно незамѣченнымъ въ нѣмецкой журналистикѣ? Въ своей книгѣ я надѣюсь высказать свое убѣжденіе о неизмѣнномъ продолженіи папства такъ ясно и энергично, что недоразумѣніе едва ли болѣе будетъ возможнымъ. Но я не вѣрю вообще въ продолжаемость управленія государствомъ монсиньорами и духовенствомъ. Я видѣлъ это въ подробностяхъ. Предоставляю вамъ воспользоваться этими краткими указаніями». Гофманъ немедленно опубликовалъ это письмо въ «Кельнскихъ Листкахъ». Но онъ оставался еще въ нерѣшительности, потому что «упомянутое выраженіе папы къ епископу реннскому», писалъ Флоссъ, «было, конечно, назначено не для публики, и я еще не знаю, хороше ли было распространять его дальше. Оно, съ одной

сторонны, слишкомъ обезкураживало бы, а съ другой слишкомъ ободряло бы». Также и «заключительное положеніе, что «вы не вѣрите въ продолжаемость управленія государствомъ монсиньорами и духовенствомъ», встрѣтило самые различные комментаріи... Изъ массы полученныхъ здѣсь писемъ отъ разныхъ нунціатуръ, епископовъ, богослововъ и канонистовъ, я читалъ нѣкоторыя, и въ нихъ высказывается недовольство, что обвиненія противъ духовно-свѣтскаго управленія высказаны вами именно теперь. Однако, все это основывается, какъ и всѣ сознаютъ въ этомъ, на газетныхъ извѣстіяхъ и слухахъ... Говорятъ, вы при этомъ поступили подобно врачу, который, пригласивъ своихъ друзей на научную лекцію, ведетъ ихъ къ постели своего, въ предсмертныхъ судорогахъ находящагося отца, показываетъ имъ всѣ его тѣлесныя неизлѣчимыя страданія и затѣмъ холодно, въ заключеніе, прибавляетъ: «вотъ, смотрите, этотъ человѣкъ по собственной винѣ причинилъ вредъ своему здоровью; его уже нельзя спасти, однако, будемъ утѣшаться тѣмъ, что онъ не погибъ, потому что у него есть безсмертная душа» (26 апрѣля). Такъ какъ Деллингеръ не могъ понять, почему и въ ученыхъ кружкахъ, и даже въ Боннѣ, такъ сильно агитировали противъ него, то Флоссъ сообщилъ ему, какая масса всякаго же рода доносовъ и обвиненій тайно накопилась противъ него, — особенно въ Мюнхенѣ, откуда все это направлялось въ Римъ, возбуждая и тамъ недовольство и подозрительность противъ него. Особенно неистовствовали именно іезуиты. Что дѣлалось въ ихъ лагерѣ, объ этомъ свидѣтельствуетъ одно письмо Горга. «Повидимому, писалъ онъ, вы не имѣете надлежащаго представленія о томъ сильномъ возбужденіи, которое возникло по поводу вашихъ лекцій и которое, какъ увѣряютъ, проникло даже въ сельскіе трактиры». До какой степени дошло возбужденіе въ обществѣ, можно судить изъ того, что стали носиться слухи о томъ, что вскорѣ подвергнется осужденію и занесенію въ индексъ запрещенныхъ книгъ даже такая высокоцѣнная книга Деллингера, какъ «Христіанство и Церковь». Объ этомъ слышалъ профессоръ Фридрихъ, и въ то же время проф. Рейшъ писалъ въ своихъ «наброскахъ»: «Одно духовное лицо въ Кельнѣ сообщило мнѣ, что изъ университета ему сообщило одно дружественное лицо, что «Христіанство и Церковь» Деллингера неминуемо попадетъ въ индексъ. На удивленный вопросъ, что же подлежитъ обвиненію въ этой

книгѣ, онъ отвѣчалъ: высказанный на 263 стр. взглядъ на «оболочку» души въ промежуточное время отъ смерти до воскресенія. Душа-де нуждается въ этой оболочкѣ, какъ органъ во время этого промежутка, «и этотъ органъ будетъ зародышемъ, изъ котораго при воскресеніи выростетъ новое безсмертное тѣло». А Лангенъ затѣмъ слышалъ «изъ устъ одного епископа, желавшаго во чтобы то ни стало казаться ученымъ, что онъ отмѣтилъ болѣе ста мѣстъ, въ которыхъ книга отзывается рационализмомъ. Этотъ епископъ былъ пресловутый Лоранъ, который объ Одеонскихъ лекціяхъ писалъ: «Это подлая выходка, постыдное дѣло, іудинъ поцѣлуй, и пусть онъ раскается въ нихъ на своемъ смертномъ одрѣ»¹⁾). Не удивительно, что душевное состояніе Деллингера въ это время было не легкое. Когда проф. Фридрихъ возвратился съ своей родины, съ окончаніемъ отпуска, опять въ Мюнхень, то онъ нашелъ у себя на столѣ письмо отъ него съ просьбой, тотчасъ же придти къ нему. Со слезами на глазахъ сказалъ онъ ему: «Вы уже хорошо знаете о томъ возбужденіи, которое причинили мои лекціи въ Одеонѣ, хотя я не знаю, собственно почему. Я долженъ что-нибудь написать въ объясненіе, и нуждаюсь для этого въ вашей помощи. Приходите завтра въ полдень къ обѣду, и мы, не теряя времени, переговоримъ объ этомъ». Онъ былъ уже погруженъ въ работу по изданію своихъ лекцій въ болѣе расширенномъ и переработанномъ видѣ. Планъ сочиненія у него былъ уже готовъ и онъ самъ уже почти заканчивалъ первую часть, которую по листамъ сдавалъ въ печать. Профессора же Фридриха онъ просилъ собирать и цитировать матеріалы для второй части, содержавшей древнѣйшую исторію церковнаго государства изъ итальянскихъ хроникъ, историческихъ произведеній и проч. Такъ продолжалась совмѣстная работа въ теченіе цѣлаго лѣта, хотя Деллингеръ и не могъ вполне воспользоваться этой работой, такъ какъ первая часть у него разрослась въ цѣлую книгу, такъ что по древней исторіи церковнаго государства пришлось писать гораздо короче, чѣмъ онъ предполагалъ первоначально.

При этомъ Деллингеръ продолжалъ писать объяснительныя письма и получалъ нерѣдко отвѣты, ободрявшія его въ работѣ. Таково было особенно письмо отъ извѣстнаго француз-

¹⁾ Deutscher Merkur 1889, № 16.

скаго богослова Марата, который выражалъ ему глубочайшее сочувствіе и скорбь по случаю поднятой противъ него вражды.

Сказавъ, что изданіе лекцій будетъ единственно вѣрнымъ отвѣтомъ на ожесточенныя и отвратительныя нападки, онъ писалъ: «Вы, безъ сомнѣнія, знаете, что я самъ объявилъ себя св. отцу врагомъ свѣтской власти и знаменосцемъ галликанизма. Обвиненія, подсказанныя тѣми же страстями, подъ вліяніемъ которыхъ нападаютъ и на васъ, имѣютъ достаточно силы въ Римѣ, чтобы заставить меня отказываться доселѣ отъ каноническаго учрежденія для Ваннскаго діоцеза, на который я назначенъ уже почти съ годъ».

Между тѣмъ, чѣмъ дальше подвигалась работа, тѣмъ болѣе ослабѣвалъ гнетъ, который тяготѣлъ на Деллингерѣ въ первые мѣсяцы послѣ Одеонскихъ лекцій. Одно письмо проф. Михелиса пробудило въ немъ новыя мысли. Послѣднемуѣ попалась подъ руки одна франц. книга («Непогрѣшимость», сочиненіе автора «Французской Реставраціи»). Тенденція этой книги заключалась въ томъ, чтобы доказать личную непогрѣшимость папы въ томъ смыслѣ, что она завершаетъ собою понятіе непогрѣшимости учительной должности. что разсматривать весь епископатъ, какъ интегральную составную часть учительной должности, значить проповѣдывать раціонализмъ и революціонный принципъ, такъ какъ этимъ-де отрицается основанный Христомъ организмъ церкви, и такія утвержденія расходятся по всему свѣту съ авторизаціей со стороны конгрегаціи индекса. Въ виду такихъ безцеремонныхъ разсужденій французскихъ богослововъ, по мнѣнію проф. Михелиса, было бы особенно благовременно теперь, если бы нѣмецкая католическая наука (вѣдь, къ сожалѣнію, отъ епископата нечего ожидать) «заняла подобающее ей положеніе и стала достойно охранять церковь отъ великихъ соблазновъ» (отъ 27 іюля). На это, а вмѣстѣ и на другое письмо Михелиса, Деллингеръ отвѣчалъ: «Спѣшу поблагодарить васъ за любезную пересылку вашего послѣдняго сочиненія («Примѣчанія на защищаемую іезуитомъ Клейдгеномъ философію прежняго времени», 1861 года). Всецѣло занятый совершенно другими дѣлами, теперь я не могу проштудировать его съ надлежащимъ вниманіемъ, и долженъ отложить это до слѣдующаго мѣсяца; но я все-таки достаточно вижу, что вы сильно пощипали Клейдгена съ надлежащей стороны. Къ сожалѣнію, по безнравственному обычаю ордена, онъ опять вступится за своего подвергшагося нападенію со-

брата и будетъ сильно ратовать за него. Для меня было бы удивительно, если бы не случилось этого. Вы спрашиваете меня о предстоящемъ здѣсь вскорѣ католическомъ собраніи. Вамъ это извѣстно лучше, такъ какъ вы имѣете больше опыта, что изъ этихъ собраній, по недостатку прочной организаціи, вообще выходитъ мало. Между тѣмъ какъ было бы хорошо, если бы именно богословы и литературные дѣятели воспользовались этимъ случаемъ для особыхъ переговоровъ; въ интересномъ матеріалѣ не было бы недостатка. Я уже неоднократно высказывалъ отдѣльнымъ лицамъ, что нѣмецкіе католическіе богословы должны бы по временамъ устраивать собранія и бесѣдовать на нихъ. Всѣ одобряютъ эту мысль, и, однако, въ концѣ концовъ ничего не выходитъ отсюда. Быть можетъ, на этотъ разъ въ Мюнхенѣ будетъ сдѣлано маленькое начало. Вы хорошо сдѣлаете, если также придете».

Состоявшееся 9—12 сентября «католическое общее собраніе» въ Мюнхенѣ было на этотъ разъ блистательнѣе, чѣмъ когда-либо, такъ какъ на немъ присутствовали почти всѣ министры, президенты обѣихъ палатъ, оба бургомистра и др. Прибылъ также и Деллингеръ, хотя тутъ встрѣтили не какъ прежде—въ качествѣ представителя союзу и торжественнаго оратора, а скорѣе какъ кающагося грѣшника, ищущаго примиренія. Что вопросъ о церковномъ государствѣ долженъ былъ играть извѣстную роль на этомъ собраніи, это можно было предвидѣть; однако, всѣ старались избѣгать разсужденій о немъ и ограничивались тѣмъ, что составленный мѣстнымъ комитетомъ обстоятельный по этому вопросу отвѣтъ папѣ былъ прочитанъ на второмъ открытомъ засѣданіи (10 сентября). Но не всѣ были довольны этимъ: многіе съ гораздо большимъ удовольствіемъ прослушали бы Деллингера, въ предположеніи, что онъ еще болѣе скомпрометируетъ себя. На четвертомъ собраніи уполномоченныхъ и участниковъ онъ дѣйствительно, «при всеобщемъ напряженіи и оживленныхъ привѣтствіяхъ», взшелъ на трибуну и далъ слѣдующее объясненіе: «Нѣкоторые изъ друзей обратили мое вниманіе на то, что относительно моего согласія съ мнѣніями, которыя это достопочтенное собраніе отчасти уже публично высказало по вопросу о свободѣ св. отца-папы и церковнаго государства, отчасти намѣрено еще высказать, — существуютъ сомнѣнія, распространяется взглядъ, будто бы я держусь касательно этого совершенно иного мнѣ-

нія... Поэтому, я, сегодня утромъ, набросалъ нѣсколько краткихъ положеній, которыя въ самой точной формѣ должны выразить мои взгляды и мое согласіе. Позвольте же мнѣ прочесть вамъ эти положенія: 1) если папа защищаетъ свое господство противъ нападений чуждаго коварства и земельной алчности, то онъ борется за самое правое дѣло; 2) дѣло папы есть дѣло всѣхъ законныхъ монарховъ, есть дѣло общественнаго права, мира и порядка Европы; еще болѣе церковь, во всякомъ случаѣ, нуждается въ независимомъ и самостоятельномъ верховномъ главѣ; папа не можетъ и не долженъ быть подданнымъ какого-нибудь монарха или чужеземнаго правительства, онъ—такъ требуютъ этого блага и единство всей церкви—долженъ быть государемъ. Это его государство не можетъ и не должно быть простымъ титуломъ: оно должно представлять нѣчто реальное, должно имѣть твердый базисъ. Онъ долженъ, слѣдовательно, владѣть областью съ государственнымъ достоинствомъ, и если она отнимается у него, то сохраненіе или возстановленіе этой государственности должно быть общимъ дѣломъ всего католическаго христіанства. Я говорилъ это и раньше. Но такъ какъ мои слова переданы неправильно, то и мой взглядъ былъ извращенъ».

Эти объясненія, какъ плодъ наболѣвшей души, жаждавшей умиротворенія, были приняты собраніемъ какъ знакъ отступленія Деллингера отъ своего принятаго положенія. Поэтому его неоднократно прерывали радостными кликами, которые, когда онъ кончилъ, превратились въ несмолкаемую «бурю восторговъ». Президентъ Генрихъ фонъ-Андлавъ, думая, что пора закончить собраніе, сказалъ: «Я надѣюсь дать чувствамъ всего собранія выраженіе тѣмъ, если заявлю, что восторгъ, съ которымъ весь католическій земной кругъ давно уже относится къ знаменитому оратору, еще болѣе возвышается вслѣдствіе того, что онъ только-что высказалъ. Да здравствуетъ господинъ докторъ фонъ-Деллигеръ!» И все собраніе одушевленно прокричало троекратно «Нос!» Даже и его друзья обрадовались этому, думая, что отсюда прекратится травля Деллингера и возстановится желанный миръ. Епископъ Рудигеръ писалъ ему изъ Линца: «Ваше высокоблагородіе своимъ объясненіемъ... о свѣтской власти папы обрадовали милліоны католическихъ сердецъ. Позвольте мнѣ принести вамъ поэтому искреннѣйшее поздравленіе, хотя я и не имѣю чести быть знакомымъ съ вами.

Я чувствую себя обязаннымъ къ живѣйшей благодарности за многое, что въ свои юные годы, когда я еще былъ настолько счастливъ, чтобы имѣть время для богословскихъ занятій, многому научился изъ вашихъ сочиненій; но еще благодарите я вамъ за это именно объясненіе» (отъ 17 сентября).

Но ни это заявленіе, ни изданная въ октябрѣ книга: «Церковь и церкви, — Папство и церковное государство, — Историко-политическія разсужденія», не могли утишить вражды противъ него. Прежде всего, эта книга, конечно, поразила не только изумительною работоспособностью въ теченіе какихъ-нибудь шести мѣсяцевъ, но и еще болѣе своимъ содержаніемъ. Церковному вопросу, о которомъ первоначально шло дѣло, здѣсь отведено сравнительно мало мѣста, а большую часть сочиненія занимаетъ обзоръ состоянія христіанства по всей землѣ. Ссылаясь на свое сочиненіе: «Христіанство и Церковь», онъ говоритъ въ ней: «Въ прошломъ году я изобразилъ передъ вами, какъ Христосъ заложилъ основу для христіанства и церкви, и на ней же апостолы и ученики продолжали осуществленіе того плана, по которому должно было быть возведено все зданіе. Теперь, посмотримъ, что случилось съ христіанствомъ и церковію, — случилось въ рукахъ лицъ и народовъ. Это не есть нормальное состояніе, какъ хотѣлъ его Господь. Его сохранила и послѣдовательно развила дальше лишь католическая церковь съ папствомъ во главѣ. Папство, начинаясь двумя могучими, многосодержательными и всеобъемлющими словами Господа, основано въ природѣ и архитектоникѣ церкви, должно и будетъ продолжать свое существованіе. И для своей дѣятельности оно нуждается въ свободѣ и независимости, которыя только могутъ быть гарантированы земнымъ владѣніемъ съ правами государственности. Прекращеніе свѣтскаго владычества возможно. Тогда папа долженъ будетъ перенести свой престолъ за границу, но не во Францію, гдѣ онъ подвергся бы лишь униженіямъ, а въ Германію. Это время добровольнаго изгнанничества на нѣмецкой почвѣ, до возстановленія церковнаго государства, особенно благотворно подѣйствовало бы на римскихъ прелатовъ, которые здѣсь могли бы многому научиться. Возстановленіе вѣдь «послѣдуетъ, упрочится ли итальянское королевство или, что вообще вѣроятнѣе, опять распадется. Настанетъ время, когда итальянскій народъ будетъ желать мира съ папствомъ, когда

онъ убѣдится, какъ вѣрно сказалъ одинъ изъ его выдающихся умовъ, Томасіо: «Для Италіи было бы безумствомъ, если бы она этотъ свой щитъ и свой мечъ — папство — оттолкнула отъ себя и передала другому народу... Объ остальномъ печется Богъ, пекутся непрекращающіеся дары и громкія симпатіи католическаго міра, пекутся партіи въ Италіи».

Передъ изданіемъ своей книги Дёллингеръ писалъ Михелису, что «при чтеніи ея онъ пойметъ, что тутъ дѣло идетъ не столько о литературномъ произведеніи, сколько о самомъ дѣлѣ и о развивающемся въ Германіи мнѣніи и убѣжденіи. «Теперь я еще не понимаю хорошенько, что собственно толкнуло меня такъ глубоко въ эти горячіе уголья которые всякому, кто ихъ касается, обжигаютъ пальцы. Вѣдь такъ много безобидныхъ, болѣе благородныхъ темъ для меня, которыя я могъ бы обработывать и которыя гораздо пріятнѣе во всѣхъ отношеніяхъ, и, однако, я именно прямо *oborto collo* вторгаюсь сюда» (отъ 12 ноября).

Слѣдя за поступательнымъ развитіемъ воззрѣній Дёллингера, нельзя не замѣтить, что онъ въ своихъ политическихъ взглядахъ еще не имѣлъ точно выработаннаго міровоззрѣнія. Но вообще въ вопросѣ о церковномъ государствѣ онъ держался мнѣнія французскаго епископа Дюпанлу, что «тѣ, которые, подъ предлогомъ догматовъ, утверждаютъ, что палъ-де не нужно приводить свое правленіе въ гармонію съ потребностями повѣйшаго времени и законныхъ желаній народовъ, этимъ самымъ объявляютъ разрушеніе папской власти неизбѣжнымъ». Да и самъ онъ не придавалъ особеннаго значенія своему политическому таланту. «Я знаю только», писалъ онъ Юргу, «что въ этихъ дѣлахъ я болѣе эмпирикъ, чѣмъ теоретикъ; что мои политическіе взгляды составляютъ результатъ моихъ почти сорока-лѣтнихъ историческихъ изслѣдованій и моихъ впечатлѣній, вынесенныхъ изъ общественной жизни и путешествій. Квинтъ-эссенція ихъ можетъ состоять, пожалуй, въ томъ, что я чуждъ всякаго абсолютизма въ государствѣ и церкви; что корпоративное учрежденіе и попеченіе о собственныхъ дѣлахъ считаю лучшимъ, чѣмъ бюрократію. и что принципъ наполеоновскаго цезаризма: «все для народа, и ничто съ помощью народа», считаю вѣроломнымъ и бесполезнымъ, хотя имъ пользовались даже вполне законныя правительства. О нѣкоторыхъ трудныхъ вопросахъ высшей политики я, въ дѣйствительности, не имѣю твердо

установившихся взглядовъ, и успокоиваю себя тѣмъ, что вообще теоріями не всегда можно обходиться въ сложныхъ явленіяхъ жизни. Поэтому, у меня уже явилась мысль, что вы могли бы, быть можетъ, сдѣлать мнѣ слишкомъ много чести, предполагая, что я во всѣхъ мѣстахъ моей, притомъ довольно послѣпно составленной книги приложилъ къ вопросамъ масштабъ твердой и послѣдовательной теоріи» (21 октября 1861 г.).

Между тѣмъ подъ вліяніемъ общественнаго возбужденія изданная книга стала расходиться съ небывалою быстротою, которая поразила и автора и издателя. «Ольденбургъ (повѣренный книгоиздательства Котты въ Мюнхенѣ) пишетъ мнѣ, замѣчаетъ Деллингеръ въ одномъ письмѣ, что, не смотря на 5,000 экземпляровъ, которые онъ приказалъ напечатать, требуется уже новое изданіе моей книги. Это мнѣ не совсѣмъ понятно! Совершенно серьезная, съ тяжеловѣсной эрудиціей написанная книга въ 700 страницъ, и такой сбытъ!»—на что Горгъ уже въ 1890 г. замѣтилъ: «Этому, при падкости публики къ скандаламъ, нечего удивляться. Но для ученаго господина это было совершенно новое явленіе». Суть дѣла однако была не въ этомъ и не жажда къ скандаламъ служила причиной необычнаго успѣха книги, а то, что весь римско-католическій міръ съ нетерпѣніемъ жаждалъ разрѣшенія волновавшихъ его важныхъ церковно-политическихъ вопросовъ и искалъ этого разрѣшенія въ книгѣ Деллингера. Понятно, что общественное мнѣніе раздѣлилось и поднимались голоса за и противъ книги. Проф. Авликке писалъ отъ 15 декабря: «Что касается послѣдней части, то нужно признать, что по вопросу о генезисѣ и исходѣ состоянія дѣлъ въ церковномъ государствѣ я по мѣстамъ могу быть иного мнѣнія съ вами: и дѣйствительно въ нѣкоторыхъ пунктахъ я не схожусь съ вами. Что же изъ этого? Такъ бываетъ при всѣхъ назрѣвающихъ вопросахъ историческаго характера по необходимости, чего католическіе забіяки, къ сожалѣнію, недостаточно уяснили себѣ. Во всякомъ случаѣ подымающаяся съ этой стороны буря противъ васъ, крайне меня огорчившая, опредѣленно выяснила и открыла свободный путь къ спокойному выясненію положенію дѣла, каковое, во всякомъ случаѣ, не можетъ повредить церкви. Съ другой стороны, предисловіе (съ разсужденіемъ по вопросу о воссоединеніи) и первая часть переносятъ борьбу въ извѣнномъ родѣ въ лагерь противниковъ, за что вамъ *meo voto*,

церковь и всѣ, кто согласны съ нею, должны быть обязаны вышней благодарностью. Разсужденіе о приматѣ, въ его всемірно-историческомъ значеніи, противопоставленіемъ съ исторіей развитія схизмы и ереси должно снять бѣльмо съ глазъ у тѣхъ, кто *хотятъ* видѣть: оно можетъ, какъ мнѣ думается, существенно посодѣйствовать тому, чтобы сдѣлать участливыми и протестантскія власти въ дѣлѣ сохраненія церковнаго государства. Мнѣ думается, что съ враждебной стороны постараются прибѣгнуть къ системѣ замалчиванія. Я бы съ своей стороны желалъ, чтобы ее не замолчали, а дали вамъ скорѣе поводъ продолжать борьбу, которую только вы, съ вашими знаніями и вашей формой изложенія, можете вести съ нашей стороны, — на что я вамъ указывалъ уже четыре года тому назадъ, выражая желаніе, чтобы вы дали намъ церковную исторію новаго времени съ реформаціи. Это желаніе по данному неожиданному поводу теперь, по крайней мѣрѣ *pro parte*, пришло въ исполненіе». Въ этомъ же родѣ писали ему и другія лица. Между прочимъ, реформатскій пасторъ Гуртеръ изъ Шаффгаузена, братъ историка Гуртера, писалъ: «Ваше новѣйшее, столь же интересное, какъ и ученое сочиненіе... овладѣло всѣмъ моимъ вниманіемъ (*pop legi, sed devoravi*). Открытый, свободный, столь же достойный, какъ и прекрасный языкъ возбудилъ во мнѣ полный восторгъ. Церковь можетъ поздравить себя, что имѣетъ въ васъ столь достойнаго, свободнаго и открытаго ратоборца. Поэтому ваша книга будетъ имѣть большой успѣхъ, и въ непродолжительномъ времени потребуетъ третьяго изданія. Ваше произведеніе принесетъ свой плодъ, если прежде всего въ реформатскомъ лагерѣ этимъ плодомъ было бы лишь то, что нѣкоторые придутъ къ сознанію: «мы имѣемъ много, но много и потеряли и сдѣлаются болѣе справедливыми въ отношеніи къ матери-церкви» (17 января 1862 г.). Но конечно не было недостатка и въ отзывѣхъ противоположнаго характера. Такъ Вальтеръ говорилъ Кноодту: «Самое лучшее и единственно хорошее въ Деллингеровомъ сочиненіи находится на стр. XII. Его лекціи имѣли ту хорошую сторону, что обнаружили приверженность католиковъ къ св. престолу. Въ остальномъ Деллингеръ представляется ему католикомъ, который, напавъ на улицѣ на протестанта и, отколотивъ его, затѣмъ кричить: «смотрите, какой я хорошій католикъ, — я даже бью протестантовъ». Разоблаченіе римскихъ непорядковъ въ на-

стоящее время есть небывалое нечестіе — въ пользу Кавура». Изъ Кальна дошло до Бонна извѣстіе, что «черезъ шесть недѣль сочиненіе Деллингера будетъ стоять въ индексѣ»; а изъ Фрейбурга Гердеръ сообщалъ: «Васъ упрекають въ недостатокѣ почтительности и не могутъ примириться съ вашимъ признаніемъ заслугъ Лютера въ столь неограниченной степени» (отъ 14 декабря). Но особенно волновались и неистовствовали ученики іезуитовъ. О настроеніи ихъ по крайней мѣрѣ въ ихъ главномъ мѣстопробываніи, въ Эйхштедтѣ, подъ водительство каедральнаго пробста и ректора семинаріи, Эрнста, пасторъ изъ Гейдекке, Пауль Губеръ, сообщалъ: «Здѣсь кричатъ «караулъ». Извѣстный профессоръ лицея Пфалеръ..., какъ я слышалъ, съ нѣкотораго времени даже читаетъ особыя лекціи о вашемъ сочиненіи или, вѣрнѣе, *противъ* него... При одномъ названіи «нѣмецкое богословіе» здѣсь блѣднѣють отъ страха, а при намекѣ, что внѣшнее и мірское состояніе дѣль въ Римѣ не во всемъ образцово, воспаляются гнѣвомъ» (отъ 30 ноября). Мало того, обнаружилось, что и со многими прежними друзьями у него оказалось несогласіе во мнѣніи по многимъ важнымъ вопросамъ. Неудивительно, какъ онъ самъ сознается въ письмѣ къ Баадеру, что имъ овладѣло чувство одиночества. «Чувствовали ли вы когда-нибудь въ тяжелыхъ и деликатныхъ вопросахъ сильную потребность не одиноко стоять съ высказаннымъ вами взглядомъ, а имѣть сторонниковъ взгляда, — я не знаю; но въ теченіе двухъ-трехъ мѣсяцевъ я въ большей степени, чѣмъ когда-либо раньше чувствовалъ это, и поэтому ваше столь сердечное и дружелюбное письмо было для меня истиннымъ бальзамомъ, ободреніемъ и успокоеніемъ. Уже при составленіи книги я много и часто думалъ о васъ, и ваше прежнее письмо не осталось при этомъ безъ вліянія. Тѣмъ больше была моя радость, когда мнѣ ваше послѣднее письмо дало увѣренность, что вы вполне поняли меня и согласны со мною». — «Съ другой стороны, долгій разговоръ, который я недавно имѣлъ съ аудиторомъ нунціатуры, убѣдилъ меня, что даже римскія духовныя лица не имѣють ничего возразить противъ приведенныхъ въ моей книгѣ фактовъ; сеньоръ Алоизи жаловался только, что я слишкомъ рѣзко или односторонне выдвинулъ тѣневныя стороны тамошняго управленія. Но какъ же быть? Ясно, кажется, вотъ что: пока живъ Пій IX, останется и французская оккупация Рима. Но слѣдующій конклавъ вполне можетъ сдѣлаться поворотнымъ пунктомъ,

и мнѣ думается, что это не очень далеко. У папы, къ сожалѣнію, наступило начало гидропсїи. Такъ какъ объ этомъ извѣстно въ Парижѣ и Туринѣ, то, повидимому, тамъ порѣшили выждать. Чтобы кардиналы порѣшили оставить Италію на нѣкоторое время (что я считаю единственно цѣлесообразнымъ при данномъ положеніи), объ этомъ, въ виду того, что они по большей части люди престарѣлые, боящіеся всякой переменны, нечего и думать. Я, по крайней мѣрѣ, не надѣюсь, чтобы они рѣшились на столь смѣлый шагъ. Къ несчастью, и число кардиналовъ, при обстоятельствахъ въ родѣ теперешнихъ и для принятія болѣе смѣлыхъ рѣшеній, слишкомъ велико. Звѣзда Наполеона еще не на закатѣ. Смерть англійскаго принца-регента, — вѣроятно, имѣющая возгорѣться теперь война между Англїей и Сѣверной Америкой, — выборы въ Пруссїи, все это счастливыя обстоятельства для него! Такъ, по крайней мѣрѣ, кажется». При всемъ томъ, мало-по-малу стали слышаться не вполне неблагопрїятные голоса и изъ высшихъ церковныхъ круговъ. Уже изъ письма Авликке можно было видѣть, что даже нунцій Киджи былъ увлеченъ первой частью книги. И вскорѣ Дэллингеръ могъ сообщить въ Англїю, что также и архіепископъ Шерръ мюнхенскій выразилъ свое согласіе съ книгой, что кардиналъ Рейзахъ одобряетъ и поддерживаетъ ее, и даже проф. Тейнеръ, который долженъ былъ дать папѣ отчетъ о ней, высказался не неблагопрїятно. Это вновь ободрило Дэллингера; такъ что у него, какъ онъ писалъ Гладстону, опять возродилась надежда. «Препровождаемую книгу, о которой ваше сіятельство уже слышали, прошу васъ благосклонно принять, именно вторую часть ея... Что въ общемъ я вѣрно изложилъ положеніе дѣлъ, объ этомъ мнѣ, устно и письменно, заявляли неоднократно даже и протестанты. Быть можетъ, кое-что изъ того, что я сказалъ въ предисловіи о теперешнихъ отношеніяхъ между католиками и протестантами, найдетъ отчасти и ваше благоволеніе; здѣсь я такъ далеко или даже дальше пошелъ въ признаніяхъ, чѣмъ кто-либо изъ извѣстныхъ католическихъ богослововъ новѣйшаго времени. Конечно, больше всего это относится къ положенію нѣмецкихъ дѣлъ. — Я почти не прочь желать, чтобы вы лучше миновали ту часть книги, которая относится къ Англїи; потому что, хотя я этотъ отдѣлъ писалъ съ полною добросовѣстностью и на основаніи многолѣтнихъ наблюденій, но все-таки чувствую, что говорю и раз-

суждаю именно какъ чужестранецъ, какъ человѣкъ, стоящій въ сторонѣ. Онъ чужеземецъ по крови, языку и религіи, — сказалъ бы обо мнѣ старшина вашей верхней палаты. — Напротивъ, мнѣ думается, что вторая часть, трагующая о церковномъ государствѣ, не найдетъ неблаговоленія съ вашей стороны. Правда, мы и по этому вопросу не держимся одинаковаго взгляда; потому что того жесткаго слова, съ которымъ вы въ парламентѣ сломали жезлъ надъ Римомъ — *hopelessly incurable* или *incorrigible* ¹⁾ — я не могу принять; я скорѣе надѣюсь, какъ и изложилъ въ книгѣ, на противоположное. Моя книга, какъ мнѣ сообщаютъ, произвела въ Римѣ сенсацію. Если она не занесена въ «Индексъ», если тамъ терпятъ, безпрепятственно допускаютъ свободную со стороны столь подчиненнаго и не сановнаго лица, какъ я, рѣзкую критику свѣтскаго управленія, то уже и это благоприятный симптомъ, а въ прочность захватывающаго всю Италію Піемонтско-Итальянскаго государства я не вѣрю; мнѣ даже было бы очень удивительно, если бы вы вѣрили въ него. Или все-таки? Что подданный Рикасолиса или Ратацци и другихъ не можетъ быть папой или духовнымъ главой 180 милліоновъ христіанъ, это, конечно, понятно и вамъ. Не можетъ онъ быть также и подданнымъ Наполеона III; и мнѣ почти думается, что было бы также и въ понятныхъ интересахъ Англіи, чтобы онъ не сдѣлался таковымъ. — Впрочемъ, я утѣшаюсь мыслью, что въ Римѣ, наконецъ, все-таки *vexatio dabit intellectum*, и тогда все пойдетъ хорошо. Вспоминая о Горациевомъ «*Cum tot sustineas et tanta negotia solus*», я кончаю и прошу высокаго государственнаго мужа, чтобы онъ и дальше не лишалъ богослова своей дружбы».

19 янв. 1862 г. наконецъ Деллингерь былъ обрадованъ благоприятнымъ извѣстіемъ изъ Рима. Отъ 26 августа лордъ Актопъ ²⁾ сообщалъ ему: «Ньюманъ, котораго я сегодня видѣлъ, ... сообщилъ мнѣ, что папа сказалъ о вашей книгѣ Улляторну (епископу бирмингемскому), что хотя онъ не во всемъ согласенъ съ нею, однако считаетъ ее хорошей книгой, которая можетъ приносить только пользу», — и это извѣстіе настолько обрадовало Деллингера, что онъ не преминулъ подѣлиться имъ 25 сентября со своимъ другомъ проф. Йоргомъ.

1) «Везнадежно везалечимъ или неисправимъ».

2) Англ. посланникъ въ Римѣ и извѣстный богословъ-писатель, противникъ ватиканскаго догмата о непогрѣшимости, † въ июль 1902 г.

Все дѣло, повидимому, улаживалось и приходило къ доброму концу; но, въ сущности, это было далеко не такъ. Съ такою книгою никакъ не могла примириться партія новосхоластикъ или учениковъ іезуитовъ и потому съ этого времени особенно началась та усиленная агитація какъ противъ Деллингера, такъ и всей такъ называемой «исторической школы», которая привела къ полному разрыву между нѣмецкой богословской наукой и неосхоластицизмомъ и которая, составляя глубокойинтересную страницу въ исторіи римско-католическаго богословія въ XIX вѣкѣ, въ тоже время причинила главному поборнику богословской науки въ это время Деллингеру неисчислимыя огорченія и обиды.

А. Л—нъ.

(Продолженіе будетъ).

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия — высшее учебное заведение Русской Православной Церкви, готовящее священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений, специалистов в области богословских и церковных наук. Учебные подразделения: академия, семинария, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта — ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта — проректор по научно-богословской работе священник Димитрий Юревич. Материалы журнала готовятся в формате pdf, распространяются на DVD-дисках и размещаются на академическом интернет-сайте.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки

Санкт-Петербургская
православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

А.П. Лопухин

**Игнатий Дёллингер
в его борьбе за церковную правду
(с 1861-1900 гг.)**

*Опубликовано:
Христианское чтение. 1902. № 10. С. 508-563.*

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия
(www.spbda.ru), 2009. Материал распространяется на основе
некоммерческой лицензии [Creative Commons 3.0](https://creativecommons.org/licenses/by/3.0/) с указанием
авторства без возможности изменений.

СПБДА
Санкт-Петербург
2009

ИГНАТИ ДЁЛЛИНГЕРЪ

ВЪ ЕГО БОРЬБѢ ЗА ЦЕРКОВНУЮ ПРАВДУ

(съ 1861—1890 гг.).

III¹⁾.

Печальная рознь въ нѣмецкой богословской наукѣ. — Усиливающаяся натянутость отношеній между нѣмецкими учеными и новосхоластиками или учениками иезуитовъ. — Новое сочиненіе Деллингера „Папскія басни средневѣковья“ и различные отзывы о ней. — Желаніе объединить и сплотить римско-католическихъ ученыхъ и вопросъ о „собраніи ученыхъ богослововъ“. — Голоса за и противъ этого собранія. — Открытіе собранія. — Рѣчь Деллингера о положеніи богословской науки въ римско-католической церкви. — Что такое научное богословіе и условія, отъ которыхъ зависятъ его успѣхи. — Вызванные этою рѣчью дебаты и благопріятный исходъ собранія.

УЖЕ Одеонскія лекціи и составленная на основаніи ихъ книга «Церковь и церкви, — папство и церковное государство» явно обнаружили, какая глубокая рознь господствовала между двумя направленіями въ римско-католической богословской наукѣ — именно нѣмецкими богословами, центромъ которыхъ былъ Мюнхень и нѣкоторые другіе университетскіе города (какъ Боннь) съ ихъ богосл. факультетами, и такъ называемыми новосхоластиками, которые, выходя изъ содержимыхъ и руководимыхъ иезуитами семинарій и коллегій, были непримиримыми врагами всякихъ новыхъ движеній въ богословской

¹⁾ См. сент. кн. „Христ. Чит.“.

наукѣ и идеаломъ науки считали схоластику, какъ сказавшую-де послѣднее слово въ наукѣ. Эта рознь, по мѣрѣ того, какъ стала сказываться шаткость папскаго престола и обнаружилось несоотвѣтствіе римско-католической вѣроисповѣдной системы запросами новѣйшаго времени, усиливалась все болѣе и не могла не тревожить лучшихъ представителей науки въ римско-католическомъ мірѣ. Крайне озабочивала она и Деллингера, который, будучи однимъ изъ важнѣйшихъ, даже, можно сказать, самымъ важнымъ представителемъ церковно-исторической науки въ это время, ясно видѣлъ, какой ущербъ эта рознь наноситъ и церкви и наукѣ. Нужно было такъ или иначе устраничь ее. Но это было далеко не легко, такъ какъ рознь зашла уже очень далеко и борьба между двумя направленіями велась настолько ожесточенно, что по выраженію одного журнала, «партіи не могли уже дружелюбно уживаться между собою, но взаимно уничтожали другъ друга» (1860 г.). Борьба при такомъ напряженіи не могла уже вестись только духовнымъ оружіемъ и на литературной почвѣ: ново-схоластики въ то же время взывали къ церковному авторитету въ Римѣ, который охотно и приходилъ къ нимъ на помощь. Вслѣдствіе этого, съ ихъ стороны развилась невѣроятная страсть къ доносамъ, и всякому нѣмецкому богослову или философу постоянно угрожала опасность, что вдругъ его осудятъ въ Римѣ и лишатъ кеедры. Послѣ того, какъ одинъ за другимъ подверглись осужденію ученики Гюнтера ¹⁾, таже судьба стала угрожать и ученымъ, не принадлежащимъ ни къ какой опредѣленной школѣ. Въ Мюнхенѣ, напр., гдѣ Фрошаммеръ ²⁾ уже въ

¹⁾ Гюнтеръ Антонъ—ученый римско-катол. священникъ изъ Вѣны, за свое свободное ученіе сдѣлавшійся жертвой гонительства со стороны иезуитовъ. Онъ умеръ въ 1863 г., а его ученіе, такъ называемое «гюнтериатство» доселѣ слыжить въ качествѣ одной изъ опасныхъ ересей. Онъ главнымъ образомъ старался разрѣшить великую проблему о «твореніи» и «воплощеніи» и написалъ нѣсколько богословско-философскихъ сочиненій, обнаруживающихъ сильный умъ и самобытность мысли, чего особенно боится Римъ.

²⁾ Фрошаммеръ былъ также одною изъ жертвъ папской нетерпимости ко всякому проявленію свободной мысли. Авторъ многихъ цѣнныхъ произведеній (какъ: «О происхожденіи человеческой души», «Введеніе въ философію», «Свобода науки», «Воосоединеніе католиковъ и протестантовъ»), онъ съ прискорбіемъ убѣдился, что Римъ не цѣнитъ про

1857 г. попалъ въ «индексъ», не оставалось почти ни одного философа, котораго бы не постигла подобная же участь. Каррьеръ, — протестантъ, уже въ 1857 г. чувствовалъ, какіе молніеносные взоры бросались на него изъ Рима. Въ 1859 году та же участь постигла сочиненіе Ойшингера ¹⁾: «Умозрительное богословіе Θомы Аквината», въ 1860 г.—сочиненіе Губера ²⁾: «Философія отцовъ церкви» и въ 1861 г.—сочиненія Ласо съ 1857 года ³⁾. Подвергся подозрѣнію также и тюбингенскій профессоръ Кунъ ⁴⁾, который своей борьбой противъ положенія Климента, что философія есть служанка религіи, навлекъ на себя вражду ново-схоластиковъ. Тоже было съ Михелисомъ ⁵⁾, который осмѣлился высказаться противъ іезуита Клейдгена, а также съ К. Вернеромъ ⁶⁾, о которомъ

изведеній оригинальнаго ума, такъ какъ всѣ его сочиненія были занесены въ „Индексъ“ запрещенныхъ книгъ. Напрасно онъ протестовалъ противъ этого, напрасно студенты подносили адресъ любимому профессору,—Римъ былъ непреклоненъ. Подъ вліяніемъ огорченія, Фрошаммеръ въ своихъ послѣдующихъ сочиненіяхъ дѣйствительно впасть въ нѣкоторыя крайности, вполне понятныя при данномъ положеніи.

¹⁾ *Ойшингеръ* (J. N. P. Oischiuger)—мюнхенскій профессоръ, авторъ сочиненій: «Система христіанской философіи», «Умозрительное богословіе Θомы Аквината» (попало въ Индексъ), «Система христіанскаго вѣровученія» въ двухъ томахъ. По провозглашеніи Ватиканскаго догмата онъ оставилъ свою плодотворную писательскую дѣятельность и умеръ въ 1876 г.

²⁾ *Губеръ* ((Huber Joh.)—проф. мюнхенскаго университета. Его сочиненіе «Philosophie der Kirchenväter» 1859 г. занесено было въ Индексъ, хотя еще болѣе отличающееся свободой сочиненіе объ І. Скоттѣ Эрigenѣ (1861 г.) какимъ-то чудомъ ускользнуло отъ взоровъ папской цензуры. Позже имъ написаны были сочиненія: «Іезуитскій орденъ въ его управленіи, ученіи, дѣятельности и исторіи» (перев. на русскій языкъ) и «Старая и новая вѣра Д. Штрауса—въ критическомъ оцѣнкѣ» † въ 1879 г.

³⁾ Проф. *Эрнестъ Ласо* (Zasaulz)—ученый филологъ; увлекавшійся античнымъ міромъ и счтявшій Сократа языческимъ прообразомъ Христа. Позже папское отлученіе постигло и его сестру Амалію за то, что она не хотѣла признавать догмата папской непогрѣшимости.

⁴⁾ *Кунъ* (Kuhn) авторъ сочиненій: «Жизнь Іисуса», «Принципы и Методъ умозр. богословія», «Катол. Догматика» и др. † въ 1887 г.

⁵⁾ О немъ см. ниже.

⁶⁾ *Вернеръ* Карлъ—вѣнскій профессоръ, весьма плодотивный писатель въ области богословской литературы. Ему принадлежать: «Θома Аквината» 1859 г. въ 3 т.; «Исторіи аполог. литературы» въ 5 тт.; «Францъ Суарецъ и схоластика послѣдняго вѣка» въ 2 т.; «Психологія среднихъ вѣковъ»—«Веда достопочтенный и его современники»; «Гербертъ, церковъ

распространялась молва, что въ его монографіи о Томѣ Аквинатѣ находится-де «сильный придатокъ новѣйшихъ реформенныхъ идей». Къ великому сожалѣнію, и среди самихъ нѣмецко-католическихъ профессоровъ философія господствовали раздоры и споры, съ которыхъ Іоргъ, отъ 25 февраля 1861 года, дѣлаетъ, такъ сказать, моментальный снимокъ: «Для насъ формально есть заповѣдь самосохраненія — по возможности избѣгать философскихъ фанатиковъ. Поэтому, я уже съ годъ назадъ рѣшительно отказался отъ предложенія Фрошаммера обсудить споръ между Куномъ и Клеменсомъ, къ величайшей досадѣ автора. Недавно мы отдали въ печать статью Канценбергера «о Шеллингѣ», и я несчастный думалъ, что это нейтральная почва. Но вотъ только что выходитъ въ свѣтъ выпускъ, какъ я получаю отъ Штродля ругательное письмо въ восемь убористо написанныхъ страницъ. А теперь Дейтингеръ хочетъ повѣсить намъ на шею еще Куна вмѣстѣ съ Клеменсомъ, Клейдгена и вмѣстѣ съ компаніей Иисуса tutti quanti! Дѣло пошло бы еще дальше о моихъ масонахъ!» Деллингеру до крайности была противна эта страсть къ доносамъ, и поэтому онъ при первомъ случаѣ, по поводу письма къ нему г-на Брюггемана въ Берлинѣ, который неоднократно обращался къ нему за совѣтомъ при занятіи богословскихъ и философскихъ профессуръ, онъ не могъ воздержаться отъ выраженія своего неудовольствія. «Вмѣсто того, отвѣчалъ онъ, чтобы по-христіански помогать совѣтомъ и содѣйствовать, немедленно летить въ Римъ доносить, что вы справедливо называете истиннымъ бѣдствіемъ, отъ котораго должна тяжело пострадать и Германія. Мы такъ тормозимъ и ослабляемъ собственныя силы, которыя Богъ пробуждаетъ среди насъ, и государственные сановники уже не знаютъ больше, откуда имъ брать не опозоренныхъ нападками людей. Вотъ и профессоръ Трючель въ Браунсбергѣ порѣшилъ выйти въ отставку на пенсію, потому что не могъ учить согласно съ римскимъ рѣшеніемъ по вопросу о гюитеріанизмѣ, и при такомъ конфликтѣ не могъ преподавать философію. Откуда же брать теперь доцентовъ философіи,

и наука его времени»; «Алеуинъ и его вѣкъ»; «Исторія ватоп. богословія въ Германіи съ Тридентскаго собора», «Схоластика позднѣйшаго средневѣковья» въ 3 тт. 1881 и сл. г.), «Система христ. этики» въ 2 тт. и др.

если не хотять ограничиться преподаваніемъ студентамъ компендіи Бальмеса?» (26 іюня 1860 г.). Нужно было такъ или иначе исцѣлить это хроническое зло розни и Деллингеръ уже давно помышлялъ о собраніи католическихъ ученыхъ, на которомъ общими силами можно бы обсудить печальное положеніе дѣлъ и поискать исхода изъ него. Съ отдѣльными лицами онъ уже говорилъ о немъ и получилъ ихъ согласіе, но, въ концѣ концовъ, не вышло ничего. Тѣмъ съ большею радостью онъ узналъ, что проф. Михелисъ, успѣвъ благопріятно настроить въ отношеніи къ этой мысли вѣнскаго нунція де-Люка, взялъ на себя задачу пріобрѣтать ей сторонниковъ, и уже въ сентябрѣ 1861 года сообщалъ, что во время путешествія домой, онъ много работалъ въ пользу этого дѣла, хотя и не совѣтовалъ Деллингеру слишкомъ спѣшить съ нимъ. О положеніи дѣла послѣдній писалъ 12 октября къ Михелису. «Съ того времени, какъ я повидѣлъ васъ, я говорилъ объ этомъ также и съ Альцогомъ, который совершенно согласенъ со мной и оставилъ раньше сдѣланную имъ попытку только потому, что тюбингенцы не обнаружили никакого желанія принять въ немъ участіе. Въ настоящую осень или зиму, мнѣ кажется, ничего нельзя предпринимать дальше, какъ готовить дѣло и пріобрѣтать участниковъ всегда по рецепту, что никто не долженъ быть исключаемъ. Лучшее всего было бы назначить собраніе немедленно послѣ Пасхи. Я, между тѣмъ, набросаю программу и пришлю ее вамъ прежде, чѣмъ она будетъ напечатана или изготовлена во многихъ копіяхъ... Вопросъ, котораго я еще не порѣшилъ, заключается въ томъ, должно ли наше собраніе ограничиваться богословами-специалистами, или вообще должно простираться на лицъ, причастныхъ къ католической наукѣ. То и другое имѣетъ за себя нѣкоторыя основанія. Вы, повидимому, предпочитаете дальнѣйшее ограниченіе или, скорѣй, расширеніе, такъ какъ вы называете профессора Концена». Что онъ собственно при этомъ имѣлъ въ виду, это можно видѣть изъ его письма къ Іоргу отъ 11 ноября: «Я долженъ все-таки еще упомянуть, что со времени послѣдняго католическаго собранія много говорилось о сѣздѣ католическихъ ученыхъ богослововъ и др. съ цѣлью болѣе подробныхъ переговоровъ. Отъ меня требовали, чтобы я сталъ во главѣ, и такъ какъ я уже въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ личное сближеніе и устный обмѣнъ мыслей указанныхъ лицъ считалъ въ высшей степени жела-

тельными, то я весьма склоненъ къ этому. Мнѣ, дѣйстви-
тельно, кажется, что между нами наступаетъ все болѣе уси-
ливающійся расколъ и разьединеніе: а всякое царство, раз-
дѣлившееся между собой, погибнетъ». Ревностно схватился
за эту мысль Іоргъ, и просилъ «Бога ради, позаботиться объ
ея осуществленіи, само собою разумѣется, принимая во вни-
маніе всѣ направленія». Если бы наши ученые «только по-
рѣшили хотя одинъ разъ лично повидѣть и понять другъ
друга, то все опять успокоилось бы» (отъ 4 ноября). Все
это укрѣпляло Деллингера въ его предположеніи, и обрадо-
ванный тѣмъ, что эту мысль одобрялъ и Іоргъ, онъ писалъ:
«Что ни одно направленіе не должно быть исключаемо, это
съ самаго начала было моимъ убѣжденіемъ и моимъ рѣше-
ніемъ, хотя я и предвижу, что романскій элементъ сильно
затруднитъ успѣхъ дѣла взаимоуразумѣнія и единенія. Среди
нихъ, если я не ошибаюсь, Гергенрёттеръ ¹⁾ все-таки самый
податливый и ученый» (отъ 7 ноября). Но Іоргъ, оказалось,
не вполне понималъ, что нужно разумѣть подъ «романскимъ
элементомъ», хотя и самъ послѣ Одеонскихъ лекцій неодно-
кратно писалъ Деллингеру о «романцахъ» и нѣмецкой бо-
гословской партіи. Такъ отъ 3 іюня 1861 г. онъ писалъ
ему: «Я только-что получилъ новѣйшее сочиненіе Фрошам-
мера (о свободѣ науки). Онъ занимается идолопоклонствомъ
самому себѣ. Я, конечно, не принадлежу къ поклонникамъ
дѣлопроизводства, которое ведетъ конгрегация Индекса, однако,
сердечно принимаю и отъ романцевъ дѣльную лекцію, — но
это вонючее высокоуміе науки! Въ письмѣ отъ 9 ноября
онъ говоритъ еще: «Впрочемъ, я ни теперь, ни раньше, не
имѣлъ яснаго понятія о томъ, что собственно нужно разу-
мѣть подъ «романскимъ элементомъ». Благодаря Эбергарду

¹⁾ Гергенрёттеръ — вѣстный церковный историкъ, авторъ знамени-
таго въ своемъ родѣ сочиненія о пагіяхъ Фотія, надѣлавшаго много
шума и движенія и въ нашей церковно-исторической наукѣ и литера-
турѣ; но при всей своей учености это былъ крайній ультрамонтанъ и
игралъ видную роль на Ватиканскомъ соборѣ, ратуя въ пользу догмата
о папской непогрѣшимости. Ему принадлежитъ и 4-томное «Руководство
ко всеобщей исторіи церкви», проникнутое тѣмъ же ультрамонтанскимъ
духомъ (4-е изд. 1902 г.). За заслуги папству и папскій церкви Левъ XIII
возвелъ его въ санъ кардинала (1879 г.) и назначилъ ватиканскимъ
архивариусомъ. Умеръ въ 1890 г.

и Михелису, я опять познакомился съ этимъ печальнымъ дѣломъ; но никакъ не могу взять въ толкъ, почему это католики ведутъ борьбу изъ за той или другой степени позволенныхъ мнѣній. Мнѣ всегда представляется, какъ будто вся эта смута припахиваетъ человѣческой плотью. А ради краснаго словца, ее, съ одной стороны, называютъ «вѣрой», а съ другой—«наукой». Но это несчастье, и притомъ изо дня въ день возрастающее несчастье!» Дѣло, однако, обстояло не такъ, и Деллингеръ не могъ оставить безъ отвѣта этотъ поверхностный взглядъ: «Вы спрашиваете меня, что я разумѣю подъ романскимъ элементомъ? Отвѣтъ: то направленіе, которое принципиально враждебно нѣмецкой католической наукѣ и старается, по возможности, дискредитировать ее; то настроеніе, которое Майеръ отчасти высказалъ въ извѣстной вамъ книгѣ, а отчасти заставляетъ предполагать. Вы знаете его еще лучше, чѣмъ я. Что не всѣ питомцы Collegium'a Germanicum раздѣляютъ его, это, слава Богу, вѣрно. Такимъ образомъ само собой понятно, что этого настроенія нельзя предполагать ни у кого изъ романцевъ. Если же оно выступаетъ, то по плоду мы можемъ заключать и о горькомъ корнѣ» (отъ 13 ноября). Вопросъ о собраніи богослововъ заинтересовывалъ все большій и большій кругъ ученыхъ профессоровъ и всѣ обращались къ Деллингеру, побуждая его къ дальнѣйшему развитію дѣла. Такъ извѣстный церковный историкъ Альцогъ писалъ ему: «Я съ напряженіемъ ожидаю вашего призыва, и повторяю только мое желаніе, чтобы дѣло обстояло такъ, чтобы и вюрцбургскіе господа ¹⁾ не только считали себя обязанными, но и должны были считать за честь присутствовать при совѣщаніяхъ. Я буду дѣйствовать по моимъ силамъ» (отъ 13 ноября). Изъ Швейцаріи также слышались голоса профессоровъ, желавшихъ принять участіе въ собраніи, и многіе торопили Деллингера, чтобы онъ поскорѣе приступалъ къ дѣлу. Особенно побуждалъ его Михелисъ, особенно когда узналъ, что Деллингеръ не только

¹⁾ Разумѣются профессора богословскаго факультета въ Вюрцбургскомъ университетѣ, которые, въ большинствѣ будучи питомцами іезуитовъ, горой стояли за новосхоластицязмъ и выступали противниками Деллингера и его школы. Въ этомъ же направленіи, какъ увидимъ дальше, дѣйствовали (за немногими исключеніями) и профессора фрейбургскаго и майнцскаго богословскихъ факультетовъ.

ничего не предпринималъ въ этомъ дѣлѣ, но даже колебался стать во главѣ его. «По дѣлу о собраніи богослововъ, писалъ Деллингерь, я все еще ничего не сдѣлалъ. Меня, главнымъ образомъ, удерживаетъ опасеніе, чтобы моему шагу не приписали какой-нибудь личной тенденціи, напр., цѣли агитаціи. Я имѣю основаніе думать, что теперь для истинныхъ *romanenses*, которые раздражены были моей книгой о церковномъ государствѣ, я служу предметомъ соблазна. Хорошо бы, если бы взялся за дѣло кто-нибудь другой и назначилъ мѣсто и время для собранія. Я охотно помогъ бы ему своимъ совѣтомъ и дѣломъ. Не найдется ли кого-либо такого, кто еще не испорченъ никакимъ направленіемъ или партией? Слышно, что и въ мюнстерскихъ газетахъ также появились касательно меня очень ожесточенныя выраженія. Въ виду этого, я долженъ опасаться, чтобы доброе и чистое дѣло не пострадало уже отъ того, что я именно беру его въ свои руки. Пообсудите съ кѣмъ-нибудь изъ единомысленниковъ, что бы лучше всего было сдѣлать».

Дѣло очевидно колебалось, и Деллингерь настолько пересталъ интересоваться имъ, что вновь почти исключительно занялся своими «Палскими баснями» и новыми планами для книгоиздательства Гердера. Въ это время именно эта извѣстная книгоиздательская фирма предполагала предпринять большое изданіе, подъ названіемъ «Католической Библіотеки», въ которую могли бы войти лучшія произведенія римско-катол. богословія и цѣлый рядъ біографій знаменитѣйшихъ нѣмецкихъ католиковъ, начиная съ VIII вѣка, такъ чтобы изъ этого сочиненія вышелъ своего рода нѣмецкій Плутархъ. вмѣстѣ съ тѣмъ Гердеръ желалъ, чтобы Деллингерь составилъ для него и особую книгу, подъ заглавіемъ: «Изложеніе католическаго ученія», съ цѣлью дать основу для примиренія нѣмецкихъ ученыхъ съ ново-схоластиками. По поводу этихъ изданій Деллингерь побывалъ въ разныхъ городахъ, чтобы переговорить съ специалистами разныхъ отдѣловъ богословской и церковно-исторической науки, и тутъ опять убѣдился, какъ необходимо нѣмецкимъ ученымъ столкнуться между собой, на какомъ-нибудь общемъ собраніи.

Въ Фрейбургѣ, при участіи Гиршера ¹⁾ и Альцога, была

¹⁾ Гиршеръ (Hirsch) — фрейбургскій профессоръ († 1865), сторонникъ примирительнаго направленія въ рим. католицизмѣ.

составлена программа собранія, которая была послана на оттуда проф. Гейнриху въ Майнцъ и Дирингеру въ Боннъ для подписи; въ Тюбингенъ же свезъ ее самъ Деллингеръ, чтобы передать проф. Куну. Программа вызвала разногласія, и Кунъ писалъ по этому поводу: «Нѣкоторые прямо признавались, что они, при первомъ ознакомленіи съ планомъ, были не прочь отъ его принятія, но, послѣ зрѣлаго обсужденія, перемѣнили свой взглядъ. Всѣ, безъ исключенія, единогласно говорили въ томъ смыслѣ, что если и окажутся предметы, которые позволяютъ ожидать мирнаго разсужденія, однако невозможно будетъ избѣгнуть и того, что выдвинутся и такіе вопросы, которые неизбежно поведутъ къ запальчивымъ и рѣвкимъ разсужденіямъ. Выставлялось на видъ и опасеніе, что епископаты и приматы могутъ неблагопріятно взглянуть на предполагаемое собраніе. Такъ какъ, въ виду этого, участіе въ проектѣ и его исполненіи со стороны моихъ коллегъ вообще и безусловно подвергается нареканію, то, помимо моихъ собственныхъ сомнѣній, я колеблюсь подписать приглашительную программу» (отъ 25 октября). Напротивъ, проф. Альцогъ могъ сообщить, что Дирингеръ ¹⁾, не смотря на нѣкоторыя колебанія, далъ свою подпись (отъ 1 ноября). Подробнѣе всѣхъ высказался майнцкій проф. Гейнрихъ, который писалъ: «Мнѣ думается, что я тѣмъ больше докажу уваженіе и довѣріе, которыя питаю по отношенію къ вамъ, чѣмъ открытѣе и прямѣе выскажусь о содержаніи программы противъ васъ.... Я готовъ не только подписать приглашеніе на собраніе богослововъ, но также по мѣрѣ силъ и сдѣлать все, что смогу, чтобы въ немъ приняло участіе возможно большее число лицъ, если изъ программы будутъ вычеркнуты три ея главныхъ пункта. Вотъ мои основанія для этого: 1) если въ программѣ высказано, что собраніе имѣетъ своею главною цѣлью, чтобы выступить противъ извѣстныхъ досадныхъ споровъ, побороть духъ нетерпимости, защищать свободу нѣмецкой науки противъ извѣстныхъ стѣсненій ея, то тѣмъ самымъ уже напередъ нарушается безпристрастіе собранія. Всѣ должны

¹⁾ Дирингеръ — проф. Вюртембергскаго университета, авторъ сочиненій: „Система бож. дѣль христіанства“ (въ 2-хъ томахъ, 2 изданіе 1857 г.), „Учебникъ катол. догматики“ (5-е изд. 1865 г.), послѣ Ват. собора отивавшійся не только отъ дальнѣйшаго писательства, но и отъ должности профессора догматики и соборнаго капитулярія. † 1876 г.

являться безъ всякой предвзятой мысли, а это невозможно, если уже въ программѣ высказывается порицаніе, которое нѣкоторые могутъ принять на свой счетъ, или другими можетъ быть принято на ихъ счетъ. 2) Дѣло это тѣмъ сомнительнѣе, что въ программѣ не высказано, кто же собственно тѣ, которые погрѣшили противъ духа христіанской терпимости и примирительности, нарушающей научную свободу. Несомнѣнно лишь то, что такіе упреки, не говоря уже о прежнихъ, были высказываемы Ойшингеромъ, Фрошаммеромъ, Губеромъ и др. не только противъ «Католика»¹⁾, но и противъ конгрегациі Индекса. Не было ли бы слишкомъ худо, если бы собраніе богослововъ, благодаря этимъ выраженіямъ его программы, подверглось даже хотя бы и отдаленнѣйшему подозрѣнію, что оно примыкаетъ къ жалобамъ этихъ господъ? Помимо всего другого, достаточно было бы и одного этого подозрѣнія, чтобы удержать значительную часть нашихъ богослововъ отъ посѣщенія собранія, а я счелъ бы это величайшимъ бѣдствіемъ, именно, что собралось бы толькоодно мзвѣстное направленіе. 3) Особенныя недоразумѣнія долженъ возбуждать и 2-й пунктъ программы... а) Онъ ставитъ задачей собранія защитить научную свободу, если она подвергается опасности или ущербу, твердою сплоченностью и общою дѣятельностью. Здѣсь возникаетъ вопросъ: противъ кого? Неужели противъ церковныхъ властей? Противъ епископовъ? Противъ апостольскаго престола и особенно противъ его конгрегациі Индекса? Что въ слова программы можно вложить этотъ смыслъ, это подлежить тѣмъ менѣе сомнѣнію что въ новѣйшее время, особенно со стороны Фрошаммера, конгрегациа Индекса подвергалась нападенію. Мало того, дѣло можетъ пойти еще дальше, и вообще могутъ подвергнуться порицанію всѣ объявленныя въ новѣйшее время осужденія противъ ложныхъ учителей и направленій, напр. противъ Гюнтера; и если они не вполнѣ считаются неправильными, то все-таки называются нецѣлесообразными. Конечно, собраніе нѣмецкихъ богослововъ не захочетъ согласиться съ такимъ порицаніемъ. Но, быть-можетъ, эта общая защита угрожаемой научной свободы направляется

1) Katholik — ультрамонтанскій журналъ, который подъ вліяніемъ іезуитовъ немилосердно преслѣдовалъ всѣ проявленія свободной мысли у профессоровъ богословія, причемъ не стѣснялся всякими доносами на нихъ въ Римъ и ближайшему начальству.

противъ отдѣльныхъ богослововъ или противъ какого-нибудь журнала, напр. «Католикъ»? Мимоходомъ говоря, я не могу часто не смѣяться, видя, какимъ чудовищемъ по временамъ выставляють нашего «Католика». Такъ и кажется, что мы будто всегда лежимъ въ засадѣ, чтобы открывать ереси, любимъ цензуры, склонны къ доносамъ! Однако, если какой-нибудь писатель или какой либо журналъ и дѣйствительно заслужилъ такіе упреки, то во всякомъ случаѣ, конечно, отсюда еще не слѣдуетъ, что непременно нужно заключить общій оборонительный и наступательный союзъ нѣмецкихъ богослововъ. Пусть презирають такой журналъ или борются съ нимъ, какъ онъ заслуживаетъ того».... б) «Въ богословскомъ мірѣ всякій знаетъ или легко можетъ знать, что такое догматъ и что простое мнѣніе школы, или представленія народа, или взгляды отдѣльныхъ ученыхъ, многихъ или немногихъ». Это мѣсто очень сбивчиво, весьма сомнительно. Что каждый богословъ знаетъ и легко можетъ различать, что *de fide* и что нѣтъ, я вполне отрицаю *in concreto*. Развѣ богословы непогрѣшимы? Развѣ они обезпечены отъ заблужденій разума, отъ страстей сердца? Развѣ не всѣ впавшіе въ заблужденіе утверждали, что они находятся въ согласіи съ ученіемъ церкви, а противоположныя утвержденія ихъ противниковъ суть простыя мнѣнія школы? Такъ это дѣлали янсенисты, такъ утверждали въ свое время гермесіане и гюнтеріане.... «Всякій знаетъ, что такое догматъ». Но также и въ другомъ отношеніи я долженъ сдѣлать одно замѣчаніе на это. Несомнѣнно ложенъ тотъ взглядъ, если думаютъ, что по ту сторону границъ, которыя проводитъ формально объявленный догматъ, для католическаго богослова существуетъ неограниченная субъективная свобода. Богословъ еще не соответствуетъ требованію католической науки и, что гораздо важнѣе, требованію вѣры и духу церкви тѣмъ, что онъ еще не сдѣлался формальнымъ еретикомъ.... Въ этомъ отношеніи ученіе католическихъ школъ, согласіе богослововъ, самое убѣжденіе или, если угодно, вѣрованіе народа отнюдь не безразличное дѣло. Напротивъ, ученія въ теченіе вѣковъ высокопочитаемыхъ въ церкви богослововъ, среди которыхъ столь высокое мѣсто занимаетъ сдѣлавшійся непостижимымъ образомъ въ новѣйшее время почти камнемъ соблазна, св. Тома (Аквинатъ), имѣють очень большой авторитетъ. Развѣ важно только согласіе отновъ первыхъ шести вѣковъ, а согласіе великихъ и святыхъ учителей церквей

въ послѣдующемъ тысячелѣтїи безразлично? Но еще выше, чѣмъ всякій авторитетъ богослововъ, для католической церкви живой авторитетъ учащей церкви, папы и епископовъ. Если, слѣдовательно, апостолическій престолъ, если епископы, на своихъ областныхъ соборахъ, отвергаютъ и не одобряютъ извѣстныя ученія и воззрѣнія, то ни одинъ истинный католическій богословъ не усумнится, что эти воззрѣнія дѣйствительно плохо согласуются съ церковной истиной, а, поэтому, также и съ истинной наукой ¹⁾. с) Также и замѣчанія, что въ наше время необходима особенная свобода, потому что все прокладываетъ новые пути и стремится къ новымъ научнымъ формамъ,—я не могу принять безъ поясненія. Я глубоко проникнутъ убѣжденіемъ, что, по крайней мѣрѣ въ богословіи, наша задача прежде всего состоитъ не въ томъ, чтобы прокладывать новые пути, а прежде всего опять возможно лучше знакомиться съ древнимъ, еще и теперь все остающимся новымъ, богословіемъ католической церкви, каковое богословіе, какъ и самый догматъ, признаетъ прогрессъ, но не принципиальную перемѣну, чтобы затѣмъ на этомъ, уже заложенномъ основанїи строить дальше. Истинное богословіе, какъ и истинную философію, конечно, нѣтъ надобности впервые изобрѣтать... Программа даетъ также понять,—по крайней мѣрѣ можетъ быть такъ понята, какъ будто стремленіе—вновь оживить изученіе стараго богословія и философіи враждебно интересамъ церкви, особенно въ Германїи,—что старая-де наука совершенно бессильна предъ лицомъ новѣйшей протестантской и рационалистической науки. Но можно смотрѣть и иначе, и я совершенно проникнутъ убѣжденіемъ, что дѣло обстоитъ иначе. Насколько побѣда церкви зависитъ отъ науки, я держусь того мнѣнія, что эта побѣда зависитъ отъ того, что мы на основѣ древнихъ опять низводимъ ее къ великой самостоятельной католической философіи. Напротивъ, попытки построить такую философію на основныхъ воззрѣніяхъ новѣйшей философіи, какъ это было съ Гермесомъ, Баадеромъ ²⁾, Гюнтеромъ, необходимо не уда-

¹⁾ При этомъ онъ ссылается на Lib. I, cap. VI послѣдняго кельнскаго провинціального собора.

²⁾ Баадеръ Францъ — профессоръ умозр. богословія въ Мюнхенѣ, своеобразный философъ, авторъ сочиненій: «Лекція по умозр. догматикѣ» 5 выпусковъ и *Fragmenta cognitionis* — 6 вып. Позже онъ вполне разошелся съ ультрамонтанами и въ своихъ сочиненіяхъ: «О необхо-

ются и могут навлечь на себя лишь неуваженіе со стороны нашихъ противниковъ. Во всякомъ случаѣ вѣрно то, что мы живемъ въ переходный періодъ, и что для этого необходимы терпѣніе и осторожность. Настолько я всецѣло согласенъ и съ тѣмъ, что не слѣдуетъ спѣшить съ цензурнымъ порицаніемъ заблуждающихся воззрѣній, а слѣдуетъ дать время для выясненія ихъ; что еще гораздо болѣе въ научной борьбѣ нужно соблюдать умѣренность и *caritas in omnibus*, и гдѣ я погрѣшилъ противъ этого, я сожалею о томъ. Только я могъ бы замѣтить, что... тамъ, гдѣ распространяются ложныя направленія, гдѣ они угрожаютъ увлечь за собою преподаваніе, какъ это было съ гермесіанствомъ и гюктеріанствомъ, по моему мнѣнію, необходимо, чтобы злу было сдѣлано ограниченіе церковнымъ авторитетомъ. d) Программа указываетъ также на состояніе церкви и богословской литературы въ другихъ странахъ, какъ плодъ узкоумной цензуры. Мнѣ думается, что и это мѣсто отчасти должно возбуждать справедливое сомнѣніе, и отчасти не обосновано на истинѣ. Италия и Франція — (а только эти страны и могутъ подразумѣваться здѣсь) во всѣ времена вообще и въ наше время съ меньшей честью, чѣмъ Германія, работали надъ общей намъ всѣмъ католической наукой, и встрѣчающіеся въ нихъ недостатки имѣютъ свое основаніе не въ особенно узкоумной цензурѣ. 4) Что касается 3-го пункта программы, то я совершенно согласенъ съ тѣмъ, что задача собранія богослововъ должна направляться къ тому, чтобы науку, по возможности, сдѣлать практичной для жизни, и здѣсь, чрезъ возбужденіе и обсужденіе общихъ предпріятій, можетъ быть сдѣлано многое. Только я не хотѣлъ бы выраженія: къ исцѣленію церковныхъ золъ. Все это настолько есть преимущественная задача епископовъ, душепопеченія, жизни и, прежде всего, добродѣтелей и благочестія, наконецъ дѣло Бога, который можетъ посылать намъ святыхъ, что собраніе богослововъ можетъ при этомъ играть лишь очень ограниченную роль». Лучше поэтому вычеркнуть эти три пункта, и тогда онъ съ радостью готовъ подписать приглашеніе; но онъ желалъ бы также,

дямости эмансипаціи отъ рим. диктатуры» и «Восточный и западный католицизмъ» прямо склонялся въ пользу православно-вост. церкви + 1841 г. См. о немъ въ II т. нашей «Прав. Богосл. Энциклопедіи».

чтобы дали его подписать и кому-нибудь изъ членовъ вюрцбургскаго богословскаго факультета» (отъ 6 ноября).

Эти замѣчанія проф. Гейнриха ясно показывали, что придется еще много поработать, прежде чѣмъ станетъ возможнымъ осуществленіе идеи «собранія богослововъ». И противодѣйствіе ей все усиливалось. Къ оппозиціи примкнулъ и Гиршеръ, виднѣйшій представитель фрейбургскаго университета. Въ письмѣ отъ 2 декабря онъ писалъ: «Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ ничего я больше не желалъ, какъ того, чтобы состоялось собраніе нѣмецкихъ богослововъ, на которомъ было бы обсуждено наше положеніе, и что вообще намъ дѣлать. Тѣмъ болѣе я былъ пораженъ и огорченъ, когда увидѣлъ, что въ программѣ, которая мнѣ казалась столь невинной, я подвергся нападенію. Какая полемика, мнѣ думалось, должна возгорѣться, если общія положенія программы выступятъ въ конкретныхъ тезисахъ и подвергнуты будутъ обсужденію. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что извѣстное направленіе останется въ меньшинствѣ; а большая пропасть, которая раздѣляетъ богослововъ, обнаружится тѣмъ сильнѣе, и раздѣленіе сдѣлается только еще рѣзче и ожесточеннѣе. Во всякомъ случаѣ, меньшинство не подчинилось бы, не попытавшись сначала отомстить за понесенное пораженіе. Кромѣ того, несомнѣнно, что страхъ воздержалъ бы большинство говорить свободно отъ души или мужественно поддерживать свободно говорящихъ. Мои коллеги придерживаются только что высказанныхъ взглядовъ и высказываютъ убѣжденіе, что изъ общаго собранія не выйдетъ ничего путнаго. Они не примутъ участія въ такомъ собраніи. При такомъ положеніи дѣла я покаю голосъ за то, чтобы отложить исполненіе его. Быть можетъ, позже и соберутся немногіе, чтобы придти къ соглашенію, и въ своихъ кружкахъ будутъ дѣйствовать въ пользу твердо установленныхъ цѣлей. Но все-таки, само собой, вамъ предоставляется полная свобода отъ себя продолжать это дѣло».

Такое отреченіе фрейбургцевъ конечно могло только еще болѣе затормозить дальнѣйшее веденіе дѣла и можно бы ожидать, что Деллингеръ послѣ этого оставитъ всякую мысль объ ученomъ собраніи. Но за нимъ все еще стояли отдѣльныя лица, которыя настойчиво побуждали его къ тому. Да и самъ онъ продолжалъ держаться мысли, что въ виду все болѣе развивающейся партійности среди ученыхъ богослововъ

надо же сдѣлать что-нибудь для исцѣленія зла, и это тѣмъ болѣе, что и въ самой церкви разногласія изо дня въ день становились все рѣзче. Въ Мюнхенѣ въ это время возгорѣлся споръ, изъ-за Фрошаммера и многіе держались того взгляда, что виной всей этой крайне ожесточенной вражды была конгрегация Индекса съ ея безтактными прещеніями. Примирительные голоса, какъ голосъ Шмидта въ его книгѣ: «Научное направленіе въ области католицизма» (1862), быстро были устранены тѣмъ, что ихъ клеймили исходящими отъ явныхъ противниковъ ново-схоластической школы, т. е., богословія самого Рима и церкви ¹⁾. А Маттесъ, въ своемъ отзывѣ о сочиненіи Шмидта въ «Тюбингенскомъ трех-мѣсячномъ журналѣ», открыто высказался, что «стоящая подъ руководствомъ «Общества Иисуса» ново-схоластическая школа постоянно имѣетъ склонность и охоту заподозрѣвать своихъ противниковъ въ неправомыслии и провозглашать ихъ еретиками» ²⁾. Французская семинарская доктрина (собственно о богословіи какъ наукѣ тамъ не могло быть и рѣчи) была совершенно направлена въ фарватеръ ново-схоластической школы, и видимо не задавалась ничѣмъ болѣе или менѣе достойнымъ и высшимъ, какъ невысокопробной задачей—какъ ниспровергать и умалять Боссюэта, это украшеніе французской церкви, что называлось однако «утвержденіемъ въ доктринахъ св. престола» И когда епископъ Вилькуръ, послѣ того, какъ онъ въ 1849 г. въ опроверженіе Боссюэта издалъ анонимное сочиненіе: «Франція и папа», въ награду за это сдѣланъ былъ кардиналомъ (1853), всѣ искатели почестей увидѣли, какимъ путемъ въ Римѣ, которому «Боссюэтъ, по выраженію одного журнала, былъ столь же ненавистенъ, какъ и Вольтеръ», можно было лучше всего добиваться своихъ цѣлей. Епископы и духовныя лица не уставали наносить пинки старому льву, чтобы, какъ выразился епископъ версальскій, выставить величайшаго учителя галликанизма въ его дѣйствительности, и этимъ посодѣйствовать торжеству «истиннаго богословія, которое есть римское». Кардиналъ Гуссе утверждалъ, что «нѣтъ никакого другого каноническаго права, кромѣ воли папы»; и какъ Боннешовъ сказалъ во французскомъ сенатѣ о своемъ душепопечительномъ духовенствѣ: «мое духовенство есть

¹⁾ Catholic 1863, 1, 92 и слѣд.

²⁾ Tüb. Quart. 1863, стр. 365—375.

полкъ; оно должно маршировать, и оно маршируетъ», такъ Гуссе овладѣлъ и ученаго аббата Влад. Геттѣ, автора «Исторіи церкви Франціи»¹⁾, сказавъ ему: «Вы держитесь антиримскихъ тенденцій. Смотрите, берегитесь! Если вы будете маршировать съ нами, то не расклетесь; а если не будете съ нами, то мы раздавимъ васъ»²⁾. Съ такимъ же ожесточеніемъ партія отнеслась и къ лорду Актону и его сотрудникамъ, выступившему представителемъ ненавистной для нея «исторической школы» Дѣллингера въ Англіи. Положеніе ихъ сдѣлано было столь невыносимымъ, что они должны были прекратить свой, подвергавшійся жестокимъ нападеніямъ органъ «Rambler», и съ іюня 1862 г. на его мѣсто стали издавать «Отечественное и Иностранное Обзорѣніе»³⁾. Но это не много помогло, такъ какъ именно въ это время кардиналъ Вайземанъ⁴⁾ получилъ отъ пропаганды посланіе, въ которомъ приводился рядъ «вредныхъ» положеній изъ «Рамблера», и епископамъ внушалось въ теченіе трехъ мѣсяцевъ издать пастырскія посланія въ опроверженіе ихъ. Буря нѣсколько задерживалась еще лишь тѣмъ, что нѣкоторымъ епископамъ было не по душѣ предпринимать защиту дѣйствій и сочиненій этого кардинала; но въ началѣ августа 1862 г. все-таки разразилась: Вайземанъ издалъ печатное посланіе къ своему духовенству съ цѣлюю предостеречь его отъ «Отечественнаго и Иностраннаго Обзорѣнія»: «симпатіи издателей (говорилось въ посланіи) всегда были на анти-католической сторонѣ; они подрываютъ уваженіе къ священнымъ предметамъ и лицамъ и т. д. Они вообще не имѣютъ права считаться католиками». Поэтому, онъ предлагаетъ духовенству предостерегать вѣрующихъ отъ этого журнала, какъ исполненнаго яда и опасности. Одинъ епископъ успѣлъ склонить къ подобному

1) Объ этомъ подробнѣе см. у проф. Фридриха въ *Konz.-Geschichte* I и II подъ словами *Vossuet*; о *Vonneschese* см. тамъ же I, 135.

2) *Home and Foreign Review*.

3) О Влад. Геттѣ — бывшій аббатъ, впоследствии обратившійся въ православіе и служившій при русской церкви въ Парижѣ. Авторъ многочисленныхъ богословскихъ и церковно-историческихъ сочиненій.

4) Кардиналъ Вайземанъ (*Wiseman*) — архіепископъ вестминстерскій — очень ученый и энергичный прелатъ, по крайній ультрамонтанъ, много содѣйствовавшій упроченію рим.-католицизма въ Англіи. † 1865 г. О немъ см. въ нашей «Прав. Богосл. Энциклопедіи» т. III.

же дѣйствию и всѣхъ другихъ англійскихъ епископовъ, за исключеніемъ трехъ, и нѣкоторые изъ нихъ издали посланія къ своему духовенству, читавшіяся за богослуженіемъ. Папистическій журналъ «*Tablet*» обзываетъ издателя «Отечественнаго и Иностраннаго Обзорнія» еретикомъ и осужденнымъ Римомъ, и въ противовѣсъ ему уже погасавшее и предназначенное къ прекращенію «Дублинское Обзорніе» было возобновлено подъ редакторствомъ Томсона и въ сотрудничествѣ съ Маннингомъ, Уордомъ, Алліесомъ, Люисомъ, Фаберомъ и др. ревностными папистами, чтобы совершенно уничтожить «Отечественное и Иностранное Обзорніе» и его издателей. Все это въ то же время было направлено противъ Деллингера, школа котораго выступала въ «Рамблерѣ», какъ и въ «Отечественномъ и Иностранномъ Обзорніи», и, что еще хуже отождествлялась съ Фрошаммеромъ. Положеніе ихъ поэтому изо дня въ день становилось все хуже и тяжелѣе. Въ октябрѣ 1862 г. епископъ Уллаторнъ бирмингамскій издалъ «Посланіе о Рамблерѣ» и «Отечественномъ и Иностранномъ Обзорніи», обращенное къ духовенству бирмингамскаго діоцеза», гдѣ издатели «Отечественнаго и Иностраннаго Обзорнія» объявлялись еретиками, и въ послѣднее октябрское воскресенье духовенству предписано было, кромѣ того, выступить съ проповѣдями противъ этого журнала. Мало того, епископъ Уллаторнъ издалъ и еще особую книгу противъ этого журнала.

Эта ожесточенная борьба раскрыла передъ изумленнымъ англійскимъ міромъ, какая бездна вражды таится въ нѣдрахъ римско-католической церкви, и такъ какъ все это наносило крайній ущербъ и грозило опасностями церкви, то шагъ къ умиротворенію и погашенію страстей становился тѣмъ болѣе настойчивымъ и необходимымъ. Тогда съ новою силою двинуть былъ вопросъ о собраніи ученыхъ богослововъ, и послѣ того, какъ проф. Михелису удалось склонить къ этой мысли вѣнскаго нунція де-Люку, съ которымъ онъ находился въ особенно дружескихъ и близкихъ отношеніяхъ, то наконецъ такъ долго тянувшееся дѣло пришло къ желанному завершенію. «Собраніе богослововъ» было формально разрѣшено и 4 августа появилось открытое, подписанное Деллингеромъ и Ганебергомъ приглашеніе на «Собраніе католическихъ ученыхъ» въ Мюнхенъ на 28 сентября, которое, послѣ того, какъ оно было подписано и Альцогомъ,

12 августа было повторено. Епископамъ оно было разослано особо, и самъ Деллингерь обращался съ письмами къ наиболее близкимъ къ нему лицамъ, какъ Грейтъ Генсалленскій, Динкель аугсбургскій. Никто изъ епископовъ не противорѣчилъ, и католическіе ученые теперь съ радостью приняли приглашеніе, такъ какъ большинству изъ нихъ было по душѣ выраженіе: «Нѣмецкая наука, которая дальше всего двинулась въ отрицательномъ направленіи, все-таки сохранила вообще серьезность и достоинство искренняго стремленія къ истинѣ. Поэтому, она имѣетъ не только обязанность, но и призваніе идти впередъ также и въ утвержденіи положительнаго знанія. Извѣстно, что св. отецъ съ похвалою призналъ это призваніе нѣмецкой науки въ своемъ недавнемъ посланіи къ нѣмецкимъ церковнымъ князьямъ. Въ Германіи нѣтъ также недостатка и въ силахъ, чтобы самостоятельно до конца вести эту борьбу, если только онѣ будутъ дѣйствовать въ надлежащемъ согласіи. Но въ такое время, которое во всѣхъ отношеніяхъ является періодомъ переходнымъ и повсюду вынуждено пролагать новые пути, не могутъ быть вполне избѣгнуты большія и малыя разногласія въ отдѣльныхъ результатахъ различныхъ научныхъ изслѣдованій, и даже недоразумѣнія въ самыхъ общихъ принципахъ, хотя бы при одинаковыхъ цѣляхъ научнаго стремленія. Подобныя недоразумѣнія, при той ревности, съ которою каждый сознательно стремится къ единственно вѣрной истинѣ или убѣжденъ, что уже обладаетъ этой истинѣй, слишкомъ легко даютъ поводъ къ партійнымъ раздѣленіямъ, которыя, изъ-за разногласій въ частностяхъ, склонны забывать объ общей основѣ. Нерѣдко возникаетъ тогда полемика, которая болѣе способна отпугивать отъ всякой литературной дѣятельности, чѣмъ поощрять къ ней, и которая болѣе служить къ тому, чтобы подрывать кредитъ католическаго дѣла у его противниковъ, чѣмъ пробуждать общее уваженіе къ нему. Особенно пагубно такая полемика дѣйствуетъ тогда, если она выступаетъ съ исключительно партійными стремленіями, или съ узкоумнымъ злобнымъ порицаніемъ подрываетъ свободу научнаго движенія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и необходимое условіе успѣшнаго прогресса католической науки. Между тѣмъ, опасности заблужденія въ отдѣльныхъ вопросахъ, такъ какъ ее легче устранить въ ея воздѣйствіи на общее, нужно менѣе бояться, чѣмъ застою въ отношеніи къ научной жизни. Противники, которыхъ приходится поборать католической наукѣ,

по числу и силѣ настолькоъ значительны, что въ высшей степени важно не раздроблять собственныхъ силъ, не изолировать или ослаблять ихъ, но всѣ ихъ объединять и оказаніемъ взаимной поддержки укрѣплять и подбодрять ихъ».

Полагая, что дѣло началось хорошо и что нечего опасаться чего-нибудь худого, Ганебергъ и Дёллингеръ, который отправился на отдыхъ въ Тельцъ, предоставили дѣло своему теченію, а Дёллингеръ еще 8 сентября съ полною надеждою писалъ Гердеру: «Собраніе естественно будетъ заниматься также и литературно-богословскою дѣятельностью католической Германіи, и тутъ предоставляется желанный случай пообсудить важное предпріятіе новой обработки «Католической Богословской Энциклопедіи», и пріобрѣсть новыхъ сотрудниковъ,—а также потолковать и объ извѣстной «Богословской Библіотекѣ». Одновременно, какъ вы знаете, состоится и большой музыкальный праздникъ. Вамъ, поэтому, слѣдовало бы прибыть въ это время въ Мюнхенъ, если васъ не удержатъ какія-нибудь особенно настоятельныя дѣла». Йоргъ, по порученію Дёллингера, долженъ былъ склонить къ участію въ собраніи іезуитовъ въ Инсбруккѣ, а Михелисъ взялъ на себя задачу пригласить вліятельныхъ патеровъ-іезуитовъ Ро и Шрадера.

Все повидимому наладилось хорошо, и Дёллингеръ воскресъ духомъ. Но какъ онъ обманулся! Кардиналъ де-Люка, увидѣвъ, что мюнхенскій проектъ не соотвѣтствуетъ предлагавшемуся имъ собственному проекту «конференціи богослововъ» и, быть можетъ, будучи недоволенъ тѣмъ, что дѣло это ушло изъ его рукъ, прямо уклонился отъ всякаго участія въ немъ. Еще хуже было поведеніе новаго мюнхенскаго нунція Гонеллы, который, подъ вліяніемъ своего секретаря, іезуита Іеккеля, немедленно испросилъ въ Римѣ инструкціи для своихъ дѣйствій. Инструкціи не заставили долго себя ждать. Уже 11 сентября нунцій писалъ архіепископамъ мюнхенскому и фрейбургскому, что «св. отецъ не мало удивленъ, что нѣкоторые духовныя лица отъ своего имени и безъ малѣйшаго признака церковной авторизаціи издали приглашеніе на собраніе католическихъ ученыхъ. Архіепископамъ предоставляется обсудить, можетъ ли цѣль этого собранія послужить ко облагу и пользѣ католической церкви, и поступать сообразно съ своимъ взглядомъ на это. Но св. отецъ съ увѣренностью ожидаетъ, что архіепископы позаботятся, чтобы собраніе не нанесло

ущерба ни чистотѣ католической вѣры и католическаго ученія, ни той почтительности и покорности, которыя подобають, отъ всѣхъ вѣрующихъ всякаго класса, авторитету и учительной должности церкви» ¹⁾).

Само собою понятно, что все это не осталось тайной, и недруги Деллингера ликовали. Проф. Вальтеръ ²⁾ въ Боннѣ злорадно рассказывалъ, что онъ, случайно встрѣтивъ Филлиппа, слышалъ отъ него, что дѣло, вслѣдствіе вмѣшательства нунція или архіепископа, разстроилось, чего въ дѣйствительности и ожидали нунціатура и іезуитская ново-схоластическая партія, — фіаско, которое Деллингеръ, естественно, долженъ былъ всячески стараться устранить. Еще 12 сентября онъ, поэтому, написалъ нѣсколько писемъ различнымъ епископамъ — Вейсу шпейерскому, Блюму лимбургскому, прося ихъ о поддержкѣ дѣла, и въ отвѣтъ имѣлъ удовольствіе получить рядъ одобрительныхъ и ободряющихъ писемъ отъ епископовъ. Кромѣ Мартина падернборнскаго, никто еще изъ епископовъ не запрещалъ своимъ богословамъ участія на этомъ собраніи. И, наконецъ, удалось уговорить также и нунція, и склонить архіепископа мюнхенскаго открыть собраніе совершеніемъ мессы. Извѣстіе о вмѣшательствѣ нунція, однако, все болѣе распространялось, и можно было опасаться, что профессора могутъ заколебаться въ рѣшеніи прибыть въ Мюнхенъ. Нужно было устранить и это препятствіе. 23-го сентября Деллингеръ писалъ боннскому проф. Флоссу, который прямо спрашивался у него о положеніи дѣлъ: «Посланіе нунція къ архіепископамъ съ наказомъ бдительно слѣдить за нѣкоторыми постановленіями собранія, конечно, издано. Въ Римъ было донесено, будто мы хотимъ собрать своего рода соборъ и, Богъ знаетъ, какія постановить самовольныя рѣшенія. Липо, которое сдѣлало этотъ доносъ (іезуитъ Іеккель), такъ сказать, указываютъ пальцами. Нунцій, между тѣмъ, уже настолько измѣнилъ свое мнѣніе, что на этихъ дняхъ объявилъ собраніе за causa utilissima. Нашъ здѣшній архіепископъ, не смотря на присланное ему посланіе нунція, все дѣло считаетъ несомнительнымъ, и ничего не хочетъ знать, чтобы

¹⁾ Текстъ этого „наказа“ у проф. Фридриха приводится въ латинскомъ подлинникѣ. См. т. III, стр. 692. прим. 10.

²⁾ Вальтеръ Ферд.—авторъ сочиненія: „Учебникъ церковнаго права“ (14 изд. въ 1871 г.) † 1871.

только собрались и разсуждали.—Откладывать дѣло при теперешнихъ обстоятельствахъ, значило бы то же, какъ произвести надъ нимъ смертный приговоръ, по крайней мѣрѣ на нѣсколько лѣтъ. Такимъ образомъ, прѣвжайте, прѣвжайте, — иначе какое злорадство и насмѣшки послѣдовали бы со стороны безчисленныхъ противниковъ *extra muros et intra*, если бы начатое дѣло закончилось такой полной неудачей. У насъ есть теперь ободряющія, благословляющія письма отъ епископовъ; епископъ сенъ-пельтенскій формально командировалъ одного изъ своихъ богослововъ». Но главная опасность заключалась въ томъ, что если бы посланіе нунція сдѣлалось извѣстнымъ на общемъ собраніи католическихъ союзовъ во Франкфуртѣ, многіе могли бы устрашиться за свою голову, какъ и дѣйствительно это случилось съ нѣкоторыми, и напр., Иосифъ Бахемъ изъ Франкфурта писалъ Рейшу: «посему, многіе не захотятъ поѣхать». Деллингеръ предусматривалъ и эту случайность, когда онъ отъ 26 сентября въ подобномъ же смыслѣ, какъ и въ письмѣ къ Флоссу, писалъ проф. Янсену, который всячески старался распространить содержаніе письма и насколько возможно побольше склонить къ посѣщенію собранія. Подобнымъ же образомъ дѣйствовалъ и Альцогъ, который на день отправился во Франкфуртъ, чтобы ослабить дѣйствіе посланія нунціатуры (отъ 19 сент.). Хотя этимъ собранію и былъ открытъ свободный путь, но недоувѣріе, питавшееся ново-схоластиками и ихъ сторонниками по отношенію къ Деллингеру, отнюдь не было разсѣяно. Они все еще не могли простить ему его Одеонскихъ лекцій.

Еще болѣе причинило смущенія и затормазило движеніе дѣла незадолго до приглашенія на собраніе ученыхъ появившееся сочиненіе Деллингера: «Папскія басни средневѣковья». Повидимому, сочиненіе это было безобидно, и предметомъ его были: паписса Іоанна, папа Кириакъ (въ легендѣ Урсулы), папа Марцелинъ, Константинъ и Сильвестръ, даръ Константина, Либерій Феликсъ, Анастасій II, Гонорій I, Григорій II и императоръ Левъ Исаврянинъ, Сильверстръ II. За ними, по плану Деллингера, должны были послѣдовать и другія «басни». Блестящее остроуміе, превосходное умѣнье обращаться съ источниками литературы, тонкость критики и мастерское, общедоступное изложеніе были отличительными чертами сочиненія. Произведеніе это вообще было признано со стороны историковъ, даже и протестантскихъ, безъ сомнѣнія класси-

чекимъ, и, какъ такое, всегда будетъ признаваться въ нѣмецкой исторической литературѣ. Но ново-схоластическая партія уже потому была недовольна этимъ сочиненіемъ, что въ немъ положеніе папъ Либерія и Гонорія въ дѣлахъ вѣры излагалось столь неопровержимо, что, какъ думали тогда, защищать папскую непогрѣшимость становилось болѣе невозможнымъ. Въ Вѣнѣ появилось не менѣе двадцати рецензій, въ которыхъ почти во всѣхъ чувствовалось смущеніе по вопросу о Гоноріѣ. Болѣе всѣхъ свѣдѣствовала Филлипсъ, который, будучи у проф. Шульте, «страшно ругался на «Папскія Басни», порицая ихъ неблаговременность, и оспаривалъ у Деллингера правоспособность историка, потому что онъ поступаетъ-де не по-исторически» (отъ 4 дек.). Наконецъ, обратили на себя вниманіе также и его «собесѣдованія» («конверсаторіи»), которыя онъ, уже неоднократно выступавшій съ ними, завелъ и въ этомъ году, причемъ посѣтители, воспользовавшись этой удобной формой собесѣдованія, предлагали ему всякіе вопросы и выслушивали его отвѣты на нихъ. Такъ одинъ изъ посѣтителей поставилъ вопросъ объ «Индексѣ», и Деллингеръ, который долженъ былъ знать всю щекотливость этого вопроса въ данный моментъ, не избѣгъ искушенія высказываться откровенно, и даже прочелъ своеобразный историческій трактатъ по этому вопросу. Такъ какъ о римскомъ «Индексѣ» нечего было сказать особенно назидательнаго, то слушатели вынесли впечатлѣніе, какъ будто Деллингеръ вступался за Фрошаммера, и разговорамъ по этому поводу не было конца. Фрошаммеръ, съ своей стороны, думая опять укрѣпить этимъ свое собственное положеніе, склонилъ одного изъ своихъ приверженцевъ къ опубликованію заключительной части его трактата, какъ разъ передъ созваніемъ собранія ученыхъ¹⁾, и этимъ только усилилъ уже существовавшій разладъ.

Наконецъ, послѣ столькихъ тревоженій, хлопотъ и затрудненій, 28 сентября архіепископъ Шерръ открылъ «собраніе ученыхъ» понтификальной мессой въ базиликѣ. Аббатъ Ганебергъ обратился къ участникамъ, собравшимся въ капитульномъ помѣщеніи монастыря св. Бонифація, съ рѣчью и, по сообщеніи полученнаго отъ епископа посланія, прочелъ такъ называемое «исповѣданіе тридентской вѣры», что счи-

¹⁾ *Cahier-Ex ore.* Die Römische Indexcongregation und ihr. Wirken. Historisch-kritischen Betrachtungen zur Aufklärung des gebildeten Publicum. 1868. У проф. Фридриха стр. 698, прим. 18-е.

талось необходимымъ для успокоенія церковныхъ властей. Списокъ присутствующихъ, къ общему удивленію, показалъ, что на собраніе прибыло 84 лица изъ Германіи, Австріи и Швейцаріи, по большей части бывшихъ учениковъ Деллингера, и обнаружилъ полное отсутствіе іезуитовъ, чему, впрочемъ, нельзя было удивляться. Вѣдь они, считая себя обладателями не просто единственно вѣрнаго научнаго метода, но и единственной философіи и богословія, не считали нужнымъ входить въ разсужденія касательно ихъ, или даже въ обсужденіе другихъ методовъ или философскихъ и богословскихъ системъ. Они добились себѣ доступа на другія болѣе важныя собранія, на провинціальныя соборы, и чрезъ нихъ могли повсюду придавать вѣсъ голосу своего ордена и распространять духъ его. Поэтому и для приглашеннаго Михелисомъ іезуита Шрадера было важнѣе принять участіе въ имѣвшемъ состояться въ сентябрѣ 1863 провинціальномъ соборѣ въ Колочѣ, въ Венгріи, чѣмъ на мюнхенскомъ собраніи ученыхъ (Шрадеръ къ Михелису отъ 17-го сентября). Но не явился также и нунцій, котораго равнымъ образомъ приглашали на собраніе. Этимъ онъ и его единомышленники хотѣли демонстративно показать свое неодобреніе «собранію», измышленному ненавистной партіей Деллингера.

Само собою понятно, что Деллингеръ единогласно былъ избранъ предсѣдателемъ собранія. Занявъ предсѣдательское мѣсто, онъ замѣтилъ, что, опасаясь, какъ бы для перваго собранія не оказалось недостатка въ предметахъ обсужденія, онъ приготовилъ для занятія времени докладъ. Этотъ докладъ, безспорно великолѣпный по содержанію и формѣ, представляетъ собою въ высокой степени интересный обзоръ развитія римско-католическаго богословія отъ его зачатковъ до настоящаго времени, и по высказываемымъ въ немъ мыслямъ особенно объ отношеніи богословія къ церкви и частныхъ богословскихъ мнѣній къ догматамъ не лишенъ глубокаго интереса и смысла даже и для нашей русской богословской науки, въ которой также нерѣдко прославляютъ мнѣнія, не несродныя съ римско-католической ново-схоластикой ¹⁾).

Свой обзоръ состоянія богословской науки въ римско-католическомъ мірѣ онъ началъ съ романскихъ странъ и при

¹⁾ Это отчасти сказалось въ полемикѣ нѣкоторыхъ нашихъ богослововъ по старо-католическому вопросу. См. «Церк. Вѣстн.» №№ 31—33, за 1902 г.

этомъ не могъ не высказать нѣсколькихъ горькихъ истинъ. Такъ, касаясь Испаніи, онъ говорилъ, что послѣ Баннеца, Суареца, Васкеца, за послѣдней вспышкой уже погасающаго свѣтильника «наступили ночь и мракъ, потому что въ Испаніи наука погибла отъ инквизиціи, чтобы уже не оживать вновь». Поэтому «объ Испаніи нечего болѣе говорить. Въ этой области даже и теперь тамъ обѣ *en loqu* обѣ *en ardim*: богословская и философская историческая наука уже цѣлое столѣтіе не существуетъ тамъ больше. Позже еще появился, какъ единичный, быстро опять исчезнувшій метеоръ, Бальмезъ, сочиненія котораго именно и показываютъ, насколько на его родинѣ великъ недостатокъ въ историческомъ и богословскомъ образованіи. Объ итальянскомъ богословіи въ новѣйшее время, съ Пія VII, говорить трудно, трудно даже и для туземцевъ. Историкъ Канту, говоря въ послѣднемъ томѣ своей «Исторіи Италіи» (1856) о новѣйшихъ произведеніяхъ тамъ въ области богословія, заявляетъ, что вотъ уже пятьдесятъ лѣтъ, какъ тамъ бесплодно спорять о пробабиллизмѣ и тугеоризмѣ, что его соотечественники мало вообще занимаются библейскими изслѣдованіями, и въ видѣ исключенія изъ этого правила упоминаетъ о четырехъ туринскихъ профессорахъ, имена которыхъ, однако, такъ какъ они «не ищутъ литературной славы», т. е. ничего не пишутъ, внѣ Турина совершенно неизвѣстны міру. Недавно и одинъ нѣмецкій ученый (Гергеяръ), дѣлая обзоръ итальянскихъ произведеній въ области исторической и богословской спеціальности, былъ пораженъ жалкою скудостью большинства этихъ произведеній и вынесъ самое тяжелое впечатлѣніе. Правда, какъ бы желая затѣмъ смягчить этотъ жесткій приговоръ, авторъ доклада замѣтилъ, что «серьезная научная жизнедѣятельность въ Италіи, однако, еще не вполне умерла». Недавно умерли трое даровитѣйшихъ представителей итальянскаго духовенства: Джіоберти, Росмини и Вентура, причемъ однако двое послѣднихъ должны были умереть на чужбинѣ. Эти три лица подверглись римской цензурѣ. А почему Пассалья отказался отъ богословія, для котораго онъ раньше считался первымъ итальянскимъ украшеніемъ (и иезуитскими учениками былъ восхваляемъ даже въ Германіи), это всѣмъ извѣстно¹⁾. «Гораздо лучше, къ счастью,

¹⁾ Пассалья (Passaglia), ученый иезуитъ, состоявшій профессоромъ богословія въ Collegium Romanum, пользовался такимъ довѣріемъ Ва-

дѣло обстоитъ во Франціи... Но если мы спросимъ теперь: Гдѣ во Франціи настоящіе богословы, истинные родственники по духу Пето, Боссюэта и Ариольда? люди основательной и обширной учености?—то на это не послѣдуетъ никакого отвѣта. Франція уже потому не имѣетъ богослововъ, что у нея нѣтъ богословской высшей школы, и вообще она не обладаетъ ни единой церковно-научной школой... Поэтому мы, нѣмцы, въ виду такихъ обстоятельствъ, имѣемъ всѣ основанія благодарить Бога, что у насъ еще существуютъ университеты, и въ нихъ преподается богословіе».

«Такимъ образомъ, продолжалъ Деллингеръ, въ наше время свѣтильникъ богословской науки сдвинуть съ своихъ прежнихъ мѣстъ, и очередь сдѣлаться передовой носительницей и воспитательницей богословскихъ дисциплинъ наконецъ перешла къ нѣмецкой націи»; однако «не полдень вполнѣ выработаннаго и соврѣвшаго богословія приписываю я Германіи, но, при взглядѣ на прошедшее, лишь свѣтлый вечеръ, а вообще на устремляя взоры впередъ въ будущее—многообѣщающую утреннюю зарю подвигающагося къ величественному развитію богословія... И мы можемъ и должны признать эту нашу задачу, нисколько не допуская мысли объ эгоистическомъ превозношеніи надъ другими народами; потому что здѣсь дѣло идетъ о высококомъ, священномъ призваніи и о научномъ исполненіи тяжелыхъ обязанностей. Намъ, нѣмцамъ, данъ также даръ научной проницательности и основательности непрестаннаго, въ глубину проникающаго изслѣдованія и настойчивой духовной работы. Не разработывать этого вклада,—значило бы дѣлать преступное упущеніе... Намъ только, среди всѣхъ народовъ, выпало на долю, что острое желѣзо раздѣленія церкви прошло именно чрезъ насъ и раздѣлило насъ на двѣ почти равныя половины..., которыя въ глубинѣ сердца стремятся къ воссоединенію, потому что бѣдствіе этого раз-

тикапа, что былъ назначенъ предсѣдателемъ комиссіи по разработкѣ вопроса о догматѣ непорочнаго зачатія; но вскорѣ своимъ сочиненіемъ въ пользу итальянскаго единства онъ совершенно скомпрометировалъ себя предъ куріей: орденъ изгналъ его изъ своей среды, книга его занесена была въ Индексъ. Итальянское правительство однако назначило его профессоромъ нрав. богословія въ Туринѣ, откуда онъ не переставалъ мужественно бороться противъ папизма, хотя наконецъ, утомившись борьбой, смиренно раскаялся и отрекся отъ всего, изъ-за чего столь долго боролся и страдалъ...

дѣленія онѣ чувствуютъ при всякомъ шагѣ, при всякомъ ударѣ пульса національной жизни; любятъ и ненавидятъ другъ друга, враждуютъ и подаютъ другъ другъ братскую руку... Какъ народъ, мы истекаемъ кровью, подобно пораженному отравленной стрѣлой Филоктету, отъ все болѣе и болѣе расширяющейся раны... Пока не послѣдуетъ исцѣленія, напрасны будутъ наши усилія дѣлать попытки къ лучшему политическому устройству... Только четыре дня тому назадъ, одна изъ нашихъ наиболѣе распространенныхъ газетъ ¹⁾ писала: «Нѣмецкое единство есть соединеніе вѣроисповѣданій въ Германіи»... А если такъ, то не должно ли нѣмецкое богословіе оказаться копьемъ Телефа, которое сначала наноситъ рану и затѣмъ исцѣляетъ»? Этотъ разладъ начали и раздували нѣмецкіе богословы. «Такимъ образомъ нѣмецкое богословіе имѣетъ также призваніе—опять примирить въ высшемъ единствѣ раздѣленные вѣроисповѣданія. Оно въ состояніи будетъ это сдѣлать лишь при трехъ условіяхъ. Первое условіе состоитъ въ томъ, чтобы наша наука, теперь болѣе, чѣмъ когда-либо располагая средствами, искоренила въ себѣ разлагающее и не-католическое начало, т. е., все, что противорѣчитъ общему сознанію всѣхъ временъ и разрушаетъ непрерывность преданія въ ученіи, для чего еще и теперь остается сдѣлать многое. Второе условіе состоитъ въ томъ, что оно должно выяснитъ католическое ученіе въ его цѣлости и связи съ церковною жизнью, въ его органическомъ сочетаніи и внутренней послѣдовательности, причемъ должно строго отдѣлать существенное, и устойчивое отъ случайнаго, преходящаго и отъ чуждыхъ ему наростовъ. Этого, во всякомъ случаѣ, еще не сдѣлано... Наконецъ третьимъ условіемъ было бы то, чтобы богословіе... приняло во вниманіе все то истинное и доброе, что и отдѣлившіяся общества открыли или произвели въ ученіи и исторіи жизни, и, тщательно выдѣливъ его отъ примѣшавшагося заблужденія, затѣмъ усвоило бы его свободно и открыто какъ достойное наслѣдіе единой, истинной церкви, которая сама нѣкогда обладала всѣмъ этимъ, по крайней мѣрѣ въ зародышѣ и въ предположеніи». Два года тому назадъ (въ предисловіи къ своей книгѣ: «Церковь и церкви») онъ говорилъ: «Восединеніе и теперь и въ ближайшемъ будущемъ еще невозможно, потому что большин-

¹⁾ «Allgemeine Zeitung» отъ 24 сентября.

ство протестантовъ не хочетъ его». «Къ этому слѣдовало бы присоединить, что тѣмъ искреннѣе хотимъ его и тѣмъ ревностнѣе стремимся къ нему мы—съ своей католической стороны. Но правдивость и справедливость запретили мнѣ тогда, да и теперь запрещаютъ сказать это. Вѣдь только тотъ хочетъ достиженія цѣли, кто хочетъ также и средствъ, безъ примѣненія которыхъ цѣль недостижима, и это свое хотѣніе проявляетъ на дѣлѣ. А средства эти называются: смиреніе, братская любовь, самоотреченіе, искреннее признаніе всего истиннаго и добраго, гдѣ бы оно ни находилось, тщательное разсмотрѣніе недочетовъ и золь въ нашемъ собственномъ состояніи, и искреннее желаніе приняться за ихъ устраненіе. Этимъ отчасти указывается уже и на то великое примирительное дѣло, которое предстоитъ совершить нѣмецкому католическому богословію. Богословіе именно даетъ бытіе и силу вѣрному, здоровому общественному мнѣнію въ религіозно-церковныхъ дѣлахъ,—мнѣнію, предъ которымъ наконецъ всѣ преклоняются, не исключая и главы церкви и носителей власти». «Подобно пророческому служенію въ библейскія времена, существовавшему рядомъ съ регулярнымъ священствомъ, и въ церкви, рядомъ съ обычными властями, существуетъ чрезвычайная власть, именно общественное мнѣніе. Съ помощью его, богословская наука располагаетъ подобающей ей силой, которой ничто не въ состояніи противиться долго. Богословъ именно обсуждаетъ и оцѣниваетъ явленія въ церкви по идеямъ, между тѣмъ, какъ неразумная толпа поступаетъ наоборотъ; и всякая истинно преобразовательная дѣятельность состоитъ наконецъ въ томъ, чтобы всякое учрежденіе или дѣйствіе въ церкви совершалось въ соотвѣтствіи съ ея идеей.

«Въ Германіи, слѣдовательно, мы должны искать въ будущемъ очагъ католическаго богословія. Ни одинъ еще народъ не разрабатывалъ съ такою тщательностью, любовью и основательностью — исторіи и философіи, этихъ двухъ глазъ богословія, какъ именно нѣмецкій народъ, который въ обѣихъ этихъ областяхъ сдѣлался учителемъ народовъ. При теперешнемъ положеніи дѣлъ, богословіе, чтобы стоять въ ряду наукъ, должно по объему изслѣдованія, по методу и критикѣ быть равнымъ другимъ наукамъ; оно не можетъ довольствоваться меньшею степенью критической точности и научнаго изысканія, чѣмъ другія науки, и не должно пренебрегать никакимъ источникомъ познанія,

никакими научными, предоставляемыми новымъ временемъ средствами. Какъ бы ни были велики злоупотребленія, которыя дѣлаются съ остро наточенными оружіями и орудіями прогрессивнаго періода знанія, какъ бы эти орудія отчасти ни обращались въ разрушительныя средства, тѣмъ не менѣе, богословы не должны отказываться въ своихъ операціяхъ отъ пользованія этими усовершенствованными средствами изслѣдованія. Богословъ непремѣнно долженъ обнимать все теченіе церкви въ свѣтѣ великаго процесса развитія, постоянного возрастанія изнутри,—возрастанія не въ смыслѣ какого-нибудь книжнаго червя, но въ смыслѣ возрастанія дерева, въ которое выросло горчичное зерно апостольскаго времени. Онъ не можетъ, поэтому, произвольно брать одинъ отрывокъ, одинъ отдѣлъ времени, и довольствоваться его изученіемъ; но онъ долженъ (для чего требуется не менѣе чело-вѣческой жизни) изслѣдовать церковь въ цѣльности ея жизненныхъ обнаруженій и въ ея исторической непрерывности отъ начала до настоящаго времени, и приводить какъ себя, такъ и другихъ, къ возможно болѣе полному міросозерцанію.

«Прекраснѣйшимъ преимуществомъ истиннаго богословія является то, что оно все, къ нему относящееся, превращаетъ въ золото или, подобно пчелѣ, даже изъ ядовитыхъ растений умѣетъ извлекать чистый, освѣжающій медъ. Всякое заблужденіе, всякое ложное ученіе принимаетъ для него характеръ возраженія, на которое оно должно отвѣтить,—диссонанса, который оно должно привести въ гармонію. Только тогда, когда богословіе не даетъ разрѣшенія или даетъ его неправильно, заблужденіе становится богословски опаснымъ. А само по себѣ оно есть благодѣтельный элементъ въ процессѣ церковной жизни, который, настойчиво требуя рѣшенія, въ то же время существенно содѣйствуетъ усовершенствованію и расширенію науки. Вѣдь и всякая истина, исповѣдуемая церковью, должна была когда-либо и гдѣ-либо-пройти чрезъ испытующій и очищающій огонь враждебнаго нападенія, чтобы изъ борьбы съ лжеученіемъ выступить въ большей чистотѣ и опредѣленности. Слѣдовательно, глубже рыть, усерднѣе, неустаннѣе испытывать и не отступать боязливо даже и тамъ, гдѣ изслѣдованіе могло бы повести къ нежелательнымъ, съ предвзятыми сужденіями и излюбленными мнѣніями неприемлемымъ результатамъ, — таково свойство истиннаго богослова. Онъ не долженъ боязливо отскакивать, какъ будто на-

ступивъ на ядовитую змѣю, и предаваться бѣгству, хотя бы считавшееся имъ доселѣ непрекаемое положеніе въ діалектическомъ процессѣ его изслѣдованія, повидимому, поколебалось или мнимая истина угрожаетъ превратиться въ заблужденіе... Какъ вѣрующіе богословы, мы знаемъ, что и самое строгое испытаніе всегда будетъ приводить только къ подтвержденію правильно понятаго церковнаго ученія... При своемъ богословскомъ процессѣ мы пользуемся, хотя и научнымъ, но во всякомъ случаѣ очень недостаточнымъ методомъ, сколько бы отдѣльными лица ни обладали личными дарованіями и духовною самобытностью. Вслѣдствіе этого, возникаютъ богословскія представленія и системы, которыя носятъ въ себѣ признаки и недостатки своего двойственнаго происхожденія. Образуются различныя школы; умы сталкиваются и воспаляются одинъ отъ другого, господствующій въ церкви духъ истины поддерживаетъ этотъ огонь и очищаетъ его, и въ его пламени, хотя часто и очень медленно, все-таки сжигаются сѣно и солома человѣческаго заблуждающагося разумѣнія... Позднѣйшіе потомки должны, съ своей стороны, улучшать и, насколько возможно, сглаживать и восстанавливать то, что ихъ богословскіе предки разрушали и портили слишкомъ самоувѣренною близорукостью. Такъ, западная схоластика, съ ея противоисторическимъ смысломъ и свойственнымъ ей самодовольнымъ незнаніемъ всего восточнаго преданія и церкви, много содѣйствовала роковому разрыву съ этою церковью и затруднила исцѣленіе его. Одинъ изъ благочестивѣйшихъ и ученѣйшихъ мужей, какими только можетъ гордиться римская церковь, именно, кардиналъ Бона ничтоже сумняся, это схоластическое, извращающее самую сущность, ученіе о таинствахъ и литургическую доктрину относитъ къ ухищреніямъ сатаны, вслѣдствіе которыхъ Восточная церковь отчуждена была отъ церкви Запада, и обѣ половины церкви оторваны были одна отъ другой¹⁾. Здѣсь мы имѣемъ горькій опытъ, и въ

¹⁾ Эта цитата Дёллингера есть драгоценный перлъ для православнаго полемическаго богословія въ его борьбѣ съ папизмомъ. Если таковой высокоученый кардиналъ, какъ Бона, съ такою рѣзкостью всю вину въ раздѣленіи церквей сваливаетъ на схоластику, то въ правѣ ли была конгрегация „Индекса“ осуждать и запрещать, такія сочиненія, какъ напр. Пихлерова „Исторія раздѣленія церквей“, не осудивъ сначала кардинала Бона? Но очевидно у нея не хватало на это мужества и она предпочла впасть въ противорѣчіе сама съ собою...

то же время въ немъ содержится серьезное предостереженіе, что богословію нужно предоставить быть наукой и ея, еще на нетвердомъ основаніи покоящимся, выводамъ не придавать поспѣшно характера и значенія церковныхъ постановленій.

«Такимъ образомъ, богословъ, достойный своего имени и призванія, стоитъ между свободой и закономъ, свободно участвуя въ обоихъ, только или, лучше, именно потому, что онъ сознаетъ себя связаннымъ закономъ... Мужъ, который связалъ себя съ женой своей любви и своего избранія неразрывнымъ бракомъ, только посмѣялся бы надъ упрекомъ, что онъ потерялъ теперь свою свободу и поставилъ себя въ рабскую зависимость отъ другого существа. Вѣдь именно эту зависимость онъ и сознаетъ, какъ осчастливливающую его свободу, которая для него совпадаетъ съ необходимостью слѣдовать собственному влеченію, хотѣть и дѣлать то, въ чемъ онъ находитъ свое счастье и свое удовлетвореніе... Мы находимся теперь въ переходной стадіи. Цѣпь, которою связаны были и руководились цѣлмя столѣтій богословской дѣятельности, порвалась, или, чтобы привести болѣе ясный образъ: старый, построенный схоластикой домъ, пришелъ въ упадокъ, и его нельзя уже возстановить болѣе ремонтомъ, а требуется новое зданіе, такъ какъ онъ не въ одной изъ своихъ частей уже не соотвѣтствуетъ болѣе запросамъ жизни. Это новое зданіе, однако, еще не готово, хотя уже и много навезено строительнаго камня, и много рукъ уже трудолюбиво трудятся надъ нимъ... То, въ чемъ мы прежде всего нуждаемся въ области вѣроученія, это то, чтобы догматическій матеріалъ связать съ истинно критически очищенной исторіей и философскимъ умовозрѣніемъ, и освѣтить его обоими, чтобы затѣмъ пользоваться синтетическимъ методомъ, который лучше, чѣмъ старый аналитическій, всесторонне выясняетъ все содержаніе богооткровеннаго ученія и добросовѣстно пользуется всѣмъ, что содержится въ изреченіяхъ Св. Писанія. Отказаться отъ признанія и послѣдовательнаго проведенія этого закона историческаго развитія въ ученіи не можетъ болѣе ни одинъ научный богословъ... Теперь оно возможно и въ то же время неизбѣжно. Поэтому, нужно стараться, чтобы новое зданіе было достаточно широко и просторно, такъ, чтобы могло воспринять въ себя всю сумму прошлаго и оставить также мѣсто и для будущаго, которое не менѣе проявитъ догматически образующей силы и дѣятель-

ности, чѣмъ это сдѣлали прошедшіе вѣка. Истинное богословіе должно быть вселенскимъ, какъ и церковь, и, подобно ей, обнимать три періода;—прошлое, настоящее и будущее. Оно заботится о будущемъ не тѣмъ, что (какъ это случалось часто) утаиваетъ и искусственно прикрываетъ оказывающіяся въ системѣ, прорѣхи но прямо указываетъ на ихъ существованіе и въ то же время устраняетъ всякую поспѣшную и самовольную попытку прикрывать мнѣнія одной школы авторитетомъ церковнаго ученія, и при богословскомъ построении пользоваться одностороннимъ матеріаломъ, приравнивая его къ ученію всеобщей церкви. Этимъ оно охранить права настоящаго, которому не должны быть навязываемы мнѣнія и гипотезы въ качествѣ догматовъ, и соблюдетъ права будущей церкви, если она когда-либо въ отношеніи отдѣльныхъ вопросовъ, которые въ ея теперешней стадіи должны еще оставаться вопросами, достигнетъ той твердости и увѣренности сознанія, которая сдѣлаетъ рѣшеніе ихъ столь же правильнымъ, какъ и благовременнымъ.

«Если въ настоящее время въ Германіи имѣются два богословскихъ направленія, то это само по себѣ не есть зло, а скорѣе въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ нужно считать его приобрѣтеніемъ, подъ тѣмъ конечно условіемъ, что оба истинно научны и взаимно допускаютъ свободу движенія. Для науки эта свобода столь же необходима, какъ для тѣла свобода дыханія; и если есть богословы, которые хотѣли бы у своихъ коллегъ отнять этотъ воздухъ жизни, подъ предлогомъ опасности для догмата, то это лишь близорукое и самоубійственное дѣло. Если совершается *догматическое* заблужденіе, возстаніе противъ яснаго вселенскаго ученія церкви, то, конечно, нельзя оставлять его безъ опроверженія, и оно должно быть устранено; но если это просто *богословское* заблужденіе, слѣдовательно, принадлежащее къ области научнаго изысканія, тогда нужно и бороться съ нимъ чисто-научнымъ оружіемъ, и только именно такимъ. Могутъ сказать, что всякое богословское заблужденіе стоитъ въ болѣе или менѣе близкомъ или отдаленномъ отношеніи къ догмату, слѣдовательно, опасно или можетъ сдѣлаться опаснымъ. Это вполнѣ вѣрно, и было бы не трудно даже изъ знаменитѣйшихъ, считаемыхъ классическими, догматическихъ произведеній, напр. изъ *Summa* Томы (Аквината), извлечь рядъ положеній, которыя, строгой логикой доведенныя и развитыя до своихъ послѣднихъ заключеній, привели

бы къ пагубнымъ заблужденіямъ. Вѣрно также и то, что всякая погрѣшность противъ діеты, совершаемая человѣкомъ, стоитъ въ болѣе или менѣе близкомъ или отдаленномъ отношеніи къ его здоровью. Но въ тоже время нужно считать глупцомъ того, который, послѣ всякой подобной погрѣшности, вмѣсто того, чтобы просто устранить ее болѣе строгой діетой, немедленно призываетъ на помощь врача и прибѣгаетъ къ лѣкарству, потому что этимъ именно онъ вѣрнѣе всего и подрываетъ свое здоровье. *Similia similibus curantur*. Противъ научныхъ погрѣшностей и заблужденій нужно пользоваться только однородными же средствами. Кто поступаетъ иначе, тотъ вредитъ богословію и церкви, которая не можетъ теперь обходиться безъ жизненнаго и прогрессирующаго богословія. А что въ немъ только чрезъ заблужденіе путь идетъ къ истинѣ, это законъ, который и въ будущемъ будетъ такъ же сохранять свое значеніе, какъ онъ сохранялъ его въ прошедшемъ. Поэтому, пусть каждый изъ насъ, если къ намъ будетъ овладѣвать искушеніе произносить суровый приговоръ надъ дѣйствительными или мнимыми заблужденіями сотоварища, или даже заподозрѣвать православіе той или другой книги и ея автора, вспомнить объ изреченіи великаго христіанскаго поэта: «Но кто ты такой, который хочешь возсѣсть на судилище, на тысячу миль произносить приговоры, при твоёмъ-то кругозорѣ, который не шире ладони?» ¹⁾

Съ возрастающимъ изумленіемъ все собраніе слѣдило за доводами оратора, и, повидимому, не предвидѣлось никакого возраженія. Но въ этомъ ошиблись. Рѣчь, прямо направленная противъ вышесообщеннаго письма Гейнриха, должна была жестоко задѣть какъ его, такъ и приверженцевъ его направленія. И въ дѣйствительности они взглянули на эту рѣчь, какъ на своего рода вызовъ; и послѣ того, какъ по предложенію Гергенрѳтера, безъ дебатовъ, единогласно составили протоколъ и порѣшили отправить его къ папѣ съ извлеченіемъ нѣкоторыхъ положеній, проф. Муфангъ, въ третьемъ засѣданіи, прочелъ объемистое объясненіе, въ которомъ требовалъ, чтобы рѣчь эту отнюдь не считать входящей въ программу собранія, — требованіе совершенно излишнее уже потому, что Деллингерь смотрѣлъ на свою рѣчь только какъ на свою частную работу, которую онъ, когда уже на первомъ засѣданіи

¹⁾ „Рай“ Данте XIX, 79.

послышались возраженія, не хотѣль даже и читать. Затѣмъ слѣдовало возраженіе противъ внѣшнихъ выраженій самой рѣчи и, особенно, противъ положенія: «черезъ заблужденіе путь идетъ къ истинѣ». Это положеніе, говорилось въ объясненіи, «можетъ имѣть только тотъ смыслъ, что если ученый совершаетъ богословскія заблужденія, то нужно предоставить ему свободу заблуждаться, т. е., самому исправлять свои заблужденія. Подъ этимъ, кажется намъ, нужно разумѣть лишь то, что церковный авторитетъ не долженъ выступать противъ такого заблуждающагося ученаго, и что такое вмѣшательство вредно. Вѣдь само собою разумѣется, что другіе имѣютъ право и свободу называть заблужденія ученаго ихъ собственнымъ именемъ и защищать противъ него истину; и если они заявляютъ, что эти заблужденія стоятъ, или непосредственно или въ своихъ послѣдствіяхъ, въ противорѣчій съ ученіемъ католической церкви и исповѣдуемыми ею истинами вѣры, то «это отнюдь (какъ въ послѣднее время приходилось слышать неоднократно) не есть обвиненіе въ ереси и цензурное насиліе, а научное право, и въ богословскихъ предметахъ прямо необходимое». Возражали также и противъ проводимаго въ рѣчи различенія между догматическимъ и богословскимъ заблужденіемъ. «Если этимъ ораторъ хотѣль лишь сказать, что порицаніе и исправленіе чисто-формальныхъ заблужденій, напр. въ систематизаціи, методѣ и проч., должно быть предоставлено наукѣ», то церковная власть никогда еще не мѣшала ничему подобному, но во всякомъ случаѣ она можетъ съ полнымъ правомъ, даже въ отношеніи метода ученія, предпочитать одну школу другой, потому что считаетъ ее болѣе правильной и надежной; однако, это не уничтожаетъ свободы пользоваться и другими методами. Но если рѣчь идетъ о матеріальныхъ заблужденіяхъ, т. е., о положеніи, которое церковная власть признаетъ противорѣчающимъ католическому ученію, то, конечно, никто не будетъ оспаривать у нея права отвергать такое заблужденіе, — будетъ ли оно выступать въ философской или богословской, или какой-либо другой формѣ». Будетъ ли власть выступать *in concreto* или нѣтъ, это должно быть предоставлено ея усмотрѣнію. «Мы не можемъ согласиться также (говорилось дальше въ «объясненіи») и съ черезчуръ рѣзкой критикой итальянской науки. Что прежде всего касается науки въ столицѣ христіанства, то главными представителями итальянской науки были на-

званы четыре лица, которые всё, однако, оказались въ столкновѣннн съ церковною властью и отчасти умерли въ изгнаннн. Джюберти и Пассалья пали глубоко и сильно заблудились, — послѣдннй, правда, далеко не въ своихъ научныхъ стремленняхъ, — а другнє два, особенно Росмини, хотя и впали въ нѣкоторыя заблуждення въ философіи, но постоянно пользовались благоволеннємъ церкви. Было бы несправедливо (помимо даже такихъ явленнй прошлаго вѣка, какъ Бенедиктъ XIV, Цаккарій, Джердиль, Болджени) не признавать, что въ настоящее время Италия для богословской и философской науки, и особенно для послѣдней, сдѣлала столь же много, если не больше, какъ и всѣ другня страны (особенно заслуживаютъ быть упомянутыми иезуиты Либератори, С.-Северино, Тапарелли, а также и Тонъ Джорджю). Не вѣрно-де мнѣннє Деллингера и въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ говоритъ, что не только протестанты, но и католики въ общемъ, будто бы, не хотятъ воссоединення. Напротивъ, какъ самъ Муфангъ, такъ и остальные протестующнє ничево такъ больше не желаютъ, какъ воссоединення раздѣленныхъ; но оно «болѣе всего обуславливается тѣмъ, чтобы мы все болѣе исполнялись духа церкви, который есть Духъ Христовъ, и дѣйствовали въ ея духѣ», къ чему нужно еще присоединить, что «въ этомъ дѣлѣ наука, хотя и составляетъ одинъ факторъ; но молитва и христіанская добродѣтель важнѣе, а благодать Божія есть самое первое и необходимое» ¹⁾. Подъ объясненнємъ этимъ, кромѣ Муфанга, подписались майнцскнє новосхоластики Гейнрихъ и Гаффнеръ, ученики иезуитовъ Гергенрѳтеръ и Геттингеръ (изъ Вюрцбурга), Шеобенъ (изъ Кельна), хотя послѣдннй совсѣмъ не присутствовалъ на первомъ засѣданнн и, слѣдовательно, не слышалъ также и рѣчи. Къ нимъ присоединился обращенецъ изъ протестанства Шетцлеръ, хотя онъ еще недавно предъ тѣмъ, именно 1 декабря 1862 г. писалъ Дирингеру: «Къ научнымъ занятнямъ, въ собственномъ смыслѣ, господа Шеобенъ и его собратья не имѣютъ никакого смысла. Первый изъ нихъ посѣтилъ меня здѣсь и фигурировалъ въ качествѣ doctor ecclesiae. Да и продукты патера Шрадера должны въ благоразумныхъ людяхъ возбуждать сомнѣннє въ серьезности стремленнй и

¹⁾ См. въ сочин. *Moufang, Die Kirche u. die Versammlung kathol. Gelehrten* 1864, стр. 42, а также у *Hergenröther's Kirche u. nicht Partei*, 1865, стр. 44.

научнаго воспитанія у іезуитовъ. Что такія лица, какъ Шеєбенъ и Шрадеръ, выдвигаются впередъ и имъ во что бы то ни стало хотять придать печать богословской знаменитости, это уже само по себѣ съ достаточностью показываетъ, что научная строгость, какою славилось общество въ старину, у теперешнихъ іезуитовъ давно подверглась забвенію. Поэтому крайне печально, если приходится видѣть, какъ объ іезуитахъ почти всюду думаютъ, что они глубже всего постигаютъ духъ католицизма, и въ своихъ сочиненіяхъ, какъ и въ образѣ дѣйствія, вѣрнѣе всего отображаютъ его. Проф. Газе ¹⁾ съ тонкой тактикой воспользовался этимъ всеобще распространеннымъ заблужденіемъ для своей цѣли. Истиннымъ представителемъ римской церкви въ наше время для него является Перроне ²⁾; поэтому, онъ думаетъ унизить католицизмъ, когда онъ улавливаетъ у Перроне тѣ или другіе промахи. Но для этого не требуется большой учености». Наконецъ, и проф. Филлипсъ, слѣдуя влеченію своего сердца, далъ свою подпись, на что Деллингеръ впоследствии болѣе всего жаловался ³⁾. «Съ тридцатыхъ годовъ, говорилъ онъ, были самыми близкими друзьями и онъ могъ бы съ увѣренностью ожидать, что Филлипсъ дружески обратитъ его вниманіе, если найдетъ въ его рѣчи что-либо сомнительное, и

¹⁾ Газе (Карль) — знаменитый нѣмецкій протестантскій историкъ авторъ многихъ церковно-историческихъ изслѣдованій и цѣлыхъ курсовъ, а также и „Полемики противъ р.-католической церкви“ (6 изд. 1895 г.) которая и имѣется здѣсь въ виду. Умеръ въ 1890 г.

²⁾ Перроне — ученый іезуитъ, препрославленный своими собратами-іезуитами профессоръ догматики въ Kollegium Romanum въ Римѣ. Это былъ самый популярный римскій полемистъ и его болѣе всего читали и читаютъ въ римско-кат. мірѣ, хотя, по выраженію одного историка, онъ недостойнъ былъ и ремня развязать у ногъ своихъ знаменитыхъ предшественниковъ, какъ Белларминъ, Воссюэтъ и Мѣлеръ. Въ своихъ Praedelectiones theol. (Romae 1885—42, въ девяти томахъ), опровергая протестантское ученіе и полемизируя противъ сочиненій протестантскихъ нѣмецкихъ ученыхъ, хотя ни слова не понималъ по-нѣмецки, онъ обнаружилъ столько же грубой заносчивости, сколько и вопіющаго невѣжества. Умеръ въ 1876 г., 82 лѣтъ отъ роду.

³⁾ Проф. Филлипсъ, нерѣдко игравшій печальную роль въ исторіи жизнѣдѣтельности Дѣллингера, былъ обращенецъ изъ протестантизма и съ свойственною подобнымъ обращенцамъ щепетильностью относился ко всѣмъ движеніямъ, казавшимся ему возвратомъ къ протестантизму. Ему принадлежить 7-митомный курсъ „Церковнаго права“ и „Учебникъ церковнаго права“ († въ 1872 г.).

если онъ принялъ участіе въ оппозиціи противъ него, то это болѣе всего огорчило его. Все это онъ можетъ объяснить себѣ не иначе, какъ тѣмъ, что Филлипсъ былъ недоволенъ «Папскими баснями» (собственно постановкой вопроса о Гоноріѣ), которыя онъ «написалъ не ради паписсы Іоанны» и «дара Константина», а для того, чтобы судили не о фактахъ по системѣ, а о системѣ по фактамъ» (1863 г., октября 25), или, чтобы, какъ однажды Деллингеръ говорилъ проф. Фридриху, показать истинный методъ церковно-историческаго изслѣдованія.

Какъ только Муфангъ закончилъ чтеніе «заявленія» восьми демонстрантовъ, Деллингеръ не преминулъ выступить съ отвѣтомъ на него. Слегка опираясь на стѣнку алтаря, онъ отвѣчалъ обстоятельно, очень спокойно и съ мастерской стройностью и стилистикой, положительно уничтожающимъ образомъ. Съ железнымъ спокойствіемъ говорилъ онъ между прочимъ: «Сочиненія Тона Джорджіо и др. мнѣ не безъизвѣстны; возможно даже, что они столь значительны, что я долженъ бы былъ упомянуть о нихъ въ моемъ обзорѣ. Но если они и дѣйствительно имѣютъ такое научное значеніе, то я долженъ считать себя неспособнымъ судить о научной цѣнности книгъ». Демонстранты, чувствуя, что за ними стоятъ іезуиты и сама курія, не удовлетворились этимъ и предприняли, продолжавшійся еще нѣсколько часовъ, штурмъ на Деллингера, который, однако, онъ отбивалъ съ одинаковымъ спокойствіемъ и обдуманностью. Онъ былъ доволенъ и тѣмъ, что собраніе въ общемъ стояло на его сторонѣ, хотя и не подвѣривалъ, что съ этого особенно времени и началась іезуитская травля на него.

На собраніи долго еще происходили оживленные дебаты, особенно по вопросу «объ отношеніи свободы науки къ учительному авторитету церкви», и Деллингеръ облегченно вздохнулъ, когда многие видные представители науки и среди нихъ даже такіе, какъ Геттингеръ, Шеибекъ, Гаффнеръ, Гейнрихъ, Шетцлеръ съ Кноодтомъ, Дейтингеръ, Шнейдеръ, Бахъ, Штродль, Михелисъ и Рейнкенсъ ¹⁾ предложили слѣдующіе

¹⁾ Изъ нихъ Губертъ Рейнкенсъ — впоследствии первый старокатолическій епископъ въ Германіи. Онъ получилъ посвященіе отъ девентерскаго архіепископа Гейкмаца въ 1878 году, набралъ своей ревизіонціей Воннъ и скончался въ 1896 году. Геттингеръ — авторъ завѣ-

два тезиса: 1) Искренняя преданность богооткровенной истинѣ, преподаваемой въ католической церкви, есть важное и непрѣмьное условіе для прогрессивнаго развитія истиннаго и всеобъемлющаго умозрѣнія и для препобѣжденія господствующихъ особенно въ наше время заблужденій; 2) для всякаго, кто стоитъ на почвѣ католической вѣры, есть долгъ совѣсти во всѣхъ своихъ научныхъ изслѣдованіяхъ подчиняться догматическимъ изреченіямъ непогрѣшимаго авторитета церкви. Это подчиненіе авторитету не стоитъ ни въ какомъ противорѣчій со свойственной наукѣ и необходимой для нея свободой». Хотя не было недостатка въ возраженіяхъ и противъ этихъ весьма скромныхъ тезисовъ, тѣмъ не менѣе они были приняты собраніемъ, и Деллингеръ былъ весьма доволенъ этимъ, надѣясь, что на этой основѣ впослѣдствіи, на слѣдующемъ собраніи ученыхъ, будетъ дано болѣе обстоятельное рѣшеніе этого глубоковажнаго вопроса. Пріятно было для Деллингера и то, что не безъ сочувствія было принято и его предложеніе приступить къ новому изданію извѣстной большой римско-католической Энциклопедіи Ветцера и Вельте ¹⁾,

стной аполлогетики христіанства, переведенной и на русскій языкъ (хотя и съ устарѣлаго изданія). Ум. въ 1890 г. Неоднократно упоминавшійся уже *Михелисъ*, даровитый и высокообразованный, знатокъ языковъ и философіи, будучи послѣдовательно профессоромъ въ Падерборнѣ, Мюнстерѣ и Браунсбергѣ, держался строго церковнаго направленія; но ватиканскій соборъ сдѣлалъ его однимъ изъ первыхъ и ревностнѣйшихъ сторонниковъ старокатолическаго движенія. Самое важное его сочиненіе есть «Католическая догматика» (1881 г.), въ которой старокатолическое пониманіе христіанства выставляется какъ высшее, съ обѣихъ сторонъ очищенное объединеніе протестантской и римской догматики. *Дейтингеръ*—ученикъ Шеллинга и Баадера, хотя и будучи благочестивымъ и вполнѣ правовѣрнымъ католикомъ, неоднократно подвергался враждебнымъ выходкамъ со стороны новосхоластиковъ, почему и вышелъ въ отставку въ 1852 г. † въ 1864 г. Ему принадлежатъ сочиненія: «Основныя черты позит. философіи» въ 7 томахъ (противъ схоластиковъ) «Нравственная философія» (съ постоянной полемикой противъ иезуитской морали); «Духъ христіанскаго преданія» въ двухъ томахъ и др.—*Балъ*—мюнхенскій профессоръ, авторъ сочиненій объ «Эккертѣ» 1864 и особенно «Исторія догматовъ въ средніе вѣка» въ двухъ томахъ 1873 и 1875 гг. *Кноодтъ*—проф. боннскаго университета, впослѣдствіи одинъ изъ первыхъ родоначальниковъ старокатолицизма.

²⁾ Извѣстный *Kirchenlexicon von Wetzer und Welte*, въ 12 томахъ. Этотъ весьма почтенный трудъ, по богатству своего содержанія, соперничающій съ энциклопедіей Герцога, законченъ только въ 1902 году, когда вышелъ

которая значительно устарѣла и отстала отъ движенія науки, и это тѣмъ болѣе, что со стороны протестантовъ въ это время приступлено было къ своей знаменитой «Реальной Энциклопедіи для протестантскаго Богословія» подъ редакціей Гердого, теперь уже выходящей въ третьемъ вполне переработанномъ изданіи. Когда и это предположеніе было принято, то Деллингерь былъ въ самомъ благодушномъ настроеніи, и на состоявшемся прощальномъ обѣдѣ «ученыхъ» былъ неистощимъ въ своихъ тостахъ, причемъ прежде всего въ своихъ тостахъ воздалъ дань чести папѣ Пію IX и королю Максимилиану II, да и самъ былъ восторженно чествуемъ со стороны членовъ собранія за то, что «далъ инициативу, созвалъ и руководилъ этимъ поистинѣ хорошимъ и въ высшей степени плодотворнымъ дѣломъ».

Такимъ образомъ послѣ многихъ огорченій и разочарованій Деллингеру выпала пріятная доля видѣть осуществленіе своей давней мечты, и онъ надѣялся, что въ Германіи занималась уже заря новаго лучшаго времени, когда пагубный разладъ между ея богословскими школами прекратится ко благу церкви и народа, наукѣ будетъ предоставлена принадлежащая ей свобода въ служеніи истинѣ и всѣ ея представители будутъ имѣть возможность сплоченными силами стать на защиту христіанства противъ вздымающейся противъ него вражды со стороны вновь поднявшаго голову рационализма и полного невѣрія. Однако, этимъ его розовымъ мечтамъ не суждено было осуществиться, и вскорѣ онъ долженъ былъ съ печалью убѣдиться, какъ велика еще сила тьмы и злобы и съ какою яростью она способна обрушиться на лучшихъ и даровитѣйшихъ поборниковъ свѣта и истины.

послѣдній его 12-й томъ. Хотя дѣло по его изданію нѣсколько затормозилось и оно начато было только въ 1882 году, но въ него вошло не мало статей Деллингера, которыя, конечно, служатъ однимъ изъ украшеній этой энциклопедіи.

IV.

Преждевременная радость Деллингера.—Телеграмма къ папѣ и отвѣтъ на нее.—Доносъ нунція и неожиданный переворотъ во мнѣніи непогрѣшимаго.—Исслѣдованіе о Лже-Исидорѣ и результаты его.—Вездѣ папскихъ фальсификацій.—Лже-Кирилль.—Выходъ въ свѣтъ „Протоколовъ“ собранія ученыхъ и новыя споры по поводу его.—Выходки іезуита Курчи.—Папское посланіе по поводу собранія ученыхъ.—Ограниченіе ихъ въ будущемъ стѣснительными условіями.—Напрасныя старанія Деллингера устроить 2-е собраніе ученыхъ богослововъ.—Жалкое подобіе подобнаго собранія въ Вюрцбургѣ.

Какъ ни былъ повидимому благопріятенъ исходъ задуманнаго и проведеннаго Деллингеромъ «собранія ученыхъ богослововъ», однако вызванному имъ благодушному настроенію не суждено было продолжаться долго. Вскорѣ Деллингеръ убѣдился, какъ все непрочно въ томъ мірѣ, во главѣ котораго стоитъ безграничная, мнящая себя непогрѣшимой власть и какъ, благодаря окружающей ее сворѣ самолюбцевъ и интригановъ, самая непогрѣшимость превращается въ жалкую слѣпоту и погрѣшительность. Во всякомъ случаѣ уже на другой день послѣ окончанія собранія къ Деллингеру зашелъ проф. Ганебергъ и съ безпокойствомъ сообщилъ ему, что нунцій вновь чѣмъ-то раздраженъ, и кажется тѣмъ, что его аудиторамъ не было послано пригласительныхъ билетовъ на собраніе. Такъ какъ онъ изготавлялъ докладъ папѣ объ этомъ собраніи и подъ вліяніемъ раздраженія и недовольства могъ дать неблагопріятный отчетъ, то нужно во что бы-то ни стало предупредить эту возможность, могущую повлечь за собою много непріятностей для участниковъ собранія и особенно его предсѣдателя. Нужно именно было послать телеграмму самому папѣ, чтобы его непогрѣшимость настроить въ благопріятномъ смыслѣ. Послѣ нѣкотораго колебанія Деллингеръ дѣйствительно нашелъ эту мѣру необходимой, и 2 окт. отправлена была архіепископу князю Гогенлоэ въ Римъ слѣдующая телеграмма: «Пробствъ Деллингеръ и аббатъ Ганебергъ просятъ васъ извѣстить св. отца, что засѣданія католическихъ ученыхъ открыты были святой мессой и исповѣданіемъ вѣры, и закончены въ духѣ церкви. Великій вопросъ объ отношеніи философіи къ церковному авторитету былъ разрѣшенъ въ смыслѣ совершеннаго подчиненія авторитету. Ходъ дѣлъ въ подробностяхъ будетъ изложенъ

его святѣйшеству вмѣстѣ съ адресомъ». Гогенлоэ поспѣшилъ съ этой телеграммой къ папѣ, который въ высокой степени былъ обрадованъ ею, и уже вечеромъ, въ 10 часовъ, въ тотъ же день отправилъ телеграмму съ слѣдующимъ отвѣтомъ: «Св. отецъ посылаетъ всѣмъ вамъ свое благословеніе. Для него было великимъ утѣшеніемъ узнать о составленныхъ на собраніи прекрасныхъ опредѣленіяхъ, и онъ ободряетъ собраніе продолжать свое истинно-католическое дѣло». Подписалъ архіепископъ Гогенлоэ. Телеграмма эта немедленно была напечатана въ газетахъ. Повидимому, все шло хорошо. Но этого не могъ болѣе выносить нунцій Гонелла и стоявшая за нимъ фаланга новосхоластиковъ. Нужно было такъ или иначе повернуть дѣло въ другую сторону, и вотъ немедленно же онъ сдѣлалъ въ Римѣ совершенно противоположное донесеніе, и даже, какъ сообщали изъ Рима проф. Рейшу, угрожалъ подать въ отставку, если ему не дано будетъ удовлетворенія. Папа заколебался, вызвалъ на совѣщаніе изъ Тиволи кардинала Антонелли, и между ними дѣло дошло до такихъ непріятныхъ сценъ, что Гогенлоэ былъ глубоко возмущенъ, и свое сообщеніе объ этомъ событіи въ 1870 году началъ словами: «Г. профессоръ! Я не нуждаюсь ни въ какомъ другомъ доказательствѣ, что папа не можетъ быть непогрѣшимымъ, кромѣ того единственнаго доказательства, что во всей своей жизни я не встрѣчалъ человѣка, который бы менѣе былъ вѣренъ истинѣ, чѣмъ именно Пій IX». Такъ какъ, слѣдовательно, ничего нельзя было добиться, и прямодушнаго Гогенлоэ невозможно было склонить къ подобнымъ интригамъ, то Антонелли воспользовался обычнымъ куріалистическимъ правиломъ, что неофициальныя заявленія не считаются автентичными, и посоветовалъ нунцію дѣйствовать сообразно съ этимъ правиломъ. И вотъ начались обычные іезуитскіе приемы съ цѣлью изгладить благопріятное впечатлѣніе, вызванное телеграммой Гогенлоэ отъ имени папы, и дѣлу, наконецъ, приданъ былъ такой характеръ, что на голову Деллингера и соучастниковъ «собранія», вмѣсто благословенія, обрушилось чуть не проклятiе св. отца. Во всякомъ случаѣ, нунцій съ этого времени, все болѣе и болѣе вмѣшиваясь въ это дѣло, положилъ начало тѣмъ продолжавшимся въ теченіе многихъ лѣтъ мѣропріятіямъ и коварнымъ выходкамъ, цѣлью которыхъ было не что иное, какъ совершенно уничтожить Деллингера.

Что такое положеніе дѣлѣ должно было еще болѣе усилить уже давно начавшееся угнетенное состояніе Деллингера и вносить раздраженіе въ среду членовъ мюнхенскаго богословскаго факультета, это психологически понятно. Другія лица въ такомъ положеніи, быть можетъ, пришли бы даже къ рѣшенію совершенно удалиться отъ всякой дѣятельности ¹⁾, но вся природа и весь складъ жизни Деллингера были противъ этого. Онъ отказался только отъ составленія обѣщаннаго книгоиздателю Гердеру «Изложенія католическаго вѣроученія», и посвятилъ себя другимъ научнымъ изслѣдованіямъ. Какъ видно изъ его записныхъ книжекъ отъ этого времени, онъ уже сдѣлалъ обширныя изысканія въ области «Исторіи папства». На основаніи источниковъ и литературы по исторіи какъ папства вообще, такъ и отдѣльныхъ папствованій, онъ попалъ на безчисленныя фальсификаціи, такъ что «Исторія папства», которую онъ предполагалъ написать, должна была представлять не только совершенно новую картину, но и произвести въ ней полный переворотъ. Особенно онъ занялся изслѣдованіемъ книги Лже-Исидора, которую только что издалъ въ то время Геншіусъ. Нѣкогда въ своей «Церковной Исторіи», подобно канонистамъ Вальтеру, Филиппу, Шульте и Пахману, онъ училъ, что «авторъ ея своими измышленіями, какъ бы хотѣлъ только кодифицировать уже существовавшіе тогда порядки въ области управленія и придать имъ писанную основу, и что и безъ его обмана развитіе церковнаго управленія приняло бы этотъ же самый ходъ». Теперь, когда онъ во второй разъ и съ новымъ изданіемъ въ рукахъ, усерднѣе занялся изученіемъ этого произведенія, онъ убѣдился, что такъ онъ говорилъ лишь вслѣдствіе «совершенно недостаточнаго знакомства съ декреталіями» и что, напротивъ, именно благодаря Лже-Исидору, «хотя и медленно, постепенно совершенъ былъ полный переворотъ въ церковномъ порядкѣ и управленіи». Но, по своему обычному способу изслѣдованія, онъ не остановился на простомъ константированіи этого

¹⁾ Какъ это и было послѣ Ватиканскаго декрета со многими выдающимися учеными богословами и профессорами, которые не вынося нравственной тягости, оставляли свои должности и удалялись на покой. Напр. такъ поступили проф. Дейтингеръ въ Диллингенѣ, Ойшингеръ въ Мюнхенѣ, Дриангеръ въ Воннѣ и др.

факта, а счелъ нужнымъ прослѣдить, какъ пользовались Лже-Исидоромъ и какое вліяніе онъ оказывалъ на протяженіи всего средневѣковья до новѣйшаго времени. Но тогда, вмѣстѣ съ тѣмъ, обнаружился и тотъ еще неблагоприятный результатъ, что Лже-Исидоръ былъ не только главнымъ источникомъ Граціановыхъ декретовъ, Григоріева и каноническаго права вообще, но и перешелъ въ богословское ученіе, на флорентійскомъ соборѣ былъ выдвигаемъ противъ грековъ и, наконецъ, благодаря Беллармину, проникъ и въ богословіе новѣйшаго времени. Мало того, этотъ соборъ и Бароній пошли еще дальше и ввели его даже въ римскій бревіарій, хотя уже и въ ихъ время обнаружена была его неподлинность. Другимъ слѣдствіемъ этихъ изысканій былъ тотъ взглядъ, что Лже-Исидоръ послѣдовательно ведетъ къ папской непогрѣшимости. Но такъ какъ послѣднюю іезуиты, очевидно, стремились возможно скорѣе возвести въ членъ вѣры, то онъ и въ этомъ направленіи хотѣлъ возможно полнѣе уяснить для себя, какъ средневѣковые богословы учили объ учительной должности папы. Результатъ этихъ изысканій былъ отрицательный до Тома Аквината, съ котораго начинается новый поворотъ въ этомъ ученіи. Но затѣмъ возникалъ вопросъ, что же послужило для Тома поводомъ начать новое, отъ прежнихъ схоластиковъ отступающее ученіе, и ввести ученіе о папѣ и его непогрѣшимости въ догматику. Правда, что Тома пользовался неподлинными мѣстами. Объ этомъ давно было извѣстно, и не было недостатка въ попыткахъ оправдать его. Но все-таки оставалось неяснымъ, какъ онъ пришелъ къ тому, чтобы внести эти мѣста въ свои сочиненія. Эту загадку пытался разрѣшить Эхардъ въ своихъ *Scriptores ordinis praedicatorum* описаніемъ неизданнаго *Thesaurus veritatis fidei* доминиканца Бонакурсія по двумъ парижскимъ рукописямъ. Этотъ трактатъ, повидимому, былъ подъ руками у Деллингера, и когда онъ сдѣлалъ списки съ него по обѣимъ рукописямъ, то оказалось, что къ Лже-Исидору, во времена Тома, присоединился еще нѣкій Лже-Кириллъ, — «эта, по его выраженію измышленная цѣпь преданій, надерганныхъ изъ греческихъ соборовъ и отцовъ церкви, Златоуста, обоихъ Кирилловъ — іерусалимскаго и alexandрійскаго, и нѣкоего мнимаго Максима». Этотъ Лже-Кириллъ, измышленный доминиканцами, былъ преподнесенъ папѣ Урбану IV (1261 — 64), и имъ переданъ Томъ Аквинату.

И вотъ «на основаніи измышленій этого монаха, среди которыхъ оказался еще и канонъ халкидонскаго собора, предоставлявшій всѣмъ епископамъ неограниченное право апелляціи къ папѣ, а также изъ фальсификацій у Граціана, Тома и построилъ свою папскую систему съ двумя главными положеніями, что папа есть первый непогрѣшимый учитель міра, и что онъ есть безусловный властелинъ церкви»¹⁾. Это открытіе потрясающимъ образомъ подѣйствовало на Деллингера. Въ эти годы онъ то и дѣло везвращался къ Лже-Кириллу, творенія котораго предполагалъ напечатать. Отсюда же понятно, почему онъ, когда однажды рѣчь зашла о необходимости новаго изданія и окончанія его «Церковной Исторіи», сказалъ проф. Фридриху: «Это уже не можетъ служить для меня задачей. Отъ моей прежней «Исторіи Церкви» не можетъ остаться болѣе ни строки». Все его церковно-историческое міросозерцаніе къ этому времени измѣнилось. Передъ его душой уже тогда предносился «Янгусъ» 1869 г.

Между тѣмъ, возбужденіе, причиненное собраніемъ ученыхъ, все еще не прекращалось. Во «Всеобщей Газетѣ» отъ 12 октября, появилось сообщеніе, что Римъ выразилъ крайнее неблаговоленіе занимавшемуся созывомъ собранія комитету, что очевидно было измышленіемъ или извращеніемъ слуховъ о телеграммѣ Гогенлоэ. Тюбингенцы злорадно потирали руки и въ мѣстномъ «Католическомъ Церковн. Листкѣ»²⁾ [въ двойномъ 45 и 46 номерѣ], заявили, какъ умно они поступили, не принявъ участія въ этомъ собраніи, «ожидая, какъ дѣла сложатся въ дѣйствительности», тѣмъ болѣе, что желаемаго единогласія не было востановлено, и католическая наука принятыми положеніями нисколько не обогатилась. Досадовали они также и на то, что въ немъ возникло дѣло о новомъ изданіи «Церковнаго Лексикона», который они считали своимъ дѣломъ, и не очень долго спустя послѣ собранія писали его издателю: «Дѣло о «Церковномъ Лексиконѣ» въ Мюнхенѣ велось такъ, что объ участіи въ

1) Въ дѣйствительности,—поправляетъ проф. Фридрихъ,—дѣло обстоало такъ, что Бонакурсіи воспользовался другимъ сочиненіемъ и Томой Авкинатомъ, а этотъ послѣдній списалъ съ Libellus, поданной Урбану IV. Объ этомъ см. у Рейша въ его „Фальсификаціяхъ въ трактатѣ Тома Авкината противъ грековъ“.

2) „Katholisches Kirchenblatt für die Diözese Kottenburg“.

немъ Тюбингена не можетъ быть болѣе рѣчи. Послѣ того, какъ дитя на Мюнхенскомъ собраніи получило столь знатную мать, въ Тюбингенѣ оно можетъ искать себѣ лишь мамку; но здѣсь нѣтъ такихъ, кто захотѣлъ бы служить въ мамкахъ» (отъ 26 мая 1864). Въ дѣйствительности же, какъ это было извѣстно въ Мюнхенѣ, основаніемъ такого ихъ отношенія къ дѣлу было то, что они не хотѣли работать совместно съ майнцскими профессорами и учениками іезуитовъ. Гораздо болѣзненнѣе затронуло Деллингера то обстоятельство, что, послѣ того, какъ уже проф. Филиппсъ на самомъ собраніи сталъ на сторону противниковъ его рѣчи, къ нимъ присоединился также и проф. Горгъ, на котораго онъ доселѣ полагался, какъ на каменную гору.

Въ концѣ ноября и въ началѣ декабря вышли въ свѣтъ печатные «протоколы» ученаго собранія, въ которыхъ была помѣщена сполна и рѣчь Деллингера. Съ выходомъ ихъ въ свѣтъ, вновь оживилась полемика по поводу самаго собранія, и дѣло дошло до по-истинѣ мучительной переписки между проф. Моемъ и Деллингеромъ, изъ которой, впрочемъ, имѣются подъ руками только письма перваго. Однако, и по нимъ можно судить о самозащитѣ Деллингера. Проф. Мой, который не понималъ «радостной надежды», съ которою Деллингеръ, по-видимому, смотрѣлъ на свое время, вообще на свой «вѣкъ», писалъ (отъ 4 апрѣля): «Не могу ли я осмѣлиться сдѣлать тебѣ одно замѣчаніе? Я нахожу [но не сердись на это], что ты все болѣе и болѣе впадаешь въ поразительную односторонность, — въ односторонность, которая вредитъ твоему призванію, какъ историка. Ты стремишься къ тому, чтобы отъ романскихъ народовъ и особенно итальянцевъ передать скипетръ богословія въ новѣйшее время нѣмцамъ. Если послушать тебя [а ты ссылаешься на историка Канту], то итальянцы, за исключеніемъ Джіоберти, Росмини, Бентуры и Пассальи, уже цѣлое столѣтіе не выставили ни одного именитаго богослова. А Церроне, Лигуори, Скавини, — развѣ это не богослова первостепеннаго значенія»? (отъ 8 дек. 1863). Привыкнуши рѣшительнѣе говорить съ проф. Моемъ, Деллингеръ возражалъ: «О Церроне и Лигуори нельзя напоминать въ присутствіи богослововъ, не подвергаясь риску быть осмѣяннымъ; а о Росмини, Джіоберти и Бентурѣ онъ не считаетъ пужнымъ спорить, и, во всякомъ случаѣ, Джіоберти могъ бы сдѣлаться выдающимся богословомъ; «въ Италіи онъ скупалъ, чувство-

валъ одиночество, и не нашелъ ни одного богослова, который могъ бы выдержать съ нимъ объясненіе» (отъ 15 дек.), хотя онъ «какъ бы съ фонаремъ Діогена искалъ дѣйствительнаго богослова въ Италіи, не найдя ни одного».

Между тѣмъ, іезуитская печать хранила упорное молчаніе касательно вышедшихъ въ свѣтъ протоколовъ собранія. Не было также никакихъ извѣстій изъ Рима, гдѣ само собраніе продолжало кипятить многимъ кровью, и гдѣ рѣчью Деллингера были возмущены всѣ итальянскіе ученые, доминиканцы, іезуиты и др. И это молчаніе тѣмъ болѣе было страннымъ, что, какъ всѣмъ было извѣстно, нунцій и мюнхенскій архіепископъ отправили туда подробные отчеты о собраніи. Но это затишье было передъ бурей. Первымъ знакомъ ея наступленія была статья въслѣдствіи разошедшагося съ своимъ орденомъ главнаго редактора «*Civiltà Cattolica*» патера Курчи ¹⁾, подъ заглавіемъ: «Собраніе католическихъ ученыхъ въ Мюнхенѣ и католическая наука» (въ февр. выпускѣ журнала), которую Альцогъ въ своей «Церковной Исторіи» назвалъ «омерзительнымъ искаженіемъ». Курчи, правда, глубоко преклоняется передъ «выдающимися заслугами» и «безупречною правотѣю» Деллингера, но въ исторіи богословскихъ наукъ Деллингеръ, говоритъ онъ далѣе, не понимаетъ ничего, и едва ли произносить хотя бы одно сужденіе о лицахъ и дѣлахъ, которое можно бы на-

¹⁾ Іезуитъ-патеръ Курчи (Cursi)—одинъ изъ основателей итальянскаго журнала *Civiltà Cattolica* въ Неаполѣ 1850 и съ того времени ставшій, какъ сторонникъ папской непогрѣшимости, довѣреннымъ другомъ и совѣтникомъ Пія IX. Но въслѣдствіи за выраженное имъ сочувствіе идеѣ итальянскаго единства онъ навлекъ на себя гнѣвъ папы, который повелѣлъ исключить его изъ ордена, что и было сдѣлано въ 1877 г. Левъ XIII старался вновь приблизить его къ Ватикану, но напрасно: Курчи изъ яраго инфаллибилиста теперь перешелъ въ лагерь красныхъ и въ сочиненіи «Новая Италія» громилъ и папу и его сторонниковъ. Книга была занесена въ Индексъ, но тѣмъ болѣе читали ее въ Италіи. Наконецъ въ 1883 г. въ своей книгѣ «Ватиканское царство какъ червоточина» (*Il Vaticano Regio tarlo*) Курчи сталъ метать перуны противъ самаго папскаго престола, считая его источникомъ всѣхъ бѣдствій Италіи. Однако въ слѣдующемъ же году клерикальныя газеты съ радостью сообщали, что будто бы Курчи отрекся отъ всего, что онъ писалъ противъ св. отца, и смиренно раскаялся... Вотъ нѣкоторыя черты той личности, которая въ свое время своимъ борючисшимъ причинила столько неурядицъ и огорченій Деллингеру.

звать правильнымъ». Ему-де ни разу не удается «точно опредѣлить, что такое богословіе, а отсюда и того, что такое богословы въ церкви», «вслѣдствіе чего нельзя больше удивляться, если онъ смотритъ на богословіе, какъ на одинъ изъ трехъ столповъ, на которыхъ покоится церковь». Истинное богословіе церкви есть только схоластическое. «Предоставляя теперь мудрости Деллингера заявлять міру о научномъ приматствѣ нѣмцевъ, мы только замѣтимъ, что ихъ наклонность усваивать себѣ языки чужихъ народовъ, въ нашихъ глазахъ, не особенно подтверждаетъ это призваніе; несомнѣнно, было бы гораздо важнѣе, если бы, наоборотъ, у другихъ народовъ можно было видѣть особенное расположеніе и наклонность изучать нѣмецкій языкъ. Но тогда было бы внѣ всякаго сомнѣнія, что это первенство оказалось бы на сторонѣ не нѣмцевъ, а французовъ. Впрочемъ можно бы еще пожелать, чтобы наши будущіе учителя, съ цѣлію сдѣлать себя понятнѣе другимъ народамъ, своимъ ученикамъ, немножко позаботились о томъ, чтобы на своемъ языкѣ мыслить и говорить по-нашему. Если же они продолжаютъ мыслить такъ, что и для нихъ самихъ ихъ небо не всегда бываетъ яснымъ, и къ природной трудности своего языка, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ очень цѣнной, присоединяютъ такую массу пустыхъ словъ и произвольныхъ сопоставленій, какъ бы намѣренію стараясь повергнуть въ таинственную тьму сами по себѣ очень простыя мысли (манера новѣйшаго происхожденія, не встрѣчающаяся въ ихъ классическихъ образцахъ); если они, говорю я, будутъ продолжать такъ, то могутъ быть вполне увѣрены, что этимъ никогда не достигнуть главенства въ наукѣ». Но для полной характеристики этой статьи нужно привести еще и слѣдующее мѣсто: «Мы охотно готовы признать за нѣмцами это высокое отличіе въ исторіи и, если угодно, также въ лингвистикѣ, патристикѣ, библейской экзегетикѣ и т. д., и въ то же время спрашиваемъ: имѣются ли здѣсь элементы, необходимые для умозрительнаго богословія, которое могло бы достойно стать на мѣсто схоластики? Не думаемъ. Всѣ эти познанія, которыя справедливо называютъ вспомогательными науками богословія, правда, очень благородное украшеніе и часто необходимое вспомогательное средство для богословія. Но съ богословіемъ въ его собственномъ значеніи, какъ умозрительной науки, они не имѣютъ ничего общаго. Мало того, въ то время,

какъ богословіе безъ опасности можно преподавать въ школахъ и изучать частнымъ образомъ, тѣ знанія, напротивъ, если они не освѣщаются и не находятся подъ руководствомъ этой умозрительной науки, помимо большой опасности заблужденія, которой подвергаютъ себя учащіеся, не въ состояніи сами по себѣ сдѣлать кого-либо богословомъ въ собственномъ смыслѣ. При помощи ихъ можно быть ученымъ, образованнымъ, филологомъ, даже выдающимся историкомъ, но не богословомъ въ собственномъ смыслѣ этого слова». Для этого необходима «солидная и обстоятельная философія». Если бы она была у нѣмцевъ, то они могли бы занять указанное Деллингеромъ положеніе; но у нихъ нѣтъ ея, сколько бы Деллингеръ ни утверждалъ это.

Эта статья патера Курчи, однако, была лишь предвѣстіемъ еще худшаго. Нѣсколько дней спустя въ Мюнхенъ прибыло, помѣченное 21 дек. 1863, папское посланіе, въ нѣсколькихъ напечатанныхъ экземплярахъ, въ которомъ подробно говорилось о собраніи ученыхъ. Въ этомъ посланіи папа уже прямо высказываетъ свое полное неблаговоленіе по поводу этого собранія. Онъ находитъ очень соблазнительнымъ, что нѣкоторые нѣмецкіе профессора, «просто отъ своего частнаго имени», осмѣлились пригласить своихъ коллегъ въ Германію на собесѣдованіе, не получивъ на это «внушенія, авторитета и миссіи со стороны церковной власти». Это, какъ онъ не хочетъ скрыть, повергло его въ немалое смущеніе, такъ какъ онъ опасается, что подобныя ученныя собранія мало-по-малу могутъ позволить себѣ дѣлать нападки на церковное правительство и на высшую, принадлежащую папѣ и епископамъ учительную должность; онъ далѣе опасается, что на собраніяхъ могутъ быть предлагаемы и принимаемы мнѣнія, противорѣчація чистотѣ католической вѣры, слѣдовательно, ереси, тѣмъ болѣе, что еще недавно передъ тѣмъ приходилось запрещать сочиненія нѣкоторыхъ нѣмецкихъ писателей. Въ Германіи и безъ того возникло ложное мнѣніе о старой школѣ и ученіи нѣкоторыхъ учителей, почитаемыхъ церковью мудрыми и святыми. «Этимъ ложнымъ мнѣніемъ наносится ущербъ авторитету церкви, насколько сама церковь не только допускаетъ, чтобы богословская наука выработывалась по методу и принципамъ этихъ учителей, санкціонированнымъ согласіемъ всѣхъ католическихъ школъ, но даже ихъ богословское ученіе очень часто

надѣяло высшими похвалами и въ то же время настойчиво рекомендовало, какъ сильнѣйшую твердыню вѣры и страшное оружіе противъ своихъ враговъ». На основаніи донесенія, что архіепископъ мюнхенскій уважилъ просьбу устроителей собранія, далъ на него разрѣшеніе и торжественно открывъ его, и предполагая, что разсужденія на немъ будутъ вестись согласно съ ученіемъ католической церкви, — па безъ замедленія преподавалъ сочленамъ собранія, на ихъ смиренную просьбу, свое благословеніе. Послѣ сего, онъ, «съ величайшею озабоченностью», ожидалъ болѣе подробнаго донесенія отъ высокопреподобнаго господина архіепископа. Получивъ это доношеніе, онъ выражаетъ надежду, что собраніе послужитъ къ пользѣ католической церкви въ Германіи, такъ какъ его члены признаютъ и исповѣдуютъ истину, которую истинно католическіе мужи постоянно содержали при разработкѣ и развитіи науки. Вместе съ тѣмъ онъ надѣется также, что они отвергнутъ ту ложную философію, которая, принимая божественное откровеніе, какъ историческій фактъ, его истины подвергаетъ изслѣдованію человѣческаго разума (на-мекъ на Фрошаммера). Посему, онъ хвалитъ этихъ лицъ, потому что они, какъ онъ думаетъ, отвергли это ложное различіе между философиями и философіей, и признаютъ и исповѣдуютъ, что въ своихъ ученыхъ работахъ они должны подчиняться догматическимъ постановленіямъ непогрѣшимой католической церкви. Но онъ хочетъ также быть убѣжденнымъ, что они эту подчиненность не ограничатъ только опредѣленными догматами, такъ какъ такое положеніе не только шло бы противъ опредѣленій всеобщихъ соборовъ или римскихъ папъ и апостольскаго престола, но также и противъ всего того, что преподается распространенной по всему кругу земному магистеріей всей церкви, какъ богооткровенная истина. Эти мужи, посему, должны также признать, что они обязаны подчиняться также и опредѣленіямъ, которыя даются въ отношеніи ученія папскими конгрегаціями, равно какъ и тѣмъ главамъ ученія, которыя содержатся всеобщимъ и постояннымъ согласіемъ католиковъ, какъ настолько твердымъ богословскимъ истинамъ и заключеніямъ, что противоположныя имъ ученія, — хотя они и не могутъ называться еретическими, — все-таки заслуживаютъ нѣкотораго богословскаго порицанія (цензуры). Посему, онъ не думаетъ, чтобы собраніе хотѣло противодѣйствовать недавно изложенной имъ доктринѣ

(противъ Фрошаммера). Въ этомъ упованіи онъ утверждается полученнымъ отъ архіепископа мюнхенскаго доношеніемъ, изъ котораго явствуетъ, что устроители собранія никогда не имѣли и въ мысли хотя бы малѣйшимъ образомъ подрывать церковный авторитетъ, но что они передъ закрытіемъ собранія выразятъ глубочайшую покорность ему, папѣ, и апостольскому престолу. Посему, онъ выражаетъ и дальнѣйшую надежду, что они въ то же время признаютъ, что не только должно постоянно слѣдовать содержимымъ церковью правиламъ, но и повиноваться всѣмъ декретамъ, которые исходятъ отъ его авторитета по вопросамъ ученія. Рѣшеніе касательно благовременности дальнѣйшихъ подобнаго рода собраній онъ, на основаніи мнѣнія нѣмецкихъ епископовъ, оставляетъ за собою. Но въ то же время онъ поручаетъ послѣднимъ величайшую бдительность за чистотой ученія, чтобы не распространялось ученіе тѣхъ лицъ, «которые безстыднымъ образомъ ложную свободу науки и не истинный только прогрессъ, но и заблужденіе, выдаютъ за прогрессъ». Пусть и архіепископъ съ одинаковою ревностью наблюдаетъ за тѣмъ, чтобы люди науки содержали въ высочайшей чести истинные и твердые успѣхи науки, какъ они дѣлаются въ католическихъ школахъ, и богословскія дисциплины разрабатывали по принципамъ и устойчивымъ доктринамъ, на которыхъ опирались мудрѣйшіе учителя, и этимъ заслужили безсмертіе своему имени, а церкви и наукѣ доставили величайшую пользу и блескъ».

Это папское посланіе, которое, очевидно, составлено было на основаніи двухъ источниковъ, — изъ донесеній нунція и архіепископа мюнхенскаго, — и не прикровенно высказывало большое недовѣріе къ нѣмецкимъ богословамъ, глубоко огорчило Деллингера. Однако, какъ онъ писалъ проф. Мою, онъ далеко былъ отъ того, чтобы что-либо предпринять противъ него. Мало того, надѣясь, что оно можетъ даже повернуться ко благу нѣмецкой католической школы, къ статьѣ, которую проф. Фридрихъ написалъ по поводу этого посланія для газетъ, онъ присоединилъ слова: «Впрочемъ недовѣріе къ нѣмецкому богословію, надъ возбужденіемъ подозрѣнія къ которому, очевидно, сильно работаютъ въ Римѣ, къ концу папскаго посланія все-таки смягчается и даже переходитъ въ нѣчто противоположное. Папа увѣщаваетъ, чтобы нѣмецкіе ученые съ высочайшимъ почтеніемъ относились къ тѣмъ истин-

нымъ и основательнымъ прогрессивнымъ успѣхамъ, которые дѣлаются въ католическихъ школахъ. Такъ какъ къ католическимъ школамъ, безъ всякаго сомнѣнія, принадлежать и школы, существующія въ Германіи, и такъ какъ далѣе всякому извѣстно, гдѣ находятся жизнь и прогрессъ, и гдѣ застой и омертвѣніе, то въ этихъ словахъ содержится и примирительное заключеніе. Кстати, по этому вопросу только что появились замѣчательныя письма проф. Флира. Въ этихъ письмахъ, дышащихъ строжайшимъ католическимъ настроеніемъ и безусловнымъ почтеніемъ и преданностью папѣ, превосходный знатокъ положенія римскихъ дѣлъ (на стр. 15) говоритъ: «О томъ, что въ Германіи называютъ наукой, въ Римѣ не имѣютъ никакого понятія. — Римъ долженъ освѣжить себя Германіей», и т. д. Деллингерь, впрочемъ, не имѣлъ времени обстоятельнѣе заняться этимъ дѣломъ, такъ какъ смерть баварскаго короля Максимилиана II дала ему массу другой работы.

Въ лицѣ Максимилиана II баварскаго сошелъ со сцены замѣчательный покровитель наукъ и искусствъ. Покойный король высоко цѣнилъ Деллингера, который обязанъ былъ его благоволенію и своимъ возвращеніемъ на профессорскую кафедру. Поэтому, какъ по требованію своего сердца, такъ и въ качествѣ виднѣйшаго профессора и члена академіи наукъ, ему выпало на долю произнести рѣчи въ память почившаго короля, что онъ и сдѣлалъ сначала въ придворной церкви св. Каэтана (15 марта), а затѣмъ и въ торжественномъ засѣданіи академіи наукъ. Въ этихъ рѣчахъ, воздавъ должное заслугамъ короля, какъ искренне вѣрующаго христіанина и покровителя наукъ, онъ не приминулъ коснуться и жгучихъ вопросовъ времени. Такъ, косвенно отвѣчая на ребяческіе нападки Курчи, онъ, между прочимъ, говорилъ: «Германія, есть сердце Европы и даже болѣе того. Можно даже сказать: весь міръ нуждается въ Германіи, равно какъ Германія нуждается во всемъ остальномъ мірѣ, потому что она есть духовный центръ, который или производитъ всѣ міродвижущія идеи, или по крайней мѣрѣ стягиваетъ къ себѣ, перерабатываетъ и опять испускаетъ ихъ; это — боевое поле, на которомъ происходятъ всѣ великія духовныя битвы. Нѣтъ еще на землѣ народа, который равнялся бы нѣмецкому во всесторонности, въ дарѣ преобразовывать чужое въ свое собственное, причемъ у него съ этою легкостью усвоенія сочетаются еще

упорная настойчивость въ спокойномъ многолѣтнемъ изслѣдованіи и творческая сила самобытнаго воспроизведенія. Конечно, и мы нѣмцы, какъ и всякій отдѣльный человекъ, имѣемъ также недостатки и пробѣлы въ добродѣтеляхъ, и ихъ часто легче замѣтить, чѣмъ послѣднія, но не нужно также упускать изъ вида, что въ большей степени, чѣмъ всякій другой народъ, нѣмцы въ новѣйшемъ мірѣ, подобно грекамъ въ древнемъ мірѣ, призваны къ служенію наукъ, и они доселѣ не опорочили этого призванія». Сказавъ затѣмъ о значеніи собственно Баваріи среди народовъ зап. Европы и указавъ на особенную склонность ея королей къ покровительству наукамъ и искусствамъ, онъ затѣмъ поставилъ вопросъ: что же такое научный духъ, который Максимилианъ II стремился пробуждать въ своемъ народѣ? «Научный духъ есть изящно выработанный, въ одно и то же время на чистотѣ воли и остротѣ ума покоящійся смыслъ къ постиженію истины; онъ есть техническая, долгимъ и тщательнымъ упражненіемъ пріобрѣтенная способность примѣнять надлежащія орудія, вѣрныя средства изслѣдованія и методы, чтобы въ природѣ или исторіи открывать сокрытую истину, приводить въ связь съ другими, уже извѣстными истинами, отрѣшиться ихъ отъ всякаго прикосновенія съ заблужденіемъ; онъ есть трудное искусство—по возможности адекватно объяснять и излагать явленія или факты съ полнѣйшимъ безпристрастіемъ, даже съ самоотреченіемъ, съ устраненіемъ предзанятыхъ мнѣній, системъ или желаній. Онъ есть, слѣдовательно, нѣчто божественное, чего мы никогда не можемъ вполне достигнуть, въ чемъ мы никогда не найдемъ полного удовлетворенія, ни въ себѣ, ни въ другихъ, къ чему мы можемъ лишь постепенно приближаться издалека». Тотъ, кого истинный духъ науки избралъ своимъ органомъ, въ которомъ онъ воплотился, будетъ «наконецъ открыто и безстрашно высказывать познанную истину, даже и не особенно пріятную истину, тамъ, гдѣ его убѣжденіе сложилось вполне и не омрачается больше никакой тѣнью сомнѣнія,—будетъ устраняться всякаго послабленія, всякаго сокрытія,—что все легко для математика, физика, но трудно, часто очень трудно во всѣхъ нравственныхыхъ областяхъ».

Объ эти рѣчи нашли себѣ повсюду самое сердечное одобреніе, даже возбудили восторгъ. Но, какъ видно изъ одного письма Деллингера, и онъ также обезпокоили нунціатуру:

«Какой дух господствуетъ въ нашей нунціатурѣ, — писалъ онъ къ проф. Шульте¹⁾, — можете понять изъ того, что даже и то, что я въ похоронной рѣчи о королѣ высказалъ касательно равенства, а во второй рѣчи о надеждахъ и желаніяхъ короля касательно будущаго церковнаго воссоединенія Германіи, вызвало большое неблаговоленіе».

Между тѣмъ во враждебныхъ Деллингеру кружкахъ дѣлались все новые шаги къ причиненію ему неприятностей и къ сокрушенію его «ученой гордыни». А это было тѣмъ печальнѣе, что Деллингеръ подумывалъ созвать второе собраніе ученыхъ богослововъ. Каково было наступленіе враждебной ему партіи, можно видѣть изъ того, что редакторъ «Аугсбургской Почтовой Газеты» Гуттлеръ сообщилъ (7 марта) Деллингеру, а также и проф. Фридриху, что нунцій, въ особомъ посланіи къ аугсбургскому епископу, требовалъ, чтобы эта газета перемѣнила свое благопріятное для нѣмецкихъ ученыхъ направленіе, если не хочетъ, чтобы оффиціально дано было вѣрующимъ предостереженіе не читать и не выписывать ее. Что это значило, это было ясно: нѣмецкихъ ученыхъ хотѣли поставить въ невозможность публично защищать свое дѣло. Тутъ ничего не могли сдѣлать даже такіе благомыслящіе епископы, какъ напр. Грейгъ, который отъ 22 марта писалъ: «Какъ сильно возбуждаетъ во мнѣ сожалѣніе манифестація св. престола о собраніи богослововъ; кардиналъ Антонелли сообщилъ мнѣ это посланіе съ приглашеніемъ сообщить мое мнѣніе по этому вопросу св. престолу. Я сдѣлаю это самымъ непринужденнымъ способомъ. Наши радикалы и протестанты радостно потираютъ себѣ руки по этому поводу. Старыя обвиненія найдутъ себѣ здѣсь подтвержденіе, собственныя силы (какъ я опасаюсь) будутъ надломлены, подѣлятся между собою и все это въ такое время, когда такъ необходимо единеніе силъ. Если Сорбонна въ теченіе

¹⁾ Шульте, профессоръ пражскаго, а затѣмъ боннскаго университета, ученый канонистъ, до Ватиканскаго декрета былъ однимъ изъ самыхъ видныхъ представителей строго католическаго направленія, а затѣмъ открыто перешелъ на сторону оппозиціи и сдѣлался однимъ изъ главныхъ вождей старокатолицизма, каноническимъ состоятъ и доселѣ. Ему принадлежатъ сочиненія: „Руководство къ катол. брачному праву“; „Система катол. каноническаго права“; „Источники катол. канон. права“; „Врачный процессъ“; „Учебникъ катол. канон. права“; „Старокатолицизмъ“ и многія статьи въ 8 изд. Энциклопедіи Герцога.

цѣлыхъ вѣковъ не обсуждала внутреннихъ и внѣшнихъ вопросовъ въ интересахъ католической церкви противъ ея противниковъ, потому что уже тогда областные соборы не были болѣе достаточнымъ и надлежащимъ средствомъ для этой цѣли, то почему бы союзъ католическихъ богослововъ въ Германіи не могъ занять подобнаго же положенія съ соблюденіемъ формъ предосторожности въ совѣщаніяхъ и признаніемъ, въ качествѣ окончательнаго приговора, авторитета церкви во всѣхъ постановленіяхъ? Эту форму, о чемъ я уже говорилъ вамъ и раньше, можно бы въ видѣ правила принять прежде всего, чтобы отнять жало у доноса и успокоить св. престолъ». Съ своей стороны, епископъ Динкель аугсбургскій полагалъ, что «было бы дѣломъ чести для нѣмецкихъ епископовъ, если бы они въ своихъ отчетахъ папѣ указали ему на значеніе подобнаго рода собраній для нѣмецкой церкви» (отъ 7 марта).

Деллингеръ ни на минуту не упускалъ изъ виду серьезности положенія и предостерегалъ другихъ, напр. проф. Михелиса, отъ иллюзій въ этомъ отношеніи. «Что мы не должны оставлять своего дѣла, въ пользѣ и благовременности котораго мы убѣждены, это настолько же мое мнѣніе, какъ и ваше. Но все дѣло заключается въ томъ, чтобы мы не поддавались никакимъ иллюзіямъ и прямо смотрѣли на положеніе вещей. Простите мнѣ, если я безъ увертокъ скажу вамъ, что вы, во всякомъ случаѣ, въ отношеніи Рима, по видимому, находитесь еще въ оптимистическомъ самообманѣ. Это доказывается вашею мыслью—предпринять путешествіе въ Римъ. Чего вы можете достигнуть тамъ? Въ самомъ благопріятномъ случаѣ лишь того, что тамъ лично о васъ составили бы хорошее мнѣніе, приняли бы во вниманіе ваши увѣренія о преданности, самопонятномъ послушаніи, и т. д. Напротивъ, все то, что вы стали бы говорить въ пользу насъ другихъ, вы говорили бы какъ бы на вѣтеръ. Тамъ не въ обычаѣ принимать во вниманіе никакихъ завѣреній въ подобныхъ вопросахъ. Повѣрятъ лишь въ томъ случаѣ, если вы докажете, что безусловно подчиняетесь: 1) всякому заявленію или рѣшенію римской конгрегаціи (индекса и инквизиціи); 2) consensus theologorum (конечно, схоластиковъ); 3) схоластикѣ, какъ единственно правоспособной формѣ науки. Если вы согласитесь со всѣмъ этимъ, то, конечно, этимъ самымъ принесете повинную и можете безпрепятственно возвратиться

домой». «Если бы нѣмецкіе епископы настойчиво высказались за наше доброе право и настаивали на томъ, чтобы никакого препятствія не полагалось для нашихъ собраній, то это отчасти принесло бы пользу, но глубокое недовѣріе къ намъ и къ нашей научной дѣятельности этимъ не будетъ уничтожено. Подумайте только, что вѣдь нѣмецкое мышленіе, исслѣдованіе и т. д. для тамошнихъ лицъ есть несоизмѣримая величина, слѣдовательно, нѣчто само по себѣ ужь очень сомнительное (это нѣсколько похоже на то, какъ было за 350 лѣтъ тому назадъ, когда во многихъ странахъ уже заподозрѣвали въ ереси тѣхъ, кто мало-мальски понималъ по-гречески или по-еврейски). Подумайте далѣе, что іезуитская школа въ Германіи постоянно разжигаетъ это недовѣріе. Кратко: мнѣ кажется, намъ остается, если будетъ запрещено публичное собраніе въ Вюрцбургѣ, устранивъ майнцевъ, вюрцбургцевъ и питомцевъ іезуитовъ, устроить собраніе изъ нашихъ единомышленниковъ. Недѣли двѣ тому назадъ побывавъ у епископа вюрцбургскаго, я спросилъ его, допустить ли онъ наше собраніе въ Вюрцбургѣ. Онъ отвѣтилъ положительно, но само собою разумѣется, что, въ случаѣ отрицательнаго намека со стороны Рима, онъ тотчасъ же откажется отъ своего слова. А если даже теперь намъ милостиво разрѣшатъ собраться, то что будетъ дальше? Можемъ ли мы дѣйствительно вступать въ разсужденія по вопросу о научной свободѣ и ея границахъ теперь, послѣ того, какъ намъ объявленъ *funiculus triplex* богословскаго *consensus*'а и схоластики, какъ отселѣ возложенное на насъ иго? Разсужденія, въ которыхъ приняли бы дѣятельное участіе майнцы и др.? Вы видите, я только спрашиваю, но, я думаю, это такіе вопросы, на которые мы должны дать себѣ ясно опредѣленный отвѣтъ, и я прежде всего жажду услышать вашъ отвѣтъ» (отъ 10 апр.). Онъ опасался между тѣмъ еще худшаго, что именно «первымъ или однимъ изъ первыхъ дѣлъ будетъ, порученіе составить адресъ папѣ, и этотъ адресъ будетъ тогда естественно формальнымъ выраженіемъ подчиненія поставленнымъ въ папскомъ посланіи требованіямъ — безусловно принимать всякія опредѣленія римской конгрегации и т. д. Этимъ самымъ въ то же время прежде всего обнаружится *itio in partis*, и едва ли можно будетъ избѣжать полного разрыва и разложенія» (къ Шульте отъ 1 мая).

Изъ всего этого было видно, что въ Римѣ порѣшили во что бы

то ни стало не допускать въ будущемъ никакихъ подобныхъ собраній ученыхъ въ родѣ того, которое состоялось подъ предсѣдательствомъ Деллингера въ Мюнхенѣ. Однако, чтобы прикрыть эту дѣль, нунціатурѣ предписано было обставить подобныя собранія, если уже вельзя было совсѣмъ не допускать ихъ, не вызывая протеста со стороны профессоровъ, такими стѣснительными условіями, которыя сдѣлали бы ихъ невозможными или заставили бы профессоровъ добровольно отказаться отъ подобныхъ собраній. И дѣйствительно, посланіемъ мюнхенскаго нунція отъ 5 іюля къ нѣмецкимъ и австрійскимъ епископамъ было объявлено епископамъ, что собранія ученыхъ могутъ составляться только подъ тѣмъ условіемъ, чтобы всѣ участники ихъ въ основу своихъ сужденій приняли содержащіяся въ папскомъ посланіи отъ 21 дек. 1763 г. правила, которыми требуется, чтобы опредѣлены были качества приглашаемыхъ, получено было согласіе епископа, въ діоцезѣ котораго предполагается собраніе, и сообщены ему имена всѣхъ приглашенныхъ, равно какъ и подлежащіе обсужденію предметы, изъ которыхъ онъ въ правѣ вычеркнуть всѣ, по его мнѣнію, неблаговременные, и наконецъ, чтобы протоколы собранія не опубликовывались раньше одобренія епископа. Въ заключеніе, все это должно быть послано въ Римъ для рѣшенія, съ надлежащимъ ли благопочтеніемъ приняты и исполнены представителями науки всѣ вѣлѣнія св. престола. Когда Деллингеръ услышалъ объ этомъ, а еп. Динкель сообщилъ ему и нѣкоторыя подробности, то онъ сразу увидѣлъ, что «эти кляузы и ограниченія совершенно измѣняютъ характеръ подобныхъ собраній и налагаютъ на нихъ отпечатокъ цензурированнаго и туго зашнурованнаго учрежденія». Подвергнувъ содержаніе этого посланія надлежащей критикѣ въ газетахъ, онъ затѣмъ писалъ Рейшу: «Этимъ во всякомъ случаѣ наше дѣло убито, потому что я едва ли могу представить себѣ, чтобы истый нѣмецкій ученый могъ издать приглашеніе на собраніе при такихъ условіяхъ, или чтобы изданное приглашеніе могло имѣть какой-нибудь успѣхъ. Такимъ образомъ, ничего не остается, какъ отказаться отъ этого дѣла. Но это, во всякомъ случаѣ худо; потому что дѣло это теперь подверглось низложенію, и если насъ съ вѣццерковной стороны будутъ упрекать въ безобразномъ раболѣпствѣ, то я не въ состояніи буду съ своей стороны ничего отвѣчать на это... Со стороны нунціатуры, однако, очень желаютъ и даже

стараются о томъ, чтобы все-таки эту весною въ Вюрцбургѣ состоялось *simulacrum* собранія ученыхъ, — конечно, при поставленныхъ теперь условіяхъ и съ наложенными теперь на нѣмецкихъ ученыхъ кандалами на рукахъ и на ногахъ. Майнцы и вюрцбургцы, конечно, согласятся на это, и такимъ образомъ очень вѣроятно, что тамъ, съ помощью питомцевъ іезуитовъ, состоится комедія собранія, хотя бы и съ малымъ персоналомъ» (отъ 7 авг.).

Такъ дѣйствительно и случилось. Мюнхенскіе члены назначеннаго въ предшествующемъ году комитета, Деллингерь и Ганебергъ, заявили, что на такомъ ученomъ собраніи они не могутъ участвовать, что майнцы немедленно объявили «прямо упорнымъ противодѣйствіемъ св. престолу». Они вмѣстѣ съ вюрцбургцами, поэтому, тѣмъ ревностнѣе стали стараться о томъ, чтобы во что бы то ни стало устроить, одновременно съ имѣвшимъ состояться въ Вюрцбургѣ общимъ собраніемъ католическихъ союзовъ, нѣкое *simulacrum* собранія ученыхъ и немедленно составили адресъ папѣ, въ которомъ, какъ предвидѣлъ Деллингерь, не только благодарили Пія IX за его попеченіе о преуспѣяніи богословія, но обѣщали и впредь съ сыновнею почтительностью слѣдовать всѣмъ его указаніямъ и велѣніямъ, за что въ отвѣтъ получили щедрое благословеніе отъ св. отца.

Все это показало, что великая идея Деллингера о періодическихъ собраніяхъ ученыхъ богослововъ для обсужденія важнѣйшихъ вопросовъ богословской науки потерпѣла полное крушеніе или извращена была въ жалкое подобіе ей. Но что было дѣлать противъ непреодолимой силы? Съ тяжелымъ духомъ великій ученый богословъ вновь погрузился въ свои кабинетныя, далекія отъ мірской борьбы учено-литературныя занятія, ожидая наступленія болѣе благоприятнаго времени, чтобы вновь вступить за права попираемой іезуитами науки.

А. Л—нъ.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия — высшее учебное заведение Русской Православной Церкви, готовящее священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений, специалистов в области богословских и церковных наук. Учебные подразделения: академия, семинария, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта — ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта — проректор по научно-богословской работе священник Димитрий Юревич. Материалы журнала готовятся в формате pdf, распространяются на DVD-дисках и размещаются на академическом интернет-сайте.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки

Санкт-Петербургская
православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

А.П. Лопухин

**Игнатий Дёллингер
в его борьбе за церковную правду
(с 1861-1900 гг.)**

*Опубликовано:
Христианское чтение. 1902. № 11. С. 665-694.*

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия
(www.spbda.ru), 2009. Материал распространяется на основе
некоммерческой лицензии [Creative Commons 3.0](https://creativecommons.org/licenses/by/3.0/) с указанием
авторства без возможности изменений.

СПбПДА
Санкт-Петербург
2009

ИГНАТІЙ ДЁЛЛИНГЕРЪ

ВЪ ЕГО БОРЬБѢ ЗА ЦЕРКОВНУЮ ПРАВДУ

(съ 1861 — 1890 гг.)

№ 1).

Новыя разочарованія и огорченія.—Крупныя литературныя планы и упадокъ духа.—Новыя нападки со стороны іезуитовъ.—Разладъ среди факультета.—Дѣло Пихлера какъ причина этого разлада.—Семинарскій вопросъ.—Семинарія или университетъ?—Рѣзкая критика Силлабуса.—Дальнѣшнія заподозриванія Деллингера въ Германіи.—Отголоски этихъ подозрѣній въ Англіи и походъ тамъ противъ „Деллингеровой школы“ Деллингеръ и Пювей.—Виды на будущее.

УТОБЫ нѣсколько успокоиться и отдохнуть душой отъ пережитыхъ тревоженій, Деллингеръ къ концу августа того же года съѣздилъ въ Вѣну, куда сопровождалъ его лордъ Актонъ, тоже находившійся въ удрученномъ состояніи, такъ какъ подъ давленіемъ враждебно настроенныхъ къ нему епископовъ Маннинга, Ворда и другихъ долженъ былъ даже прекратить на время свой журналъ «Отечеств. и Иностр. Обзорѣніе». Въстѣ съ отдыхомъ онъ хотѣлъ воспользоваться этимъ путешествіемъ и для собранія нѣкоторыхъ церковно-историческихъ матеріаловъ для подготовлявшихся имъ новыхъ трудовъ. Къ несчастью, это путешествіе въ значительной степени было омрачено для него съ

¹⁾ См. октябрьскую книжку „Христіанскаго Чтенія“.

одной стороны печальнымъ извѣстіемъ, что его бывшіе друзья проф. Филиппъ и Мей примкнули въ Вюрцбургъ къ ученикамъ іезуитовъ, а съ другой—неожиданною смертью его молодого друга и сотрудника, высокодородитаго, проницательнаго и чрезвычайно остроумнаго Дейтингера, сконч. 6 сент., 49 лѣтъ отъ роду ¹⁾). Для Деллингера это была тѣмъ болѣе чувствительная утрата, что именно въ это время онъ болѣе, чѣмъ когда-либо чувствовалъ недостатокъ въ друзьяхъ. Къ счастью для него, острота этой скорби отчасти смягчилась тѣмъ, что онъ вновь занялся своими историческими работами. Въ это именно время онъ особенно занялся вопросомъ объ изданіи «всеобщей вѣмепкой біографіи», планъ котораго онъ предполагалъ расширить настолько, чтобы въ эту «біографію» вошли жизнеописанія знаменитостей не только собственно Баваріи, но и всей Германіи. Къ сожалѣнію, исполненію этого предпріятія, въ которомъ ему выражалъ горячее сочувствіе даже знаменитый протестантскій историкъ Ранке, опять помѣшали ему надвигавшіяся на него со всѣхъ сторонъ бури. Нападенія на него сдѣлались столь жестокими и заподозрѣванія столь многочисленными, какъ это видно изъ его письма къ фрейлинь Мюнихъ, почитательницѣ Дейтингера, что они совершенно измучили его и вновь привели въ уныніе. «Вы» прямо и чрезъ посредство другихъ выражали мнѣ, писалъ онъ ей, желаніе, чтобы я написалъ для «Всеобщей Газеты» некрологъ о нашемъ преждевременно скончавшемся другѣ. Хотя теперь появилось уже три или четыре некролога о Дейтингерѣ (а вскорѣ появится еще одинъ въ «Вѣнскомъ богословскомъ журналѣ»), но я все-таки охотно послѣдовалъ бы вашему желанію и написалъ бы еще пятый некрологъ, чтобы засвидѣтельствовать о дружбѣ и глубокомъ почтеніи, даже восторженномъ удивленіи, которыми я проникнутъ въ отношеніи къ нему. Объ этомъ я передумывалъ въ теченіе цѣлыхъ недѣль, и если теперь пришелъ къ мысли, что лучше оставить это, то вы, надѣюсь, не найдете исполнѣ

¹⁾ Проф. М. Дейтингеръ (Deutenger), какъ уже было замѣчено выше, ученикъ Шеллинга и Баадера, былъ въ сущности благочестивый, набожный католикъ; но за то, что онъ въ своей «Нравственной философіи» прямо высказывался противъ принциповъ іезуитской морали, а въ своихъ «Grundlinien der posit. Philosophie» шелъ противъ схоластицизма, іезуиты повели противъ него ожесточенную полемику и добились того, что онъ вынужденъ былъ выйти въ отставку въ 1852 г.

несостоятельными тѣ основапія, которыя привели меня къ рѣшенію молчать. Вы, безъ сомнѣнія, сами знаете изъ заявленій нашего общаго друга или, быть можетъ, и изъ другихъ источниковъ, что я уже въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, а особенно со времени здѣшняго собранія ученыхъ, сдѣлался предметомъ ярыхъ нападокъ, постоянныхъ заподозрѣваній. Мнѣ, кажется, теперь нельзя уже болѣе ничего печатать, такъ какъ сейчасъ же все будетъ перетолковано и объяснено въ самомъ худшемъ смыслѣ. На меня жаловались даже въ Римѣ: Ганебергъ и другіе, недавно возвратившіеся изъ Рима, могли бы много поразсказать о томъ, что тамъ разглагольствуютъ обо мнѣ, и какой худой славой пользуюсь я тамъ. Многіе изъ благорасположенныхъ ко мнѣ друзей совѣтовали мнѣ, чтобы я въ теченіе нѣкотораго времени держался въ сторонѣ и не выступалъ передъ публикой, пока нѣсколько не охладится возбужденіе и враждебное ко мнѣ настроеніе. Я нахожу, что они правы, и на меня не замедлили бы вновь напасть, подвергнуть доносамъ и очернить, если бы я теперь написалъ подобный некрологъ, который, даже если бы онъ появился анонимно, немедленно признали бы моимъ произведеніемъ. Въ то же время обсужденіе заслугъ Дейтингера, которое теперь какъ разъ соотвѣтствовало бы интересамъ времени, причемъ мнѣ по необходимости пришлось бы упомянуть о вещахъ, которыя мнѣ именно и ставить въ укоръ, — такое обсужденіе, несомнѣнно, опять раздуло бы противъ меня яркое пламя гнѣва и ярости, и даже могло бы случиться, что извѣстный многочисленный классъ лицъ, тѣхъ самыхъ, которыя, какъ вамъ извѣстно, враждовали и заподозрѣвали и нашего покойнаго друга, и которыя съ нѣкотораго времени сдѣлались еще сильнѣе, вообразилъ бы, что они затронуты здѣсь. Эти люди были въ состояніи устранить нашего друга отъ его любимой дѣятельности и сдѣлать напрасными всѣ мои старанія о его восстановленіи въ преподавательской должности. Они будутъ имѣть достаточно силы и для того, чтобы отравить, по крайней мѣрѣ, послѣдніе годы моей жизни и подготовить мнѣ всевозможныя огорченія и обиды. Вы понимаете, почему я предпочитаю на нѣкоторое время держаться въ сторонѣ и не подливать еще масла въ огонь ненависти. Если вы сдѣлаете мнѣ упрекъ, что у меня не хватаетъ надлежащаго мужества, то противъ этого я не могу защищать себя, а могу только сказать: подумайте, что

уже насталъ вечеръ моей жизни, а съ нимъ и вечернее настроеніе: что мнѣ дорога и священна память нашего друга; что тѣ, которыхъ онъ удостоивалъ при жизни своей дружбы и благорасположенія, уже поэтому въ моихъ глазахъ имѣютъ двойную цѣну, въ чемъ вы конечно согласитесь со мной» (отъ 19 октября 1864 г.).

Очевидно, Деллингерь находился въ весьма угнетенномъ настроеніи, которое, къ сожалѣнію, нисколько не соответствовало обстоятельствамъ времени. Кто перестаетъ быть молотомъ, тотъ становится наковальней. Правда, проф. Янсень ¹⁾ писалъ ему, по своемъ возвращеніи въ Римъ: «Въ Римѣ, какъ и можно было предполагать, все-таки васъ очень любятъ, и вы остаетесь тамъ *primus doctor Germaniae* (отъ 27 ноября). А Мермиллодь, ѣздившій въ Римъ для полученія посвященія, рассказывалъ, будто, самъ папа сказалъ ему, что «Деллингера онъ очень уважаетъ, и возникшія недоразумѣнія исчезли бы сами собою, если бы онъ посѣтилъ его въ Римѣ, чего тогда ожидали съ радостью. Въ виду невѣжества французовъ, папа высоко цѣнить его, какъ перваго знатока исторіи церкви, хотя-де у него и нѣтъ добрыхъ преданій итальянскихъ школъ богословія. Онъ самъ охотно предложилъ бы ему работу, которая послужила бы ко благу церкви» (Актонъ, отъ 4 дек.). Но что пользы было во всемъ этомъ, когда противъ него завѣдомо шель столь вліятельный въ Римѣ кардиналъ Рейзахъ, «этотъ вожакъ іезуитской партіи, величайшій противникъ нѣмецкаго богословія, университетовъ и богословскихъ факультетовъ», какъ характеризовалъ его Деллингеру Ганебергъ въ 1869 г., по своемъ возвращеніи изъ Рима, и о которомъ кардиналъ Андреа рассказывалъ Актону: «У Деллингера имѣется въ Римѣ одинъ очень злой врагъ, и это именно Рейзахъ. Когда онъ, Андреа, упомянулъ о Деллингерѣ въ одной конгрегаціи, какъ о величайшемъ изъ католическихъ богослововъ, то Рейзахъ вскипѣлъ отъ ярости и заявилъ, чтобы кардиналъ не смѣлъ напоминать ему объ имени Деллингера» (отъ 5 февр. 1865 г.). А рука-объ-руку съ Рейзахомъ шли іезуиты, которымъ было невыносимо, что Деллингеру приписывали столь высокое научное положеніе. Нужно было во что бы то ни стало уничтожить это мнѣніе. И вотъ

¹⁾ Авторъ надѣлавшій въ свое время много шуму «Исторіи Реформаціи».

іезуиты и ихъ ученики подняли ожесточенный походъ противъ его «Папскихъ басень», чтобы не только заподозрѣть его въ неправовѣріи, но и выставить къ позорному столбу, какъ человѣка, неспособнаго и невѣжественнаго въ наукѣ. Вскорѣ послѣ извѣстной выходки патера Курчи касательно собранія ученыхъ, въ «*Civiltà Cattolica*» появилась переведенная и на нѣмецкій языкъ изданная въ Майнцѣ статья противъ его изысканій о дарѣ Константина, въ которыхъ-де содержалось столь тяжкое и позорное обвиненіе противъ римской церкви, что нельзя было пройти ихъ молчаніемъ. Опровергнуть-де эти измышленія было тѣмъ легче, что по мѣстамъ у Деллингера не оказывалось-де «той твердости въ сужденіяхъ и того критическаго такта, безъ которыхъ ученость мало полезна къ выясненію историческихъ вопросовъ, особенно въ такой темной области. Поэтому-де, всѣ его предположенія, въ дѣйствительности совершенно не вѣрны и находятся въ противорѣчій съ исторической истиной». Аргументація Деллингера сводится-де къ тому, что «папа, на котораго должно пасть наибольшее подозрѣніе (въ подлогѣ), именно есть почитаемый церковью за святого Павель I». Мы предоставляемъ Деллингеру уничтожить то пятно, которое онъ, очевидно помимо собственнаго желанія, или даже самъ не замѣчая того, наложилъ на чело одного изъ знаменитѣйшихъ и чистѣйшихъ папъ, какіе только были въ церкви». Совершенно ложно-де также и то, что подлогъ этотъ возникъ въ Римѣ; онъ могъ быть измышленъ только во Франціи, незадолго до Лже-Исидора. Въ сентябрѣ послѣдовала другая статья противъ «Папскихъ басень» подъ заглавіемъ; «Гонорій I»; причемъ почти одновременно съ этой статьей появилось и «Исслѣдованія къ вопросу о Гоноріѣ» нѣмецкаго іезуита Шнеемапа, а нѣсколько позже и книга ученика іезуитовъ Рейнердинга: «Къ вопросу о Гоноріѣ и Либеріѣ» (1865 и слѣд.). Съ какою неотступностью въ это время слѣдили за самимъ Деллингеромъ, видно изъ того, что когда въ мюнхенскомъ «Историческомъ Ежегодникѣ» ¹⁾ появилось блестящее изслѣдованіе Деллингера о «Царствованіи Карла Великаго» ²⁾ немедленно же въ журналахъ появилось три отзыва, всѣ направленные противъ Деллингера. Вообще въ это время по-

¹⁾ Das historische Jahrbuch 1865.

²⁾ Das Kaiserthum Karls des Grossen.

лемика между противоположными направленіями разгорѣлась до необычайной степени, причѣмъ то и дѣло появлялись брошюры за и противъ Деллингера. Понятно, что это крайне волновало его, и у него по временамъ являлось желаніе ввязаться въ эту полемику, чтобы, какъ онъ однажды выразился проф. Фридриху, «исколотить этотъ сбродъ» ¹⁾. Но онъ отказался отъ этой мысли, и порѣшилъ составить планъ для написанія «Исторіи церкви новѣйшаго времени» (приблизительно отъ XIII вѣка или 1500 года), чтобы представить въ ней ходъ дѣлъ до настоящаго времени и тѣмъ самымъ косвенно оправдать занятое имъ положеніе. Между тѣмъ это молчаніе было крупной тактической ошибкой, — не въ томъ смыслѣ, чтобы эти нападки подрывали научность его историческихъ работъ: въ этомъ отношеніи онъ былъ слишкомъ недосыгаемъ для іезуитовъ-полемистовъ, и его произведенія, въ то время какъ на іезуитскія сочиненія не обращаетъ болѣе вниманія ни одинъ научно-образованный человѣкъ, все еще сохраняютъ свою цѣнность въ исторической наукѣ; но потому, что въ церковныхъ кружкахъ онъ могъ производить впечатлѣніе побитага. Въдѣ у этихъ кружковъ имѣется совершенно особый масштабъ, чѣмъ въ ученomъ мѣрѣ: кто молчитъ, тотъ-де сознается, что онъ не можетъ отвѣчать и «научно уничтожень». Въ крайнихъ случаяхъ Деллингеръ, по временамъ, давалъ частныя объясненія, съ цѣлью выяснитъ свое положеніе. Но, конечно, изъ этого было весьма мало пользы, какъ это видно изъ письма одного близкаго къ шпейерскому епископу лица: «Изъ того довѣрія, которымъ вы при послѣднемъ моемъ посѣщеніи почтили меня, я по мѣрѣ силъ стараюсь дѣлать употребленіе, но результаты моихъ стараній оказываются ниже желанія моей признательности. Многіе упорно стараются видѣть въ «Одеонскихъ лекціяхъ» и «Папскихъ басняхъ» непочтительность къ св. престолу. Если бы вы предприняли что-нибудь противъ этихъ нападокъ, то не всегда пришлось бы пѣмымъ выслушивать подобные укоры» (отъ 15 іюля 1865 г.). А какихъ только укоровъ не дѣлалось ему! Еще можно было счесть за благодушіе, когда епископъ Денкель аугсбургскій, сознательно или несознательно вторя іезуитамъ и ихъ ученикамъ, однажды сказалъ проф. Фридриху: «Дел-

¹⁾ „Mit einem solchen Gesindel herumzuschlagen“, какъ еще сильнѣе звучитъ эта фраза въ подлинникѣ.

лингеръ вѣдь только историкъ, а не богословъ», — каковую фразу часто можно было слышать потомъ и отъ другихъ. Но вскорѣ дѣло приняло еще худшій оборотъ, и однажды прибывшій въ Мюнхенъ на засѣданіе парламента архіепископъ Дейнлейнъ бамбергскій озадачилъ того же проф. Фридриха вопросомъ: «Не замѣтили ли вы въ Деллингерѣ чего-нибудь протестанствующаго? Многіе приписываютъ ему протестантскія воззрѣнія. Вѣрить ли онъ въ пресуществленіе»? Хотя профессору и удалось успокоить архіепископа ссылкой на его частыя встрѣчи съ Деллингеромъ и на его «Чтеніе о символизмѣ», въ которомъ онъ подробно говоритъ о пресуществленіи, однако въ кружкахъ, изъ которыхъ архіепископъ почерпнулъ свои сомнѣнія, подозрѣніе продолжало существовать и развиваться.

Однимъ изъ самыхъ тяжелыхъ подозрѣній, съ какими епископы, напр. епископъ пассаускій, выступали противъ Деллингера, было то, что Деллингеръ — *франкмасонъ*, а вѣдь въ глазахъ римскихъ католиковъ нѣтъ еще болѣе тяжкаго обвиненія. Іезуиты въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ почти въ каждомъ выпускѣ своей *Civiltà Cattolica* печатали длинныя статьи о масонахъ, въ которыхъ они всѣ бѣдствія, постигающіе римскую церковь приписывали злобѣ масоновъ; и такъ какъ «добрая» печать не уставала повторять это, то наконецъ, мало-помалу, стали вѣрить этому и въ болѣе широкихъ кругахъ. Деллингеръ, конечно, смѣялся надъ этимъ и, шутя, однажды разказалъ своимъ гостямъ: «Посмотрите вотъ на эту скатерть. Ею же былъ накрытъ этотъ столъ, когда у меня собралось нѣсколько высокихъ духовныхъ лицъ. Одно изъ нихъ признало, что въ скатерть вотканы масонскіе знаки, и затѣмъ стало распространять, что я навѣрно масонъ. И дѣйствительно, скатерть эта составляла принадлежность одной логи; но мой отецъ добылъ ее еще въ Бамбергѣ, когда находившаяся тамъ ложа раззорилась и ея имущество продавалось съ аукціона». Дѣло, однако, было гораздо серьезнѣе, чѣмъ думалъ Деллингеръ, и ниже будетъ показано, какъ этой жалкой клеветой беззастѣнчиво пользовались противъ него, какъ оружіемъ во время ватиканскаго собора іезуиты и ихъ приверженцы.

Всѣ эти интриги и клеветы имѣли своимъ результатомъ то, что среди епископовъ поднялись жалобы на упадокъ богословія въ Мюнхенѣ, гдѣ, по ихъ мнѣнію, вмѣсто настоящаго

богословія преподается какое-то сомнительное, отзывающееся масонством; а другіе епископы, какъ ученикъ іезуитовъ Сенестрей регенсбургскій, а вскорѣ и архіепископъ Мельхерсъ кельнскій, пошли еще дальше и запретили своимъ студентамъ богословія посѣщать лекціи богословскаго факультета, вслѣдствіе чего, конечно, число слушателей Деллингера стало сильно падать, и аудиторія пустѣть. Къ несчастью, и среди самихъ профессоровъ факультета начались нелады. Въ это время вообще въ Мюнхенѣ высказывалось большое недовольство проповѣдничествомъ. Деллингеръ, съ цѣлью улучшенія проповѣдничества, задумалъ намѣсто освободившейся каедры церковнаго права учредить каедру гомилетики, и предложилъ на нее своего друга Дейтингера, бывшаго въ то время университетскимъ проповѣдникомъ. Но факультетъ не оказалъ ему поддержки, и Деллингеръ былъ такъ огорченъ этимъ, что долго не могъ успокоиться, и всячески старался поправить дѣло. Не удался ему также и еще другой планъ. Видя, что положеніе Деллингера становится все болѣе и болѣе тяжелымъ, нѣкоторые друзья предложили ему основать собственный литературный органъ, которымъ бы онъ могъ свободно пользоваться для самозащиты отъ своихъ противниковъ. Эту мысль Деллингеръ уже хотѣлъ осуществить осенью 1864 г., но, не располагая достаточными для того средствами, хотѣлъ было привлечь къ участію въ журналѣ и весь факультетъ. Хотя дѣло долго не клеилось, однако, наконецъ удалось было провести его, причемъ Деллингеръ уже сдѣлалъ приглашеніе нѣкоторымъ лицамъ къ сотрудничеству. Вдругъ деканъ факультета Рейтмайеръ снялъ дѣло съ очереди вслѣдствіе, якобы, «обнаружившагося разлада», не извѣстивъ объ этомъ Деллингера ни устно, ни письменно. Понятно, что Деллингеръ горько жаловался на Рейтмайера, заявляя, что «последній относится къ нему съ крайнимъ недружелюбіемъ, такъ что у него уже явилась мысль, что Рейтмайеръ не прочь добиться его выхода въ отставку. Рейтмайеръ, конечно, опровергалъ это обвиненіе и, съ своей стороны упрекалъ Деллингера въ неколлегиальности. Понятно, что при такихъ отношеніяхъ дѣло объ изданіи журнала не могло состояться, и въ факультетѣ долго не возстановлялось согласія, а когда Деллингеръ однажды и дѣйствительно съ горечью заявилъ, что подумываетъ оставить профессуру и посвятить себя литературнымъ работамъ, то Рейтмайеръ даже

повидимому обрадовался этому и прямо высказывался предъ профессорами, и между прочимъ предъ проф. Фридрихомъ, что «если бы онъ сдѣлалъ такъ, то это послужило бы лишь ко благу факультета».

Эти печальные нелады еще болѣе усилились вслѣдствіе странныхъ поступковъ пользовавшагося покровительствомъ Деллингера приватъ-доцента Пихлера. Этотъ весьма даровитый и отличавшійся неутомимымъ трудолюбіемъ молодой ученый, былъ въ тоже время крайне безтактенъ въ своемъ поведеніи, беззащѣчивъ въ выборѣ средствъ къ достиженію своихъ цѣлей, и постоянно злоупотреблялъ именемъ Деллингера, слишкомъ поздно понявшаго натуру этого человѣка. Между прочимъ онъ увѣрялъ всѣхъ и cadaго, что все, что онъ отдавалъ въ печать, будто бы предварительно прочитывалъ и одобрялъ Деллингеръ, хотя ничего подобнаго въ дѣйствительности не было. Но въ то же время всѣ свои упущенія по службѣ въ университетѣ и церкви безсовѣстно сваливалъ на Деллингера, будто онъ задерживалъ его, наваливая на него разныя порученія. Когда что-либо изъ этого доходило до слуха Деллингера, то Пихлеръ обыкновенно умѣлъ представить ему дѣло въ благовидномъ свѣтѣ, умильно просилъ его «съ воздѣтыми руками, отъ глубины своего сердца, принять въ немъ участіе», и «съ полною надежды увѣренностью и дѣтскимъ довѣріемъ цѣловалъ ему руку». И, дѣйствительно, Деллингеръ многое прощалъ ему, и въ уваженіе къ его таланту и прилежанію бралъ его подъ свою защиту. Когда, напр проф. Видеманнъ въ Вѣнѣ разсказалъ ему въ 1864 г., что Пихлеръ «подъ именемъ гофрата и сочлена академіи наукъ Гиллера помѣстилъ въ «Богословскомъ Литературномъ Листкѣ» рецензію на свою собственную «Исторію Протестантизма въ Восточной Церкви», и тотъ же маневръ пытался продѣлать съ первымъ томомъ своей «Исторіи раздѣленія Церквей», то Деллингеръ сказалъ: «У г-на Пихлера многое можно извинять по его юношескому увлеченію», и просилъ Видеманна не распространять слуха объ этомъ дальше. Въ началѣ зимняго семестра 1864—1865 гг., факультетъ, или собственно Рейтмайеръ, какъ деканъ, не безъ соглашенія съ епархіальною властью, нашелъ себя вынужденнымъ запретить Пихлеру чтеніе лекцій, вслѣдствіе, какъ сознается онъ самъ, «непристойной полемики передъ учениками, а также и въ виду перваго тома его «Исторіи раздѣленія Церквей». А когда послѣдняя

была занесена въ «Индексъ запрещенныхъ книгъ», то Пихлеръ не преминулъ втянуть въ возникшія по этому поводу пререканія съ мюнхенскою епархіальною властью также и Деллингера. Между тѣмъ отношенія Деллингера къ архіепископу и епархіальной власти были тогда уже и безъ того далеко не гладкими. Уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ онъ навлекъ на себя немилость своей попыткой отмѣнить надгробныя рѣчи, на которыя слышалось много жалобъ, и даже шутокъ и насмѣшекъ. Но тутъ онъ наткнулся, на денежный пупъ, такъ какъ эти рѣчи обыкновенно были крупнымъ источникомъ дохода «ораторовъ», а когда еще указалъ на нѣкоторыя нестроенія собственно въ діоцезномъ управленіи, то раздраженіе противъ него еще болѣе усилилось, и на него стали смотрѣть, какъ на опаснаго вождя, такъ наз. «младо-мюнхенской школы» возбуждавшей недоувѣріе и подозрѣніе своими «новшествами¹⁾». Это недо-

¹⁾ Весьма характерное сообщеніе о тѣхъ отношеніяхъ, которыя существовали между іерархіей и профессорами богословскаго факультета въ Мюнхенѣ, дѣлаетъ проф. Фридрихъ. Мѣстный архіепископъ, при министрѣ Цвелѣ, на основаніи простой молвы и недоувѣрія, не выслушавъ его предварительно, отклонилъ его назначеніе въ званіе экстраординарнаго профессора. Только уже со вступленіемъ въ министерство энергичнаго министра Коха, соборный капитулярій Рампъ долженъ былъ выслушать объясненіе обойденнаго кандидата «Преступленіе, которое я», говоритъ проф. Фридрихъ, «совершилъ въ глазахъ архіепископа, состояло въ томъ, что въ своей докторской диссертациі «Іоаннъ Бессель» и изобразилъ положеніе цѣрковныхъ дѣлъ въ XV вѣкѣ, какъ оно представлялось современными источниками, а также и подписанными инициалами I. F. статьями въ «Аугсбургской Всеобщей Газетѣ». Между нами произошло слѣдующее объясненіе. Я: «На самомъ дѣлѣ я не понимаю, что мнѣ дѣлать съ моимъ «Бесселемъ»: другіе, и даже многіе епископы горячо привѣтствовали меня, и не находили въ немъ ничего не-церковнаго»,—причемъ я, предчувствуя, въ чемъ собственно дѣло, вынулъ изъ кармана нѣсколько писемъ.—Рампъ: «Вы не должны принимать это слишкомъ тяжело; господня архіепископъ не читалъ вашего «Бесселя».—Я: «Какъ же онъ можетъ находить что либо претящее ему тамъ»?—Рампъ: «Вѣроятно, кое-кто изъ священниковъ читали его или слышали что-нибудь о немъ, и сообщали г-ну архіепископу».—Я: «Теперь я принадлежу къ діоцезному духовенству Мюнхена, и желалъ бы, чтобы ко мнѣ относились, какъ къ таковому. Если епархіальное управленіе, а также и самъ г-нъ архіепископъ, имѣетъ что-либо противъ меня, то я желаю, чтобы меня сначала выслушали, прежде чѣмъ произносить приговоръ надо мною».—Рампъ: «Да и статьи, которыя вы написали во «Всеобщей Газетѣ», возбуждали неудовольствіе».—Я: «Я написалъ статьи во «Всеобщей Газетѣ»? Я никогда не писалъ ни одной строки въ ней!»—Рампъ: «Но ваши статьи носятъ инициалы вашего

вѣрїе къ Деллингеру лежитъ и въ основѣ Пихлеровскаго дѣла, такъ какъ при нѣкоторомъ довѣрїи и дружелюбїи легко было бы устранить всякія въ этомъ отношенїи недоразумѣнія. Деллингеръ, и самъ находившій въ книгѣ Пихлера нѣчто неудобопріемлемое, хотѣлъ все-таки избѣжать всякихъ споровъ изъ за этого, и послѣ того, какъ въ газетахъ былъ напечатанъ приговоръ о ней конгрегаціи индекса, продиктовалъ Пихлеру (который, именно по предложенію Деллингера, назначенъ былъ викаріемъ при церкви св. Казтана, хотя и не получилъ еще церковнаго рукоположенія), формулу подчиненія, которая уже на другой день была отослана къ архіепископу и гласила такъ: «Изъ оффиціаль-ныхъ газетъ я только-что узналъ, что первый томъ моей «Исторїи раздѣленія Церквей» занесенъ въ римскій индексъ. Такъ какъ, насколько мнѣ извѣстно, по господствующему обычаю въ такихъ случаяхъ требуется отъ автора порицаемой книги выраженіе покорности, то спѣшу, дабы такою готовностью устранить всякое сомнѣніе въ моемъ послушанїи, представить вашему высокопреосвященству объясненіе, что я

имени I. F.).—Я: «Это совершенно неосновательное предположеніе. Фрошаммеръ имѣетъ подобныя же инициалы, какъ и я, и ему то именно и принадлежатъ эти статьи. Если бы г-нъ архіепископъ или епархіальная власть сочли достойнымъ труда выслушать меня по этому дѣлу, то такое подозрѣніе противъ меня было бы невозможно. Поэтому, я долженъ повторить свое требованіе, чтобы епархіальная власть въ будущемъ сначала выслушивала меня, прежде чѣмъ бросать на меня подозрѣніе или даже осуждать».—*Рампфъ*: «Не думайте, чтобы тутъ было что-нибудь злое...; г-нъ архіепископъ хотѣлъ только обезпечать себя въ томъ, чтобы при епископской конференціи кто-нибудь изъ епископовъ не сдѣлалъ ему укорозъ въ томъ, что онъ не воспрятствовалъ вашему назначенію». — Я: «Какой же епископъ могъ бы дѣлать ему укорозъ!» — *Рампфъ*: «Ну, напр. архіепископъ бамбергскій». — Я: «Какъ? Бамбергскій архіепископъ! Я могу доказать вамъ, на основанїи одного его письма, что доселѣ препятствовалъ моему назначенію только г-нъ архіепископъ мюнхенскій». — *Рампфъ*: «Это ошибка». Но я вынулъ письмо бамбергскаго архіепископа и показалъ Рампфу подчеркнутое имъ самимъ мѣсто, гдѣ прямо и неприкрасно высказывалось это. Тогда Рампфъ поспѣшилъ съ успокоивающими словами отпустить меня... Но, уже будучи на порогѣ, я сказалъ ему: «Такимъ образомъ, г-нъ соборный капитуларій, еще разъ прошу васъ сообщить г-ну архіепископу и епархіальной власти, что въ будущемъ я требую, чтобы сначала выслушали меня, прежде чѣмъ произносить надо мною приговоръ». *Рампфъ*: «Такъ и будетъ». Послѣ этого я назначенъ былъ экстраординарнымъ профессоромъ».

искренно и всецѣло подчиняюсь сдѣланному касательно моей книги распоряженію и содержащемуся въ этомъ мѣропріятіи приговору. Къ сему присоединяю дальнѣйшее объясненіе, что воспользуюсь ближайшимъ представившимся случаемъ, чтобы исправить тѣ погрѣшности моей книги, которыя я самъ уже открыто созналъ и которыя мнѣ будутъ указаны въ будущемъ». Мало того, чтобы возможно скорѣе уладить дѣло, Деллингеръ посовѣтовалъ Пихлеру также немедленно отправить и къ самому папѣ на итальянскомъ языкѣ письмо, содержавшее, въ сущности, переводъ приведеннаго выше заявленія. Однако, вмѣсто того, чтобы воспользоваться этимъ примирительнымъ настроеніемъ, обѣщавшимъ скорое мирное улаженіе дѣла, недруги Деллингера не преминули распространить слухъ, что книга Пихлера еще въ рукописи была у Деллингера и получила отъ него одобреніе; такъ что приговоръ конгрегаціи индекса долженъ пасть и на него. Дѣло приняло такой непріятный оборотъ, что Деллингеръ счелъ за необходимое лично объясниться по этому поводу съ архіепископомъ; но и личное объясненіе не привело ни къ чему, и эта исторія съ Пихлеромъ еще долго продолжала вносить раздраженіе между Деллингеромъ и богословскимъ факультетомъ университета, равно какъ и съ епархіальной властью. Къ сожалѣнію, Деллингеръ долго не разгадывалъ довольно низменной личности Пихлера и продолжалъ брать его подъ свою защиту, пока наконецъ самъ не убѣдился, что онъ не стоитъ этой защиты. Въ одномъ письмѣ къ Тиршу онъ писалъ о немъ: «Оправдается ли ваша надежда, что злополучный Пихлеръ вступить въ стадію, *meta noia* (раскаяніе) для меня, на сколько я знаю этого человѣка, очень сомнительно, хотя я желалъ бы этого отъ всего сердца. Испытанія, которыя я перенесъ въ отношеніи его, были самыми печальными, какія только выпадали мнѣ на долю во всей моей жизни при обращеніи съ молодыми людьми. Никто еще никогда такъ не обманывалъ моего довѣрія и моихъ надеждъ» (отъ 25 марта 1873 г.). Какъ извѣстно, Пихлеръ впослѣдствіи, разошедшись съ мюнхенскимъ богословскимъ факультетомъ и не находя себѣ мѣста вообще за границей, перешелъ на службу въ Россію, гдѣ получилъ мѣсто бібліотекаря при Императорской Публичной Библіотекѣ въ Петербургѣ, и тамъ, подъ вліяніемъ своей безграничной библиоманіи, уличенъ былъ въ систематическомъ расхищеніи книгъ этой бібліотеки, за что

былъ присужденъ къ ссылкѣ въ Сибирь, гдѣ вскорѣ и кончилъ свое жалкое существованіе († 1874 г.).

Между тѣмъ, крупныя вопросы общественной и литературной жизни не переставали волновать Деллингера, и онъ особенно болѣлъ душой, когда видѣлъ, что всѣ его добрыя начинанія и стремленія тормазятся и подрываются іезуитскою партіей, нашедшей себѣ поддержку въ нѣкоторыхъ университетахъ. Такъ, когда въ Майнцѣ возникъ принципіальный вопросъ, что лучше для преуспѣянія богословія, --- діоцезныя ли епископскія семинаріи, или факультеты при университетахъ, нужно ли пересадить богословіе изъ государственныхъ университетовъ въ семинаріи, и для возстановленія католической науки основать особые католическіе университеты, то онъ не стерпѣлъ, чтобы не вмѣшаться въ этотъ важный споръ. Когда Виндишманъ на Фрейзенскомъ собраніи епископовъ (въ 1850 г.) рѣшительно ратовалъ за учрежденіе особыхъ богословскихъ заведеній, то уже и тогда онъ высказался противъ нихъ, такъ какъ они, по его мнѣнію, «повлекутъ за собою не только упадокъ богословскихъ факультетовъ при высшихъ школахъ, но и уничтоженіе католической науки и затѣмъ упадокъ самого католицизма въ Баваріи». Даже еще раньше—на общемъ собраніи въ Регенсбургѣ (въ 1849 г.) онъ возражалъ противъ предложенія основать католическіе университеты, какъ въ то время неисполнимаго и, поэтому, неблаговременнаго. Между тѣмъ, съ усиленіемъ новосхоластической іезуитской партіи, которая даже самый планъ преподаванія въ богословскихъ факультетахъ объявляла противокатолическимъ, протестантскимъ, стремленіе къ исключительно семинарскому воспитанію клира, поддерживаемое Римомъ, становилось все сильнѣе, и въ 1862 г. епископъ Вейссъ шпейерскій, первый задумалъ основать у себя богословскую семинарію, преподавателей для которой хотѣлъ назначать самъ, чтобы въ ней именно воспитывать свое діоцезное духовенство. Общее собраніе католическихъ союзовъ, однако, порѣшило приступить (въ сент. 1862 г.) къ основанію въ Аахенѣ, подъ девизомъ: «Такъ хочетъ Богъ», свободнаго католическаго университета. Еп. Вейссъ, не получивъ отвѣта на свой докладъ по этому предмету королю Максимилиану II., почему-то надумалъ именно въ Деллингерѣ найти поддержку своему плану, и отправилъ къ нему въ Мюнхенъ духовнаго совѣтника Молитора, чтобы между другими членами «особенно

переговорить съ нимъ также и о преподаваніи богословскихъ наукъ, особенно въ мюнхенскомъ университетѣ (отъ 29 декабря 1863 г.). Точка зрѣнія Деллингера, была однако, совершенно иная, чѣмъ на какой стоялъ епископъ. Причину болѣе слабаго процвѣтанія католическаго богословія, по сравненію съ протестантскимъ, онъ видѣлъ, какъ однажды сообщилъ и проф. Фридриху, въ томъ, что профессора обыкновенно смотрятъ на свою преподавательскую должность только какъ на переходную ступень къ высшему положенію; а еп. Вейссъ хотѣлъ предоставлять богословскія профессуры именно такимъ лицамъ, которыя, преподавая богословіе, въ тоже время занимаютъ и другія должности, преимущественно — церковно-приходскія, или еще лучше — не имѣютъ опредѣленнаго положенія, такъ что епископъ во всякій моментъ могъ бы удалять ихъ. На такую комбинацію отнюдь не могъ и не хотѣлъ согласиться Деллингеръ. Тѣмъ не менѣе, въ Шнейерѣ порѣшили пойти этимъ именно путемъ. Еп. Вейссъ сталъ назначать профессорами церковныхъ должностныхъ лицъ, съ сохраненіемъ за ними должностей; отложилъ предложеніе министра Коха устроить для него, какъ это было и въ другихъ діоцезахъ, особое богословское отдѣленіе въ университетахъ; и, ссылаясь на папское посланіе (отъ 18 авг. 1864 г.) къ баварскимъ епископамъ, требующее, въ силу тридентскаго собора, воспитанія клира въ семинаріяхъ, сообщилъ объ открытіи у себя семинаріи, осенью 1864 г. Такъ какъ епископъ стоялъ на своемъ, не обращая вниманія даже на угрозу употребить полицейскую власть, то разладъ между нимъ, поощряемымъ изъ Рима и со стороны нунція Гонеллы и правительствомъ усиливался все болѣе. Хотя Деллингеръ и не принималъ прямого участія въ этомъ дѣлѣ, однако враги не преминули повсюду разгласить, что это именно онъ виновникъ всей смуты, такъ какъ министерство Коха находится де подъ его сильнымъ вліяніемъ.

Въ общемъ, однако, взглядъ Деллингера на епископскія семинаріи былъ правильно понятъ. Его несочувствіе послѣднимъ сдѣлалось еще больше, когда (8 дек. 1864 г.) появились папская энциклика «*Quanta cura*» и пресловутый «Силлабусъ» въ которомъ, по *Civiltà Cattolica*, не только осуждалась рѣчь Деллингера о «прошедшемъ и настоящемъ католическаго богословія», но и ясно излагались взгляды непогрѣшимаго Рима. Не могло болѣе подлежать никакому со-

мѣнью, что богословскую молодежь хотѣли теперь всецѣло обучать новымъ схоластическимъ методамъ и пропитывать идеями Силлабуса, который немедленно со стороны іезуитской партіи былъ объявленъ непогрѣшимымъ, вообще составляющимъ новую эру въ католицизмѣ. Цѣлый потокъ переводовъ съ объясненіями и безъ оныхъ, пастырскихъ посланій и брошюръ, ринулся на католическое населеніе Германіи, чтобы открыть этому «документу, столь неизмѣримаго значенія для всего христіанства, доступъ повсюду». Нѣмецкіе іезуиты объяснили Силлабуса въ цѣломъ рядѣ выпусковъ своего журнала «Голосъ изъ Маріи Лаахъ»; іезуитъ Шрадеръ издалъ его для болѣе удобнаго употребленія въ рядѣ положеній, какъ нормъ мыслей, словъ и дѣйствій всякаго правовѣрнаго католика, а проф. Гейнрихъ прославлялъ его на общемъ собраніи въ Трирѣ (въ 1865 г.), при бурныхъ «браво» и столь же бурныхъ отвѣтахъ «hoch» въ честь папы Пія IX, какъ «величайшее дѣло вѣка и, быть-можетъ, всѣхъ вѣковъ».

Отъ такого знатока церковной исторіи какъ Деллингерь конечно также не ускользнуло значеніе этого пресловутаго Силлабуса, но ему въ то же время были болѣе всякаго другого ясны и послѣдствія, къ которымъ могъ повести такой документъ, въ случаѣ его широкаго распространенія. Именно поэтому онъ порѣшилъ, что нельзя долѣе молчать, и опять взялся за перо, чтобы, еще разъ затрогивая еще не окончившійся шпейерскій споръ о семинаріяхъ, высказать свой взглядъ, что онъ и сдѣлалъ въ статьѣ: «Шпейерскій вопросъ о семинаріяхъ и Силлабусъ» (январь 1861). Въ ней прежде всего излагается споръ епископа съ правительствомъ изъ за разногласія по этому вопросу, причемъ отмѣчается, что цѣль епископа состоитъ въ томъ, чтобы въ кое-какъ состряпанной захолустной школѣ, въ лучшемъ смыслѣ, собирать богословскихъ дилетантовъ, у которыхъ не могло быть ни способности, ни охоты и стремленія къ болѣе глубокимъ научнымъ занятіямъ, или къ литературной дѣятельности. Если бы мысль шпейерскаго епископа нашла себѣ подражаніе въ Германіи, то и тутъ такъ же, какъ и въ Италіи, все дѣло въ этихъ семинаріяхъ ограничивалось бы схоластической догматикой, казуистикой для исповѣдальни и основанномъ на декретахъ каноническимъ правомъ, и вообще не было бы и слѣда того, что нѣмцы называютъ наукой или научной разработкой предмета. Подобно тому, какъ 500—800 профессоровъ, преподаю-

щихъ теперь въ итальянскихъ и французскихъ семинаріяхъ, ничего не даютъ въ литературномъ отношеніи, кромѣ нѣсколькихъ темныхъ компиляцій и учебниковъ, не выходящихъ за стѣны школы, такъ то же самое непременно случилось бы и въ Германіи. «Въ широкихъ кругахъ, конечно, не замѣтили, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ отношеніяхъ Рима къ нѣмецкой партіи, а вслѣдствіе этого и въ самомъ положеніи послѣдней многое измѣнилось. Многія причины содѣйствовали этому: въ новѣйшее время еще болѣе усилившееся отвращеніе итальянцевъ къ нѣмецкой національности и нѣмецкой наукѣ, которая южнымъ романцамъ и доселѣ непонятна и неудобоварима; возрастающее французское вліяніе въ Римѣ; вторженіе многочисленнаго, по іезуитскимъ началамъ воспитаннаго молодого духовенства въ Германіи; и, наконецъ поселеніе и быстрое распространеніе самихъ іезуитовъ въ нашей странѣ. Эти четыре причины заслуживаютъ того, чтобы разслѣдовать ихъ поближе». Сдѣлавъ это, онъ затѣмъ продолжаетъ: «Такимъ образомъ, нельзя отрицать, что положеніе католической Германіи существенно измѣнилось. Разладъ существуетъ между тѣми, которые въ другихъ отношеніяхъ стоятъ на общей почвѣ католическаго исповѣданія... Раньше можно было сказать, что названіе «ультрамонтанъ» есть только ненавистный маневръ тѣхъ, которымъ ненавистно самое исповѣданіе католической церкви, и, вслѣдствіе этого, относится ко всякому убѣжденному члену этой церкви. Теперь это стало иначе. Ультрамонтанизмъ не есть болѣе фикція, не призракъ, но реально и агрессивно наступающая сила, которая ведетъ войну со всѣми, не брезгуя въ церковномъ партійномъ задорѣ никакими оружіями... Недавняя энциклика (и приложенный къ ней Силлабусъ) формулировалъ ея мысли и цѣли, и предлагается имъ, какъ символъ вѣры партіи и вѣроисповѣданіе... Безграничное господство Рима въ церкви и во всѣхъ связанныхъ съ церковью областяхъ жизни—вотъ идеалъ, желанная цѣль истыхъ ультрамонтанъ. Возьмемъ же ближе на этотъ документъ, который отсель будетъ служить правиломъ нашихъ ультрамонтанъ. Въ немъ содержится много положеній, при которыхъ нельзя понять, почему они заслужили особенное осужденіе,—положеній, которыя отрицаютъ всякую положительную религію или могли быть высказаны только вслѣдствіе такого отрицанія; торжественное отверженіе которыхъ съ помощью особаго манифеста граничить почти съ комизмомъ,

такъ какъ съ подобной же торжественностью могли бы объявить изъ Рима, что тѣ впадаютъ въ заблужденіе и ересь, кто вѣрують въ божество Юноны или Аполлона, или Магомета считаютъ за пророка. И рядомъ опять стоятъ положенія, которыя вошли въ сознаніе всѣхъ образованныхъ классовъ Европы, безъ различія вѣроисповѣданія; или положенія, которыя выражаютъ давно и всѣми признанные историческіе факты; или положенія, которыя, какъ увѣряють богослова, доселѣ безъ всякаго сомнѣнія были преподаваемы извѣстнѣйшими богословами. И всѣ эти ученія и утвержденія собраны въ пестромъ разнообразіи подъ общимъ предикатомъ крайней постыдности. Такъ, должны изумиться всѣ богословы, встрѣтивъ здѣсь осужденіе, какъ якобы заблужденія, того положенія, что и въ протестантизмѣ есть возможность угодить Богу. Если какое-либо положеніе доселѣ признавалось даже наиболѣе склонными къ догматическому ригоризму богословами, а въ Германіи, во всякомъ случаѣ, признавалось всѣми безъ исключенія, такъ именно это положеніе. «Все это мы измѣнили», говорятъ теперь въ Римѣ. Однако, энциклика не только богословамъ подставляетъ зеркало, показывающее имъ, что они всѣ вообще и каждый въ отдѣльности доселѣ находились въ такомъ заблужденіи и ересьяхъ. И юристамъ, и государственнымъ мужамъ, государямъ, чиновникамъ, преподавателямъ въ школахъ, членамъ городскихъ корпорацій, правителямъ, какъ и подчиненнымъ,—всѣмъ возвѣщаютъ изъ Рима, что они доселѣ ходили ложными, не христіанскими путями; что они, присваивая себѣ чужое владѣніе, дерзко вмѣшивались въ права церкви, и вообще имѣють совершенно превратное понятіе о церкви и объемѣ церковной власти... Вотъ нѣкоторые изъ тѣхъ ученій и принциповъ, которые энциклика открыла изумленному міру. Въ то же время вновь подтверждаются анаемы Григорія XVI противъ свободы совѣсти и свободы печати, дабы, насколько простираются власть и авторитетъ Рима, не осталось камня на камнѣ отъ правительственныхъ зданій теперешнихъ государствъ. И все это такія вещи, которыя «касаются дѣла Божія», а какъ говорить энциклика, «если вопросъ идетъ о дѣлѣ, то цари должны подчинить свою волю священникамъ. Да и благо человеческого общества, какъ доказывается, далѣе, равнымъ образомъ зависитъ отъ введенія и осуществленія этихъ положеній. Вотъ, слѣдовательно, тотъ жерновъ, который хотѣли бы

въ Римѣ повѣсить на шею католиковъ всѣхъ странъ... Этихъ положеніямъ будутъ учить въ будущемъ, будутъ прежде вѣдрать ихъ въ душу возрастающаго поколѣнія духовенства также и въ тѣхъ странахъ, въ которыхъ все существованіе католической церкви, ея свобода и твердость, единственно покоются на принципахъ, которые здѣсь клеймятся, какъ постыдное, пагубное заблужденіе,—на принципахъ, съ которыми должна стоять и падать религіозная свобода католиковъ. Чего, слѣдовательно, хотятъ въ Римѣ, это то, чтобы все духовенство съ ранней юности воспитывалось въ принципиальной враждѣ противъ всего соціального порядка настоящаго времени, противъ всѣхъ, существующихъ въ Европѣ и Америкѣ государственныхъ учрежденій, и питалась бы молокомъ этого благочестиваго способа мышленія». «Кратко, въ силу этого «изумительнаго документа, монархамъ, правительствамъ и народамъ» ничего не остается лучшаго и болѣе настоятельнаго, какъ ниспровергнуть свои правительственныя учрежденія, уничтожить свои своды законовъ, прервать ходъ развитія четырехъ столѣтій и опять установить состояніе и порядки XIV вѣка».

«Ультрамонтанизмъ есть, въ сущности, папизмъ, и отъ этого у него зависитъ все остальное. Онъ исходитъ изъ того, что папа во всѣхъ учительныхъ рѣшеніяхъ, не только по вопросамъ вѣры, но и въ нравственной области, объ отношеніяхъ религіи къ обществу, церкви къ государству, безусловно непогрѣшимъ, что, слѣдовательно, всякое такое рѣшеніе требуетъ безусловнаго, всецѣлаго подчиненія и принятія, въ словѣ и дѣлѣ, со стороны всѣхъ, какъ духовныхъ, такъ и мірянъ. Поэтому именно, для него церковь есть чисто монархическое учрежденіе не признающее и не терпящее никакихъ ограниченій. Папа долженъ быть безусловнымъ единовластителемъ; и всѣ, кромѣ него, суть только его уполномоченные слуги, въ сущности посредственно или непосредственно только исполнители его порученій, полномочія которыхъ онъ можетъ, по своей волѣ, ограничивать или отмѣнять... Римскіе обычаи, римскіе принципы—выше этого ультрамонтанизмъ не признаетъ ничего. Ультрамонтанъ нуждается въ особомъ бюро для церковныхъ запросовъ или, вѣрнѣе, въ постоянномъ оракулѣ, который давалъ бы непогрѣшимое разрѣшеніе для всякаго сомнѣнія, для всякаго научнаго или практическаго затрудненія. Всего этого онъ ищетъ и находитъ въ Римѣ... Съ римскою непогрѣшимостью неразрывно связано

и притязаніе папъ раздавать царства, низлагать монарховъ и освобождать ихъ подданныхъ отъ присяги вѣрноподданчества; и сами папы неоднократно провозглашали за догматъ вѣры, что это полномочіе принадлежитъ имъ въ силу предоставленнаго имъ «божественнаго права». Наши нѣмецкіе ультрамонтаны, насколько возможно, приводятъ въ пользу этого ходячіе тексты и документы ¹⁾. И «Деллингеръ», прибавляетъ онъ къ этому, раньше тоже говорилъ о правахъ папъ и о принципахъ куріи болѣе какъ дѣлопроизводитель и слишкомъ мало, какъ историкъ. Но теперь онъ смотритъ иначе. «Булла объ евхаристіи», которая, правда, со времени Климента IV уже не объявляется болѣе ежегодно, но которая, какъ недавно сообщилъ Кретино-Жоли, въ римскихъ конгрегаціяхъ, все еще и теперь считается сохраняющею свое значеніе и кладется въ основу ихъ постановленій, не оставляетъ никакого сомнѣнія касательно того, что самыя притязанія на высшую мірскую власть еще не оставлены папами; что ихъ и теперь еще содержать въ запасъ, чтобы выдвинуть ихъ при первомъ благопріятномъ случаѣ... Самая непогрѣшимость, которая принуждаетъ къ принятію папскаго полновластія также и въ мірскихъ дѣлахъ, недавно въ іезуитскомъ органѣ «Историко-политическіе Листки» была провозглашена, какъ положительный догматъ. Затѣмъ у ультрамонтановъ болѣе всего другого лежитъ на сердцѣ вопросъ объ Индексѣ, — стремленіе придать ему въ Германіи полное значеніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и нанести смертельный ударъ ненавистой для нихъ, разрабатываемой научнымъ духомъ, католической литературѣ. Надъ этимъ они работаютъ сплоченными силами. Отсюда ненависть противъ мюнхенскаго собранія ученыхъ; отсюда постыдно продиктованныя Римомъ условія, при которыхъ повтореніе подобнаго опыта хотѣли сдѣлать невозможнымъ; отсюда XXII-й, для непосвященныхъ столь загадочный пунктъ Силлабуса, которымъ отвергается, какъ заблужденіе, то положеніе, что профессора и писатели связаны только опредѣленнымъ церковью вѣроученіемъ, а во всемъ остальномъ, что не относится къ вѣрѣ, свободны. Еще худшаго можно ожидать отъ Индекса если его господство въ Германіи будетъ поставлено на твердую ногу... Уже и теперь епископъ (Мартинъ) падернборн-

¹⁾ Буллу Unam Sanctum Бонифація VIII; подтвержденіе ея Львомъ V въ буллѣ Pastor Aeternus.

скій отъ 12 іюля торжественно объявилъ объ обязательной силѣ декретовъ Индекса, а само собою понятно, и правилъ (Индекса). Если этотъ примѣръ найдетъ всеобщее подраженіе, то нѣмецкая католическая литература въ непродолжительномъ времени уподобится усѣянному трупами полю, на которомъ царствуетъ полнѣйшая тишина. Но конечно, и тогда еще будутъ печататься проповѣди, молитвенники и схоластическіе, одобренные іезуитами трактаты. Этотъ именно орденъ усердно работаетъ въ Германіи въ тѣснѣйшемъ союзѣ съ своими учениками и единомышленниками изъ Вюрцбурга и Майнца, равно какъ и въ союзѣ съ обѣими нунціатурами въ пользу Индекса, причѣмъ іезуиты, конечно, борются за свои права: вѣдь въ ихъ именно рукахъ, при теперешнемъ глубокомъ упадкѣ остальныхъ, находящихся въ Римѣ монашескихъ корпорацій, фактически находится Индексъ, хотя дѣлопроизводство еще и ведется доминиканцами. Если имъ удастся достигнуть этой цѣли, то Индексъ сдѣлается дѣйственнымъ оружіемъ противъ нѣмецкихъ университетовъ, католическія составныя части которыхъ, само собою понятно, безъ свободы литературнаго движенія не удержатся надолго. А когда состоялось бы такое выдѣленіе въ университетахъ, и особенно было бы достигнуто уничтоженіе богословскихъ факультетовъ, на мѣсто которыхъ выступили бы тогда діоцезныя школы, то іезуитско-ультрамонтанская партія отпраздновала бы это, какъ свою великую побѣду».

Какъ ясно уже и тогда Деллингеръ предвидѣлъ грядущія событія! Однако, ему пришлось, уже послѣ того, какъ онъ написалъ эту статью, пережить новое неожиданное разочарованіе. Католическіе органы, вслѣдствіе угрозы нунціатуры, уже давно были закрыты для него, а теперь, также изъ страха передъ Римомъ, закрылась для него и либеральная пресса. Когда одинъ изъ его друзей, безъ сомнѣнія Губеръ, отправилъ въ редакцію «Аугсбургской Всеобщей Газеты» анонимную статью, то редакторъ газеты Кольбъ, предполагая, что авторъ ея есть Фрошаммеръ, отвѣтилъ ему, что не можетъ принять подобной статьи: «мы должны быть осторожны, если не хотимъ, чтобы насъ запретили въ Римѣ» (18 янв. 1865 г.). Поэтому, Деллингеръ съ огорченіемъ приложилъ эту статью ко многимъ другимъ своимъ бумагамъ, изъ которыхъ она только уже послѣ его смерти извлечена была Рейшемъ на свѣтъ Божій въ его «Мелкихъ сочиненіяхъ».

До крайности огорченный этимъ, Деллингеръ опять заключился въ самого себя и усердно работаль, какъ онъ писалъ (отъ 13 марта) къ Оксенгему, — бывшему англиканскому священнику, нѣсколько лѣтъ проживавшему въ Мюнхенѣ и постоянно находившемуся въ общеніи съ Деллингеромъ, надъ своей «Церковной Исторіей» (отъ 1260—1314), и готовилъ 2-е издание своей книги «Христіанство и Церкви во время ихъ основанія», которую Оксенгемъ въ то же время переводилъ на англійскій языкъ. Но его молчаніе нисколько не помогло: тайные доносы не прекращались. Такъ, одинъ изъ 36 западныхъ епископовъ, которые, по предложенію главной соборной комисіи, приглашены были къ выработкѣ, объявленнаго Піемъ IX. отъ 8 дек. 1864 г., въ конгрегациі обрядовъ, проекта собора, вѣроятно Сенестрей, писалъ: «Теперь уже очень мало такихъ, которые бы оспаривали эту прерогативу папы (т. е., непогрѣшимость), и они дѣлаютъ это не столько по богословскимъ основаніямъ, сколько съ намѣреніемъ успѣшнѣе укрѣплять и отстаивать свободу науки. Съ этой цѣлью, въ новѣйшія времена, въ Мюнхенѣ, главномъ городѣ Баваріи, повидимому, образовалась школа богослововъ, которые во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ, главнымъ образомъ, стараются эксплуатировать историческую область, съ цѣлью унижить апостольскій престолъ, его авторитетъ, его образъ правленія, подвергнуть его презрѣнію, а прежде всего поборать непогрѣшимость преемника ап. Петра, когда онъ учитъ ex cathedra. И когда проф. Фридрихъ (въ 1866 г.) хотѣлъ издать въ Вѣнѣ свою «Церковную исторію Германіи», то іезуитъ Шрадеръ предостерегалъ его отъ «Деллингеровой школы», и находилъ себѣ поддержку въ этомъ отношеніи даже въ самомъ Мюнхенѣ.

Въ то же время доносчики усердно работали и въ Англіи. Отъ 26 февраля 1866 г. кард. Миннингъ писалъ папскому тайному камергеру Тальботу: «Паттерсонъ также сообщаетъ мнѣ, что Деллингеръ пишетъ противъ прерогативы св. престола». А въ одной корреспонденціи «*Tablet'a*» изъ Рима писали, что «избранные въ Англіи члены парламента сэръ Джонъ Актонъ и сэръ Джонъ Симеонъ столь же мало являются представителями англійскаго католицизма, какъ Деллингеръ нѣмецкаго и Ламенне французскаго». А когда, въ томъ же году, появился сдѣланный Оксенгемомъ англійскій переводъ Деллингеровой книги «Христіанство и Церкви», и

посвященъ былъ Ньюману, то издаваемое въ то время обращенцемъ въ католицизмъ Вардомъ «Дублинское Обзорѣніе» не замедлило заявить: «Мы не отрицаемъ, что всякую книгу Деллингера мы раскрываемъ съ предубѣжденіемъ, вѣрнѣе, утверждаемъ, что таково истинное настроеніе каждаго добраго католика». Самъ Ньюманъ даже испугался этого, и «ничего столь не боялся, какъ того, чтобы не подумали, что онъ и Деллингеръ принадлежать одной и той же партіи въ церкви». А между тѣмъ объ этомъ уже прямо дѣлались намѣки въ печати и напр. одинъ римскій корреспондентъ недвусмысленно писалъ въ въ «Еженедѣльномъ Вѣстникѣ»¹⁾: «Для тѣхъ, кто знаютъ господствующій въ Римѣ духъ, едва ли нужно говорить, что этотъ выдающійся мужъ (Ньюманъ) въ римскомъ мнѣніи уже не занимаетъ болѣе того высокаго мѣста, какое онъ занималъ раньше. Да это и не могло быть иначе..., послѣ того, какъ онъ допустилъ, чтобы его великое имя поставлено было въ связь съ именемъ одного изъ ожесточеннѣйшихъ враговъ Рима, въ посвященіи сдѣланнаго Оксенгемомъ перевода Деллингеровой книги «Христіанство и Церковь». Теперь, когда церковь подвергается нападеніямъ со всѣхъ сторонъ и когда германизация является ея смертельнѣйшею опасностью, даже простая тѣнь подозрѣнія въ этой германизации, даже если бы она въ дѣйствительности (чего дай Богъ!) была неосновательной, замѣтно должна подорвать довѣріе къ такому человѣку, какимъ бы великимъ и прославленнымъ католикомъ онъ ни являлся». Въ виду такого ожесточенія ультрамонтанъ, Деллингеръ, не желалъ подливать масла въ огонь, и когда одинъ изъ его почитателей хотѣлъ издать англійскій переводъ его рѣчи «О прошломъ и настоящемъ богословія», то онъ просилъ Оксенгена сказать или написать ему: «Пусть онъ не издаетъ перевода моей рѣчи, — по крайней мѣрѣ не теперь и не въ этой формѣ; тамошняя публика неправильно пойметъ многое изъ того, что было сказано лишь для нѣмецкихъ богослововъ, и можетъ быть правильно понимаемо только ими. Актонъ также думаетъ, что появленіе подобной брошюры вызоветъ цѣлую бурю, — бурю, которая направилась бы противъ меня, тѣмъ болѣе, что я не въ состояніи былъ бы защищаться. Вдаваться въ споры подобнаго рода я безусловно не имѣю времени. Мистеръ Вордъ

¹⁾ Weekly Register за апрѣль 1867.

не замедлил бы именно теперь излить на меня всю свою ярость».

Въ этомъ угнетенномъ положеніи Деллингерь, по-истинѣ, чувствовалъ тѣмъ больше облегченія, когда отъ того или, другого изъ своихъ друзей, которымъ онъ жаловался на свое огорченіе, получалъ участливое слово, какъ напр. отъ Тейнера ¹⁾, который (отъ 19 марта 1865 г.) писалъ ему: «Я радуюсь, что и вы также признаете, что мой приговоръ объ іезуитахъ и ихъ дѣятельности справедливъ и при всемъ томъ вы давно уже не подвергались отъ нихъ такому гонительству *per ignem et aquam*, какъ я, и при томъ столь настойчиво въ теченіе столь многихъ лѣтъ. Помощь Божія и моя желѣзная твердость только и дали возможность мнѣ выдержать все это. Я не преклонюсь передъ ними. Іезуиты обманулись во мнѣ: онѣ думали, что я съ полной отвагой подниму брошенную ими перчатку вражды. Но я ненавижу лицемеріе, злобу и вѣроломство, и не вхожу ни въ какія сношенія съ этими отвратительными факторами. Послѣдующее поколѣніе нѣкогда произнесетъ свой приговоръ надъ ними. При будущемъ свиданіи, не въ этомъ, а въ будущемъ году, если благоугодно будетъ Богу, мы, какъ я надѣюсь, лучше поймемъ другъ друга, чѣмъ это было въ 1857 г. Будьте и оставайтесь уверѣны въ томъ, что я повсюду, особенно въ высшихъ сферахъ, когда дѣло

¹⁾ *Авт. Тейнеръ*—извѣстный либераль, въ молодости не мало погрѣшавшій противъ Рима, но впоследствии раскаявшійся и своею ревностью въ защитѣ прерогативъ и притязаній папства заслужившій большое довѣріе послѣдняго. Изъ его сочиненій особенно извѣстна написанная имъ по порученію папы «Исторія, понтификата Климента XIV» въ двухъ томахъ 1852 г. Но главной задачей своей жизни онъ считалъ продолженіе «Церковныхъ Анналовъ» Баронія (изъ котораго съ 1856 года рядомъ съ изданіемъ всего труда вышло три большихъ тома *in folio*), равно какъ и изданіе источниковъ для церковной исторіи различныхъ христіанскихъ народовъ, чему особенно содѣйствовало его положеніе въ качествѣ префекта Ватиканскаго архива. Іезуиты однако не забыли его грѣховъ юности и имъ удалось своими махинаціями и интригами добиться того, что онъ потерялъ благоволеніе папы и былъ лишень своей должности,—и это просто за то, что онъ однажды позволилъ нѣкоторымъ оппозиціоннымъ епископамъ проникнуть въ секретное отдѣленіе архива. Хотя самый титуль и жалованье, и даже квартира въ Ватиканѣ сохранены были за нимъ, но дверь, ведущая изъ его помѣщенія въ архивъ, была замуравлена. Запрещено было ему продолжать и начатое имъ изданіе актовъ тридентскаго собора. Въ огорченіи онъ умеръ въ 1874 г.

зайдетъ о васъ, постоянно буду извлекать за васъ мечъ изъ ноженъ».

Но клеветничество іезуитской партіи распространялось все шире, и увлекло за собою даже аристократическихъ дамъ католическаго вѣроисповѣданія, когда дѣло зашло объ основаніи одного католическаго университета. Папа далъ свое благословеніе этому предпріятію, множество нѣмецкихъ епископовъ безусловно выразило свое одобреніе, и составленный, подъ предсѣдательствомъ кардинала Гейсселя и епископовъ Кеттелера и Мартина, комитетъ принималъ всѣ усилія къ осуществленію дѣла. Самъ Деллинггеръ былъ не противъ этого предпріятія. Но вскорѣ онъ узналъ истинную тенденцію этого плана, и составленное извѣстной совращенкой въ латинство графиней Ганъ-Ганъ въ Майнцѣ воззваніе исключительно знатныхъ дамъ къ основанію екатерининскаго союза въ маѣ 1865 года вполне открыло ему глаза. По сообщенію проф. Іорга, это воззваніе повергло его въ такое раздраженіе, что онъ уже не въ состояніи былъ болѣе спокойно разсуждать объ этомъ дѣлѣ; такъ что «когда одна дама, съ которой я приглашенъ былъ къ нему на обѣдъ, заговорила объ извѣстномъ воззваніи Ганъ-Ганъ, то онъ пришелъ въ такое раздраженіе, что, перегнувшись черезъ столъ, со сжатыми кулаками къ этой устрешенной, пришедшей въ ужасъ дамѣ, закричалъ: «Что вы имѣете противъ нашихъ университетовъ»? Свидѣтелями подобной же сцены были также профессора Филлинсъ изъ Вѣны и Моѣ изъ Иннсбрукка; ни тотъ, ни другой, уже не вступали послѣ этого въ его домъ». Многіе осуждали Деллинггера за эту крайнюю запальчивость. Но положеніе дѣла было таково, что надо было удивляться, если бы случилось иначе. Могъ ли онъ равнодушно слышать, когда въ воззваніи, подписанномъ тремя принцессами, четырьмя княгинями, тридцатю одной графиней и восемью баронессами, говорилось: «Христіанская семья вынуждена безпомощно и безотрадно видѣть, какъ ея сыновья изучаютъ богословіе, которое подвергаетъ сомнѣнію или презираетъ христіанскій догматъ», и когда епископы Кеттелеръ и Мартинъ, подписавъ присоединенный къ воззванію уставъ «Союза св. Екатерины», и центральный комитетъ, во главѣ котораго въ качествѣ президента стоялъ Филлинсъ, опубликованіемъ его въ своемъ «Собраніи документовъ касательно свободнаго католическаго университета» (1865 г.), тѣмъ самымъ выражалъ свое полное согласіе съ этимъ воззваніемъ?

Еще прискорбнѣе было для Деллингера, когда онъ видѣлъ, что, преслѣдуя его самого, враги не приминули изливать свою ярость и на тѣхъ его немногихъ друзей, которые въ эту тяжкую годину не боялись выражать ему свое сочувствіе. Такъ, особенную ярость изливали они на его друга Ганеберга, и достигли того, что и въ Римѣ стали смотрѣть на послѣдняго, какъ на человѣка ненадежнаго и опаснаго, и всячески старались доказать ему это намѣреннымъ лишеніемъ его всякаго дальнѣйшаго движенія по службѣ. Когда возникъ вопросъ о замѣщеніи одной епископской катедры (въ Трирѣ), и на нее намѣчены были кандидатами Гогенлоэ, Ганебергъ и Пельдрамъ, то іезуитская партія приняла всѣ мѣры къ тому, чтобы устранить Ганеберга; и даже когда самъ король Людовикъ II въ 1867 г. назначилъ его епископомъ эйхштедтскимъ, то раздраженный этимъ папа открыто сказалъ одному отправлявшемуся въ Мюнхенъ бенедиктинцу въ присутствіи другихъ: «Скажите этому аббату,—я никогда не сдѣлаю его епископомъ». При такихъ обстоятельствахъ понятно, что Деллингеръ съ радостью привѣтствовалъ присланный ему Рейшемъ (отъ 20 мая 1865 г.) планъ задуманнаго имъ «Богословскаго Литературнаго Листка»¹⁾, какъ именно органа, въ которомъ бы онъ могъ отстаивать свое правое дѣло. Онъ вполне соглашался съ тѣмъ мнѣніемъ, что «строгой, чисто фактической критикой лучше всего можно обуздать все болѣе усилившееся теперь нахальство; если «Литературный Листокъ» будетъ исполнять свой долгъ, то онъ приобрететъ вліяніе на общественное мнѣніе въ богословскомъ мірѣ. Во всякомъ случаѣ, такой «Листокъ» будетъ единственнымъ средствомъ объединенія къ общему труду, а также даже «внѣшне признаваемой сплоченности тѣхъ, которые интересуются серьезной богословской наукой». И такъ какъ Рейшъ далѣе предлагалъ, что для этой цѣли осенью хорошо было бы собрать въ Боннѣ для обсуждения этого дѣла нѣсколько ученыхъ, то Деллингеръ вполне согласился и на это, замѣтивъ, однако, что Ганебергъ, который также готовъ былъ принимать участіе въ этомъ дѣлѣ, «настойтельно желалъ и ставилъ въ условіе, чтобы объявленіе объ имѣющей состояться конференціи прежде всего было сообщено мѣстному епископу, слѣдовательно, намѣстнику капи-

¹⁾ Этотъ «Theolog. Literaturblatt», успѣшно державшій послѣ Ватиканскаго собора знамя старонатолицизма, существовалъ до 1878 г.

тула въ Кельнѣ. Мнѣ, думается, онъ правъ, потому что если не сдѣлать этого, то со стороны противниковъ, несомнѣнно, не замедлятъ посыпаться укоры, что мы обошли требованіе папскаго посланія» (отъ 17 іюля). Такъ какъ въ Боннѣ согласились и на это условіе, и уже заявлены были многочисленныя согласія на участіе въ конференціи, то Деллингеръ съ полною надеждою пошелъ навстрѣчу этому дѣлу, и жаловался только на крайне печальное положеніе занятое, тюбингенцами, которые упорно молчали о своемъ участіи въ совѣщаніяхъ. Но было бы еще печальнѣе, если бы и мы, другіе, удержаны были этимъ и позволили бы себѣ пасть духомъ (отъ 27 іюля). Поэтому, вмѣсто того, чтобы ѣхать въ Австрію, гдѣ его ожидали въ аббатствѣ Мартинберга и въ архивѣ государственнаго министерства, чтобы произвести научныя изысканія касательно попытки къ воссоединенію католиковъ и протестантовъ въ Венгріи и Семиградіи, онъ въ сентябрѣ отправился въ Боннъ, чтобы принять участіе въ предполагаемомъ совѣщаніи. Это совѣщаніе и дѣйствительно привело къ изданію «Богословскаго Литературнаго Листка», въ которомъ обѣщаль работать и Деллингеръ. За «по истинѣ пріятными днями, проведенными имъ въ Боннѣ», однако, уже въ половинѣ октября опять послѣдовали болѣе «мрачныя дни», такъ какъ его другъ проф. Авликке тяжко больнымъ прибылъ въ его домъ, чтобы черезъ нѣсколько дней умереть на рукахъ Деллингера. Но вскорѣ затѣмъ онъ опять жаловался Рейшу: «Если я такъ долго не писалъ вамъ, то это потому, что заваленъ былъ работами, а затѣмъ также и потому, что мнѣ не хотѣлось являться къ вамъ съ пустыми руками, а между тѣмъ у меня не было ни времени, ни духовной свободы, чтобы послать вамъ статью. И теперь мое положеніе не лучше; во всякомъ случаѣ, мнѣ не остается иного выбора; я, по необходимости долженъ исполнять другія дѣла, и теперь ничего не могу предложить вамъ для «Литературнаго Листка». Если вы имѣете уже рецензента для книги Мауренбрехера («Карль V и нѣмецкіе протестанты»), то это мнѣ пріятно. Если бы мнѣ пришлось обстоятельно писать объ этой книгѣ, то, быть можетъ, было бы лучше теперь и въ этомъ мѣстѣ еще не говорить о ней, такъ какъ это вѣроятно, могло бы повредить успѣху еще столь нѣжнаго растеньица, какъ «Литературный Листокъ». Если найду время, то лучше предметомъ статьи я сдѣлалъ бы два французскихъ

произведенія, составляющія богатый вкладъ въ церковную исторію, именно, «Мемуары патера Рапена»¹⁾ въ трехъ томахъ, только что появившіеся, — а быть можетъ также и нѣсколько другихъ, вышедшихъ въ это время въ Парижѣ книжныхъ новостей. Но теперь именно это невозможно. Во всякомъ случаѣ, я радуюсь добрымъ успѣхамъ и богатому содержанию «Листка»... Дирингеръ слишкомъ осторожно и панегирически отнесся къ произведенію Рейнердинга, которое, однако, мнѣ кажется лишеннымъ всякаго научнаго содержанія и достоинства. Но, быть можетъ, благоразумно и благовременно относиться къ этой партіи возможно мягче, хотя бы уже для того, чтобы новый архіепископъ (Мельхерсъ съ 8 января 1866 г.), уши котораго, вѣроятно, по преимуществу открыты для сторонниковъ Рейнердинговаго направленія, не обидѣлся и не разозлился». Не будетъ ошибкой, если то, что онъ могъ бы высказать въ рецензій на книгу Мауренбрехера, но чего, по его мнѣнію, лучше бы не говорить теперь и въ этомъ мѣстѣ, относилось къ книгѣ Пюзея: «Церковь Англій, какъ часть единой святой католической церкви Христовой и средство къ возстановленію видимаго единства. Ириниконъ»; потому что онъ «съ большимъ интересомъ слѣдилъ за его мнѣніями и за поднятымъ ею рѣшеніемъ вопроса», и полагалъ, что «вѣроятно, это поведетъ къ соглашенію между Пюзеемъ, Кебломъ и Ньюманомъ, если только романтическая зилотская партія не испортитъ всего этого своимъ слѣпымъ и суровымъ вмѣшательствомъ. Мистеръ Вордъ и ему подобные, конечно, крайне желали бы этого» (къ Оксенгему, отъ 13 дек. 1865 г.). А Пюзей въ своей книгѣ доказывалъ, что воссоединеніе католической церкви, римской, греческой и англійской церкви возможно, и послѣдняя, такъ какъ она, въ согласіи съ римской и греческой церковью, «вѣруетъ во все, во что вѣровала нераздѣленная церковь», по промышленію Божію, повидимому, предназначена къ тому, чтобы осуществить это воссоединеніе. «Ея 39 членовъ» не противорѣчатъ-де католическому ученію. Если англійская церковь учитъ, что есть только два таинства, то этимъ она не отрицаетъ, что и другія божественныя установленія въ извѣстномъ смыслѣ также таинства, каналы благодати, видимые знаки невидимой благодати; только они не въ томъ же смыслѣ таинства, какъ

¹⁾ Memoires du père Rapin, I—III, voll.

крещеніе и евхаристія... Ученія о власти папы и о Богоматери, конечно, должны подлежать ограниченію, и особенно нужно сожалѣть о возведеніи въ догматъ мнѣнія о непорочномъ зачатіи, которое служить новымъ препятствіемъ къ воссоединенію христіанства, новой причиной раздѣленія между римскою и греческою церковью, и не разрѣшимымъ разногласіемъ между новѣйшей римскою и древней церковью. Вполнѣ слѣдуетъ отвергнуть то, что говоритъ патерь Фаберъ, будто «предстоитъ наступленіе великаго періода церкви, который будетъ періодомъ Пресв. Маріи». Не менѣе должны быть отвергаемы теоріи, которыя развиваются новѣйшими богословами о непогрѣшимости папы и по поводу опубликованія Силлабуса. Деллингеръ немедленно же написалъ Пюзю, который, по сообщенію Оксенгема, лѣтомъ 1866 г. хотѣлъ побывать въ Германіи. «Если вы сдѣлаете это, то, конечно, скоро посѣтите Мюнхенъ и остановитесь у меня, гдѣ въ нашемъ распоряженіи будутъ двѣ комнаты, и мы можемъ тогда спокойно переговорить съ вами о тѣхъ предметахъ, которые лежатъ у васъ и у меня на сердцѣ. Читая вашу «Ириниконъ», я убѣдился, что внутренно мы согласны въ нашихъ религіозныхъ убѣжденіяхъ, хотя виѣшне и принадлежимъ къ двумъ различнымъ церквамъ. Между нами не можетъ быть никакого разногласія во мнѣніи ¹⁾). О религіозномъ положеніи Германіи вообще никто, вѣроятно, не можетъ дать вамъ лучшаго поясненія, чѣмъ я. Если вы примете мое предложеніе, то окажете мнѣ великую радость.—О вашемъ превосходномъ «Ириниконѣ» я бы уже давно написалъ вамъ, если бы то, что я сказалъ бы о немъ, не слишкомъ было велико для одного письма (отъ 30 мая 1866 г.). А въ дополненіе къ этому онъ въ тотъ же день писалъ Оксенгему:... Вамъ «письмо» ²⁾) я прочелъ съ большимъ удовольствіемъ, однимъ духомъ; оно написано столь живо, столь краснорѣчиво и по мѣстамъ увлекательно, и, конечно, будетъ *seasonable* (сезоннымъ явленіемъ) въ Англии. Но теперь остается еще сдѣлать болѣе важное и трудное, и привести догматическія доказательства

¹⁾ Эти послѣднія два предложенія были написаны Деллингеромъ по англійски. И въ другихъ мѣстахъ онъ также пересыпалъ свое письмо англійскими фразами.

²⁾ Собственно статью Пюзю объ «Ириниконѣ, разсматриваемомъ въ отношеніи къ католическому единству». (*Dr. Pusey's Irinicon, considered in relation to catholic unity*).

что воссоединеніе возможно и необходимо чрезъ изъясненіе отдѣльныхъ ученій. Это было бы для васъ dignus vindice pudus. Для этого есть уже превосходныя предшествующія работы, напр. въ Англии Considerationes Форбеса, книга Давенпорта (Сенъ-Клара); въ Германіи Considerationes controversiarum Фабриція и др. Но что прежде всего нужно бы сдѣлать, это составить хорошо написанный, созданный на основѣ теперешняго состоянія богословія трудъ. Прежде всего, его могъ бы и долженъ написать Ньюманъ, но онъ едва ли сдѣлаетъ это, такъ какъ слишкомъ боится латинствующихъ зилотовъ (Ward, et hoc genus omne). А что, если бы вы сами посвятили этому дѣлу нѣсколько лѣтъ вашей жизни и вашихъ лучшихъ силъ? Вы вѣдь много моложе Ньюмана и, конечно, не столь щепетильны, какъ онъ. Это была бы услуга всему христіанскому міру.— Среди нѣмецкихъ епископовъ, которыхъ могъ бы съ пользою посѣтить Пюзей, можно назвать, прежде всего епископа мюнстерскаго (Мюллера), быть можетъ, наиболѣе умнаго, а затѣмъ также снисходительнаго и толковаго князя-епископа бреславскаго, Форстера, и Пельтрама, епископа трирскаго, если онъ поправится отъ своей болѣзни. На югѣ у епископовъ такому человѣку, какъ Пюзей, нельзя многому научиться. И все-таки нелише было бы посѣтить архіепископа бамбергскаго (Дейнлейна). Я предполагаю, что Пюзей мимоходомъ сдѣлаетъ визитъ также и новому архіепископу кельнскому (Мельхерсу). Онъ очень благочестивый человѣкъ и былъ нѣкогда моимъ ученикомъ. Пюзей могъ бы затѣмъ прибыть въ Мюнхенъ и поселиться у меня... Если отчетъ о совѣщаніяхъ пятисотъ (касательно воссоединенія) напечатанъ, то, быть-можетъ, вы могли бы прислать его мнѣ; я очень интересуюсь имъ. Среди авторитетовъ, приводимыхъ вами въ вашемъ «Письмѣ», особенно хорошо было бы выдвинуть авторитетъ кардинала Дипенброка, князя-епископа бреславльскаго. Этотъ превосходный человѣкъ, разсудительный, и съ уваженіемъ относящійся даже и къ протестантизму, насколько онъ правъ въ извѣстномъ отношеніи,—самый ученый прелатъ, какой только былъ въ нѣмецкой церкви въ новѣйшее время, въ своихъ пастырскихъ посланіяхъ, сборникъ которыхъ появился въ одпомъ томикѣ, и въ своей перепискѣ съ протестантами (напр. Пасавантомъ) сдѣлалъ весьма замѣчательныя заявленія, которыми вы съ успѣхомъ могли бы воспользоваться. Если вы думаете еще при случаѣ воспользоваться всѣмъ этимъ,

то напишите мнѣ, и я вышлю вамъ эти два сочиненія. Дипенброкъ и будучи кардиналомъ, былъ также рѣшительнымъ противникомъ ультрамонтанства, какъ показываютъ его письма».

Такимъ образомъ въ римско-католической части Германіи было еще не мало такихъ, которые не преклонили колѣнь предъ всепожирающимъ вааломъ—папствомъ, и Деллингеръ всегда могъ рассчитывать хотя бы на нравственную поддержку съ ихъ стороны въ случаѣ крайней нужды. Но тѣмъ яростнѣе свирѣпствовали и бѣсповались слуги этого ваала—оо. іезуиты, которые замыслили для него одну неприятность за другою, чтобы только не давать ему покоя и наконецъ совершенно извести этого ненавистнаго имъ вождя «исторической школы» въ богословской наукѣ.

А. Л—нь.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия — высшее учебное заведение Русской Православной Церкви, готовящее священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений, специалистов в области богословских и церковных наук. Учебные подразделения: академия, семинария, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта — ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта — проректор по научно-богословской работе священник Димитрий Юревич. Материалы журнала готовятся в формате pdf, распространяются на DVD-дисках и размещаются на академическом интернет-сайте.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки

Санкт-Петербургская
православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

А.П. Лопухин

**Игнатий Дёллингер
в его борьбе за церковную правду
(с 1861-1900 гг.)**

*Опубликовано:
Христианское чтение. 1902. № 12. С. 846-882.*

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия
(www.spbda.ru), 2009. Материал распространяется на основе
некоммерческой лицензии [Creative Commons 3.0](https://creativecommons.org/licenses/by/3.0/) с указанием
авторства без возможности изменений.

СПБДА
Санкт-Петербург
2009

ИГНАТІЙ ДЁЛЛИНГЕРЪ

ВЪ ЕГО БОРЬБѢ ЗА ЦЕРКОВНУЮ ПРАВДУ

(съ 1861 — 1890 гг.)

VI ¹⁾.

Ожесточенность партійной враждебности. Новая непріятность Дёллингеру.—Брошюра «Въ поученіе государямъ».—Болѣзнь Дёллингера и злорадство враговъ.—Коварная продѣлка іезуитовъ, поведшая къ разрыву съ Юргомъ.—Новый трудъ Дёллингера: «Историческій обзоръ Тридентскаго собора». Гекторская рѣчь: «Университы прежде и теперь».—Разборъ брошюры: «Въ поученіе государямъ».—Статья: «Римъ и Инквизиція».—Объявленіе о созывѣ Ватиканскаго собора.—Запрещеніе собранія въ Фрейбургѣ.—Собраніе епископовъ въ Фульдѣ.—Партійный подборъ богослововъ для собора.—Дёллингеръ о предстоящемъ соборѣ.

ПАРТІЙНАЯ враждебность имѣетъ ту пагубную особенность, что она съ непреклонною пастойчивостью преслѣдуетъ жертвы своей ненависти (которыми обыкновенно бывають наиболѣе даровитые и достойные лица) пользуясь при этомъ всѣмъ, за что только можно ухватиться какъ за поводъ. Если преслѣдуемый мужественно и отважно борется, защищая свои попираемые партій права, то его огласятъ на весь свѣтъ, какъ человѣка неуживчиваго, «неколлегіальнаго» и потому подлежащаго исключенію изъ общества или корпораціи, а если онъ, утомленный борьбой, смиренно

¹⁾ См. ноябр. кн. «Христ. Чтенія».

отступаетъ и устранивается отъ борьбы, то враги, злорадно торжествуя побѣду, всячески стараются добить его. То и другое пришлось испытать на себѣ Деллингеру. Когда онъ, еще полный силъ, находилъ возможнымъ «расправиться съ этой *Gesindel*» (какъ онъ однажды, выразился со всей энергіей своего раздраженнаго духа — см. въ ноябр. кн. «Христ. Чтенія» стр. 670) и дѣйствительно билъ своихъ враговъ могучими размахами своего остраго пера, то враждебная ему партія — всѣ эти іезуиты и ихъ ученики, часто носившіе уже епископскія митры, — кричали «караулъ» и взывали къ властямъ, прося укротить «неукротимаго», обезумѣвшаго-де отъ ученой гордыни Деллингера; а когда онъ, утомленный этой непосильной борьбой съ легіонами своихъ враговъ и, думая найти себѣ утѣшеніе, удалялся съ боевого поприща и старался всячески держаться въ сторонѣ отъ текущихъ дѣлъ и связанныхъ съ ними тревоженій, то ободрившіеся враги, оправившись отъ побоевъ, не только не давали ему покоя, а напротивъ злорадовались «пораженію» предмета своей ненависти и готовили ему все новыя и новыя пакости. Такъ случилось и теперь. Когда Деллингеръ, думая, что утомившая его враждебность быть можетъ стихнетъ и дастъ ему возможность свободнѣе отдаваться своимъ любимымъ научнымъ занятіямъ, дѣйствительно на время удалился отъ текущихъ дѣлъ, то онъ крайне ошибся въ этомъ: враги подготовили ему новую, еще болшую неприятность.

На богословскомъ факультетѣ въ Вюрцбургѣ, который почти съ 1752 года занимаемъ былъ учениками іезуитовъ, въ 1865, за не особенно похвальныя дѣянія уволенъ былъ въ отставку профессоръ Правдивости. Понятно, что іезуиты не преминули воспользоваться этимъ обстоятельствомъ, чтобы восполнить убыль въ своихъ рядахъ другимъ своимъ ученикомъ или, по меньшей мѣрѣ, нѣмецкимъ ученымъ, который бы сочувствовалъ ихъ направленію; и они ожидали тѣмъ менѣе встрѣтить сопротивленія въ этомъ отношеніи у правительства, что и само оно было не прочь вытѣснить не особенно удобныхъ для него проф. Шваба и Деппа, съ цѣлью замѣнить ихъ извѣстными приверженцами ультрамонтанства — Гергеротеромъ и Денцигоромъ ¹⁾. Новый

¹⁾ Гоз. Дом. Денцигеръ былъ одинъ изъ воспитанниковъ такъ наз. Collegium Romanum, находившагося подъ вѣдѣніемъ іезуитовъ. Яркій

министръ исповѣданія Кохъ, во всякомъ случаѣ не особенный сторонникъ іезуитовъ и не вполне незнакомый съ тамошними обстоятельствами, держался другого мнѣнія и не хотѣлъ, чтобы на богословскій факультетъ опять проникъ кто-либо изъ учениковъ іезуитовъ. Понятно, въ какую ярость пришли отцы іезуиты. Они немедленно повсюду начали трубить, что имъ опять вредить Деллингеръ, такъ какъ-де только онъ и его приспѣшники могли такъ настраивать министерство противъ нихъ. Немедленно же повсюду раскинута была сѣть шпіонства и даже въ бібліотекахъ старались узнать, какіе онъ тамъ читалъ книги и не бралъ ли особенно неприятой для іезуитской партіи книги Келера: «Воспоминанія бывшаго ученика іезуитовъ». Хотя Деллингеръ прямо доказывалъ, что онъ никакого вліянія на министерство не имѣлъ, тѣмъ не менѣе, въ глазахъ іезуитовъ онъ отселъ во всѣхъ дѣяніяхъ министра сдѣлался козломъ отпущенія, и противъ него теперь яростно возставали и ученики іезуитовъ, и сами іезуиты. Іезуитъ Фельдгаузъ, которому Деллингеръ еще недавно «дѣйствительно казался старымъ Деллингеромъ», не преминулъ написать ему нѣсколько писемъ, въ которыхъ, намекая на анонимнаго автора «Воспоминаній ученика іезуитовъ», указывалъ ему, на какой плохой авторитетъ опирается онъ. Еще болѣе грубук выходку сдѣлали противъ него ученики іезуитовъ. Изъ ихъ лагеря появилась брошюра подъ громкимъ заглавіемъ: «Въ поученіе государямъ. Предисловіе и послѣсловіе къ докладу министра исповѣданій Николая фонъ-Кохъ Его величеству королю Баварскому объ ультрамонтанствѣ, романизмѣ, схоластикѣ, нѣмецкой наукѣ, «Германской коллегіи» въ Римѣ и богословскомъ факультетѣ въ Вюрцбургѣ. Въ то же время дополненіе къ характеристикѣ умершаго и къ чести будущаго министра исповѣданій въ Баваріи. Лейпцигъ. 1866»¹⁾. Это былъ по-истинѣ іезуитскій трудъ! Анонимный сочинитель

ультрамонтанъ въ жизни и наукѣ, онъ въ своемъ главномъ сочиненіи «Четыре наблюденія въ области религ. познанія» (въ 2-хъ томахъ 1856 г.), а также въ *Enchiridion symbolorum et definitionum* старался «возвратить догматику съ ложныхъ путей новѣйшаго философ. умозрѣнія опять на путь старыхъ школъ». Онъ былъ однимъ изъ главныхъ противниковъ *гюнтеріанства*, окончательному осужденію котораго много и содѣйствовалъ.

¹⁾ Zur Belehrung der Könige etc. Leipzig 1866.

утверждаетъ о себѣ, что «авторъ этой книги не есть ни іезуитъ (что было бы хуже всего!), ни ученикъ іезуитовъ; онъ не учился ни въ Римѣ, ни въ Италиі, не былъ также въ «Германской коллегіи», но близко знаетъ многихъ изъ тѣхъ, которые тамъ получили образованіе,—и все-таки сказанъ никѣмъ инымъ, какъ Виллибальдомъ Аполлинаріемъ Майеромъ, секретаремъ ученика іезуитовъ епископа Сенестрея, который восемь лѣтъ былъ питомцемъ «Германской коллегіи» въ Римѣ ¹⁾. Въ сочиненіи разсматриваются слѣдующіе предметы: 1) романизмъ, схоластицизмъ и нѣмецкая наука; 2) новая мюнхенская школа и государственная власть въ Баваріи; 3) богословскій факультетъ въ высшей школѣ въ Вюрцбургѣ и докладъ г. на Коха; 4) поясненія къ докладу г. Коха и его мнѣнію объ ультрамонтанствѣ. Но цѣлью сочиненія было показать, что ученики іезуитовъ, всѣ окончившіе нѣмецкую гимназію и по большей части передъ своимъ пребываніемъ въ Римѣ или послѣ него посѣщавшіе нѣмецкія высшія школы, не чужды нѣмецкаго духа, и не только равны нѣмецкимъ ученымъ, но и превосходятъ ихъ. Они-де получили образованіе по единственно правильному учебному плану, по которому догматика есть главный предметъ, а остальные науки занимаютъ второстепенное положеніе, и поэтому одни только способны преподавать экзегетику и церковную исторію не односторонне, но съ правильнымъ пониманіемъ дѣла. Напротивъ, нѣмецкіе ученые, которымъ навязанъ правительствомъ заимствованный у протестантизма учебный планъ, преподаютъ экзегетику, церковную исторію и проч. науки безъ всякаго вниманія къ догматикѣ и, поэтому, односторонне,—не усвоивъ себѣ вполне положительной науки и поднавъ ложнымъ умозрительнымъ догматическимъ системамъ. Единственно правильная положительная догматика состоитъ въ томъ, чтобы «знать догматы, въ точности изучить библейскія въ ихъ пользу доказательства, опредѣленное ученіе отцовъ и средневѣковья, его

¹⁾ „Collegium Germanicum“—„Германская коллегія“ (какъ уже замѣчено было ранѣе) извѣстное высшее учебное заведеніе въ Римѣ, предназначенное собственно для нѣмцевъ, съ цѣлію воспитанія ихъ въ немъ въ духѣ ново-схоластической или іезуитской школы. Вышедшіе изъ нея питомцы, такъ называемые „Германіки“ были крайними ультрамонтанами, болѣе папстами, чѣмъ самъ папа, и не мало причиняли вреда и богословской наукѣ и церковно-религіозной жизни въ Германіи, внося въ нее чуждый ей духъ ультрамонтанства.

исторію и развитіе, а для этого нужно ясно представлять себѣ ихъ церковное значеніе». Какъ будто нѣмецкіе ученые или Деллингеръ, котораго Майеръ выставляетъ главою новой мюнхенской школы, иначе понимали задачу положительной догматики! Различіе между ними состояло лишь въ томъ, что нѣмецкіе ученые подвергали изслѣдованію внесенный въ догматику іезуитами шаблонный доказательный матеріалъ въ его доказательной силѣ, и подобно Деллингеру ставили вопросъ, насколько онъ дѣйствительно подлиненъ, и не нужно ли въ противномъ случаѣ устранить его. Понятно, что при такомъ методѣ неизбѣжно рушился бы цѣлый рядъ авторитетовъ и излюбленныхъ мнѣній іезуитовъ и др., особенно папская непогрѣшимость, непризнаваніе которой, по Майеру, было главнымъ преступленіемъ нѣмецкихъ ученыхъ. Между тѣмъ, они охотнѣе готовы были уничтожить нѣмецкихъ ученыхъ, чѣмъ допустить устраненіе излюбленныхъ ими неподлинныхъ авторитетовъ и основанныхъ на нихъ любимыхъ мнѣній, такъ какъ иначе съ нѣкоторыми изъ нихъ могло случиться то же самое, что случилось съ философомъ Францемъ Brentano, любимцевъ вюрцбургскихъ учениковъ іезуитовъ, о которомъ Деллингеръ рассказывалъ: «онъ много полагался на Тома Аквината, но когда я сказалъ ему, что Тома свое ученіе о непогрѣшимости основывалъ всецѣло на вымышленныхъ актахъ, то онъ былъ точно пораженъ молніей». Сочиненіе это съ его открытыми и скрытыми злобными выходками противъ Деллингера, съ его кляузами и извращеніями, однако, произвело повсюду большое возбужденіе и пробудило у этой партіи и у другихъ, неблагоприятно расположенныхъ къ Деллингеру лицъ необузданное злорадство. Въ другихъ кружкахъ настолько носились съ этимъ сочиненіемъ, что, когда Деллингеръ въ началѣ іюня схватилъ воспаленіе легкихъ, нѣкоторые члены богословскаго факультета прямо и нестѣсненно высказывались, что они были бы рады, если бы онъ умеръ. Но когда желаніе не осуществилось и Деллингеръ сталъ поправляться, то еще до полного его выздоровленія ненавистники ухватились за одно изъ самыхъ возмутительныхъ средствъ, чтобы произвести полный разрывъ между Деллингеромъ и Іоргомъ. 30 іюня Деллингеръ, взоидя на кафедру, «нашелъ записку (и это была не первая), въ которой его упрекали, что онъ проповѣдуетъ еретическія воззрѣнія». Такъ какъ Іоргъ именно въ этотъ день зашелъ къ Деллингеру, чтобы поблагодарить его за присылку некро-

логовь де-Рама, Лашпенберга и Гуртера, то тутъ-то и разлилась буря: «Какъ членъ католическаго казино, я долженъ знать объ этомъ; я оболгалъ великаго Герреса ¹⁾, я сталъ другомъ, а не онъ» (упрекалъ его Юргъ). Кратко опровергнувъ эту клевету, Деллингеръ, 7 іюля, въ болѣе длинномъ письмѣ упрекалъ его, что онъ «ни единымъ словомъ не опровергъ пущенной на богословскіе факультеты Германіи чудовищной клеветы, которая, какъ ему хорошо извѣстно, прежде всего направлена была противъ Мюнхена», и перешелъ къ «ново-ультрамонтантской» партіи, равно какъ старался выставить правленіе Максимилиана II въ неблагопріятномъ свѣтѣ. Эту раздраженность Деллингера, даже по отношенію къ своему бывшему другу, іезуиты и ихъ ученики не преминули истолковать въ томъ смыслѣ, что Деллингеръ, выздоравливая гѣломъ, заболѣлъ размягченіемъ мозга, и приписывали ему *idée fixe*. Къ счастью его, другіе видѣли всю злостность этой клеветы, и король Людвигъ II наградилъ Деллингера (9 іюня) крестомъ ордена Заслугъ Св. Михаила, а университетъ избралъ его (въ іюль) на должность *rector magnificus* на академическій 1866—1867 годъ, какъ бы въ доказательство того, что нападки на него со стороны враждебной партіи отнюдь не умалили общественнаго уваженія къ нему.

Осеннія каникулы Деллингеръ провелъ у Актона, въ его имѣніи Герсгеймъ, близъ Вормса, гдѣ онъ, съ помощью личной имѣвшей тамъ литературы, составилъ, изданный Рейшемъ въ его «Мелкихъ сочиненіяхъ», «Историческій обзоръ Тридентскаго собора», «не научную собственно работу, а только предназначенное для болѣе широкаго круга читателей популярное ориентированіе» о соборѣ. Съ помощью этихъ источниковъ онъ, однако, взглянулъ на соборъ иначе, чѣмъ обыкновенно смотрѣли на него: для него этотъ соборъ снизошелъ на степень одного изъ заурядныхъ итальянскихъ собориковъ, и на немъ дѣйствовали всецѣло находящіеся во власти Рима и папскихъ легатовъ епископы, такъ что, поэтому, онъ несправедливо носить названіе всеобщаго или вселенскаго. Деллингеру хотѣлось возможно яснѣе представить

¹⁾ Герресъ (Görges) — извѣстный въ свое время пѣмецкій ученый крайній ультрамонтанъ, не постѣсившійся назвать извѣстнаго кельнскаго епископа Дросте-Вишеринга за его упорное противленіе правительству, клерикала изъ клерикаловъ, „Аеанасіемъ Великимъ XIX вѣка“.

это дѣло, и онъ началъ, поэтому, собирать ненапечатанный матеріалъ въ Мюнхенѣ и въ другихъ мѣстахъ, гдѣ ему особенно помогаль Актонъ. Въ этой работѣ принималъ участіе и проф. Фридрихъ, и списывалъ мюнхенскія, а въ 1860 году и тридентскія рукописи, каковую работу въ 1868 и 1869 гг. продолжали, въ качествѣ его секретарей, Радпингеръ, а въ началѣ 1870 Вокеръ. Въ то же время и съ одинаковымъ усердіемъ онъ работалъ надъ окончаніемъ сбора источниковъ къ исторіи «Общества Іисуса» и къ исторіи папства.

Едва смолкъ шумъ войны, какъ Майеръ, во второмъ изданіи своей брошюры: «Въ поученіе царямъ», повторилъ свой бурный публичный навѣтъ, усиливъ его еще особымъ приложеніемъ. Отвѣтъ на эту клевету, повидимому, былъ неизбѣженъ, и тѣмъ не менѣе, Деллингеръ, по своемъ возвращеніи изъ Рима, предпочелъ лучше заняться составленіемъ предстоявшей ему ректорской рѣчи. Тема ея подсказывалась сама собою. При всеобщемъ враждебномъ настроеніи къ нѣмецкимъ университетамъ и ихъ богословскимъ факультетамъ, онъ, поставленный во главѣ одного изъ величайшихъ университетовъ, долженъ былъ по необходимости коснуться этого животрепещущаго вопроса, котораго, къ неудовольствію враждебной партіи, онъ впрочемъ касался уже и въ своемъ некрологѣ ректора католическаго университета Левена де-Рама. Это онъ и сдѣлалъ 22 декабря въ своей вступительной рѣчи: «Университеты раньше и теперь» которая вылилась у него въ восторженный панегирикъ нѣмецкимъ университетамъ и нѣмецкому народу.

Сдѣлавъ обзоръ исторіи университетовъ, онъ затѣмъ говорилъ: «Представимъ же себѣ теперешнее почетное положеніе нѣмецкихъ университетовъ, подумаемъ, что это мѣста, въ которыхъ часто возникаютъ, всегда поддерживаются и находятъ себѣ руководство всѣ лучшія и высшія направленія нѣмецкой духовной жизни, и примемъ при этомъ во вниманіе краткость того періода (какихъ-нибудь 50 лѣтъ), въ теченіе котораго совершился этотъ переворотъ, обнаружилась эта изумительная производительность во всѣхъ областяхъ знанія, и тогда мы должны будемъ признать, что едва ли можно указать въ мировой исторіи нѣчто параллельное.—Всѣ великія и прочныя завоеванія въ научной области сдѣланы, благодаря сочетанію различныхъ специальностей и наукъ въ отдѣльныхъ лицахъ. Въ наше время богословіе, какъ и юриспруденція, въ связи

съ филологіей, очищено, углублено и расширено въ связи съ философіей и исторіей. А медицина, чрезъ привлеченіе всѣхъ вѣтвей физическаго знанія, расширилась въ знаніе, обнимающее всего человѣка и окружающее его—органическую и неорганическую природу. Всѣ эти науки выиграли, какъ въ богатствѣ матеріала, такъ и въ надежности метода, слѣдовательно, въ истинѣ, онѣ сдѣлались факелами, которые свѣтятъ все болѣе усиливающимся, какъ и очищающимся пламенемъ. Теперь сдѣлалось гораздо легче выдѣлять болѣзненную матерію, открывать и устранять заблужденія.. Здѣсь передъ нами открывается истинное значеніе нѣмецкихъ университетовъ и ихъ ни чѣмъ другимъ незамѣнимая своеобразность. Въ нихъ всякое познаніе или ученіе возводится на степень научности и сообщается только въ такомъ видѣ; а это происходитъ именно благодаря тому, что всякое безпринципное разрозненное знаніе, безыдейная номенклатурность устраняются, и выставляются на видъ внутренняя необходимость, причинная связь отдѣльныхъ фактовъ или ученій, ихъ членосообразное положеніе въ организмѣ цѣлаго. Затѣмъ въ университетѣ факультеты и науки должны наблюдать другъ за другомъ и взаимно пополнять себя. Это совершается само собою, поскольку преподаватели постоянно сознаютъ солидарность всякаго познанія. Преподаватель долженъ выяснить это и своимъ ученикамъ, и «онъ достигнетъ этого, если приступить къ дѣлу не просто систематически, но въ то же время и исторически, если онъ наглядно изложитъ передъ своими слушателями весь генетическій процессъ, пережитый его спеціальностью, чтобы достигнуть своей теперешней стадіи, — слѣдовательно, изложить всѣ эпохи въ развитіи этой науки»... Университеты «ставятъ или отводятъ каждому свое мѣсто и въ тоже время требуютъ отъ него, чтобы онъ, будучи членомъ великаго организма, всегда улавливалъ бы хотя частицу истины и въ состояніи былъ сдѣлать хотя бы небольшой вкладъ въ дѣло рѣшенія великой научной задачи. Тутъ, вѣроятно, кроется и причина того, почему Германія повже всѣхъ культурныхъ народовъ, и долго безъ особеннаго успѣха, усвоила себѣ учрежденіе университетовъ, а въ настоящее время именно сдѣлалась классической страной университетовъ и довела ихъ до такого объема, до такой научной полноты и обстоятельности, что безспорно не только превосходить въ этомъ отношеніи всѣ другіе народы, но,

можно сказать, одна только и обладает настоящими университетами». Это становится яснымъ изъ обзора состоянія университетовъ въ отдѣльныхъ странахъ, причемъ, однако, не нужно упускать изъ вида того замѣтнаго у нѣкоторыхъ преимуществъ, какъ нар. въ College de France, что она обладаетъ и кафедрой для славянскихъ языковъ и литературы, «что обыкновенно упускается въ Германіи, но чего не слѣдовало бы упускать въ высшей школѣ перваго ранга»; не нужно упускать изъ вида и того преимущества англійскихъ университетовъ, что въ нихъ существуютъ коллегіи или бурсы, нѣчто подобное которымъ нелишне было бы устроить и для нѣмецкаго учащагося юношества. Только 21 университетъ Италіи «съ внѣшней стороны похожи на нѣмецкіе, хотя они по большей части не имѣютъ богословскихъ факультетовъ, потому что въ Италіи духовенство получаетъ образованіе исключительно въ епископскихъ семинаріяхъ и, поэтому, широкою пропастью отдѣлено отъ образованныхъ классовъ и чуждо ихъ міросозерцанія... Въ этой старой родинѣ цивилизаціи и высшихъ школъ, въ странѣ, которая нѣкогда была учительницей культурныхъ народовъ, научное богословіе находится въ такомъ пренебреженіи, что оно въ большинствѣ университетовъ не имѣетъ даже номинальнаго представительства, и духовенство, самое многочисленное, какимъ только въ пропорціи къ своему населенію обладаетъ какой-либо европейскій народъ, вполне довольное получаемымъ имъ въ 217 семинаріяхъ элементарнымъ образованіемъ, за немногими исключеніями, не знаетъ потребности въ высшемъ научномъ образованіи. И такъ тамъ обстоитъ дѣло не въ теченіе десятилѣтій только, а уже очень давно. Кто не знаетъ этого положенія дѣлъ, тому должны оставаться непонятыми, конечно, недавнія событія въ Италіи и ихъ главная причина, именно всеобщее, съ неуваженіемъ сочетающееся, отвращеніе мірянъ изъ среднихъ и высшихъ классовъ къ духовенству». Такимъ образомъ, на основаніи знакомства съ не-нѣмецкими университетами, мы приходимъ къ положенію, что университеты со всѣми ихъ преимуществами и отчасти исцѣлимыми, отчасти неисцѣлимыми недостатками, составляютъ самую адекватную форму, въ которой нѣмецкая индивидуальность получаетъ свое выраженіе, а его духовная потребность — свое удовлетвореніе. Эта смѣсь свободы и подчиненности, корпоративнаго ограниченія и самоопредѣленія у учителей и учениковъ, а

особенно взаимообщеніе, въ которомъ учитель безъ стѣсненія сообщаетъ все то лучшее, чѣмъ обладаетъ самъ, а ученикъ принимаетъ съ благодарностью и признательностью, равно какъ и исходящее отъ учителя поощреніе къ самостоятельному мышленію и изслѣдованію, и исходящее отъ слушателей столь же благодѣтельное и незамѣнимое для учителя возбужденіе, благодаря которому его производительность находится въ постоянномъ возрастаніи. — все это такія вещи, въ которыхъ заключается прелесть и преимущество университетской жизни, и въ нихъ лежатъ также и причины того, что университеты сдѣлались специфически-нѣмецкимъ учрежденіемъ. Въ этой формѣ воплотился нѣмецкій, направленный къ ученію и наукѣ духъ и повсюду, гдѣ только проявляется нѣмецкая жизнь, тамъ непременно возникаетъ и нѣчто похожее на наши высшія школы.

«Нѣмцы, безспорно, есть самый универсальный среди народовъ; въ его нѣдрахъ покоится истинно человѣческое, міровое въ большей полнотѣ, чѣмъ у кого-либо изъ другихъ культурныхъ народовъ. Поэтому, нѣмецъ чувствуетъ себя внутренне сроднымъ всякому изъ великихъ народовъ по ихъ лучшимъ качествамъ, и менѣе ощущаетъ отталкивающую силу чуждаго народнаго быта... Нѣмецъ оказывается всегда мягче, уступчивѣе другихъ, и даже его языкъ обыкновенно отступаетъ передъ вторженіемъ чужого языка. Если вслѣдствіе этого нѣмецъ подлежить упреку въ извѣстной космополитической расплывчатости; если онъ, какъ показываетъ опытъ въ нашихъ пограничныхъ странахъ и въ нашихъ переселенцахъ, легко поддается поглощенію со стороны чуждой, болѣе устойчивой народности, то все-таки именно то богатство, та многосторонняя подвижность нѣмецкаго существа, его способность съ признательностью и даже любовью относиться ко всѣмъ чужимъ преимуществамъ, усвоить ихъ себѣ и немедленно усовершенствовать—это-то именно и дѣлаетъ нашъ народъ центральнымъ народомъ человѣчества... Нѣмцу присущъ даръ понимать настроеніе и стремленія другихъ народовъ, и проникать въ самые его корни». Это можно бы «назвать высшимъ смысломъ справедливости. Но насколько онъ проявляется въ наукѣ и литературѣ, я могу назвать его также историческимъ смысломъ нѣмцевъ, и могу также утверждать, что они обладаютъ этимъ смысломъ въ болѣе высокой степени, чѣмъ всякій другой народъ... Я могъ бы, пользуясь изреченіемъ Гете, сказать, что

нѣмецкій духовный глазъ ярче всѣхъ другихъ. Это доказы-
ваетъ рядъ нѣмецкихъ ученыхъ, которые были упомянуты выше
и труды которыхъ обсуждались. И однако, еще лучше, чѣмъ
въ отдѣльныхъ личностяхъ творческая сила нѣмецкаго исто-
рическаго смысла, могучее стремленіе все усвоить себѣ и
преобразовывать сообразно съ лежащими въ его существѣ,
законами открывается передъ нами въ теперешнемъ состояніи
отдѣльныхъ наукъ, какъ онѣ преподаются въ нашихъ выс-
шихъ школахъ и разрабатываются въ литературѣ.

Прежде всего, нѣмецкій историческій смыслъ находитъ
богатую пищу въ богословіи, которое именно потому, что
христіанство есть фактъ, исторія по преимуществу, носить
историческій характеръ и, сообразно съ нимъ, должно быть
изслѣдуемо и построено. Поэтому, Германія сдѣлалась также
классической страной богословія, изъ запасовъ которой бого-
словскіе писатели и другихъ народовъ—Англіи, Америки и
др. — извлекають силу и питаніе». Тоже самое бываетъ и съ
науками другихъ факультетовъ. Имъ не достаетъ только
одного, — «истинной философіи исторіи». «И однако, на такихъ
основахъ, какъ онѣ изложены были выше, въ будущемъ и
она созрѣетъ, какъ одинъ изъ благороднѣйшихъ плодовъ на
древѣ познанія, въ нашихъ высшихъ школахъ. Конечно,
теперь уже миновало и устраниено то начатое Фихте и про-
долженное Гегелемъ заблужденіе, которое все богатое содер-
жаніе исторіи втискиваетъ въ узкую и неподвижную схему,
своимъ механизмомъ логической конструкціи, на мѣсто повсюду
проявляющейся въ исторіи личной свободы, ставить мертвую
необходимость, и жизненное содержаніе исторіи ниводитъ
къ простымъ умственнымъ опредѣленіямъ. Въ будущемъ фило-
софія исторіи будетъ считаться труднѣйшимъ, но быть можетъ,
и драгоцѣннѣйшимъ результатомъ академической учености,
способнымъ показать, что есть духовныя силы, идеи, которыя
господствуютъ во всемирной исторіи и образуютъ ее; она
будетъ изслѣдовать эти идеи, ихъ воплощеніе и дѣйствіе
черезъ всѣ періоды и измѣненія и приводить къ признанію
проникающаго ее плана божественнаго міроуправленія, который
одинъ только и можетъ сдѣлать исторію понятной... «Универ-
ситеты вообще еще пользуются довѣріемъ народа». И громкимъ
и выразительнымъ свидѣтельствомъ этого довѣрія было то,
что 118 профессоровъ отправлены были на франкфуртскій
парламентъ. «Правда: довѣріе это не было вознаграждено; но

«ни корпораціи, ни ихъ члены, не призваны и не способны вторгаться въ сумятицу и интриги политическихъ партій, а гдѣ это еще бываетъ, или гдѣ они противъ своей воли оказываются втянутыми въ нихъ, тамъ они постоянно терпятъ поражение. А такъ какъ, наконецъ, міромъ движуть, и въ исторіи человѣчества имѣютъ рѣшающее значеніе все-таки великія мысли, а не матеріальные интересы и страсти, то, какъ раньше, такъ и теперь, высшія школы будутъ исполнять свою задачу и оправдывать довѣріе, что имъ подсилна эта задача. Какъ раньше, такъ и теперь, онѣ, въ виду того, что нѣмецкій народъ постоянно растетъ, постоянно находится въ живомъ развитіи, будутъ служить для этого народа посредниками между его прошедшимъ и настоящимъ, онѣ будутъ ориентировать его касательно его настоящаго и показывать ему истинное примиреніе необходимыхъ, во всякое время вновь выступающихъ противоположностей; онѣ будутъ, наконецъ, помотать ему готовить свое будущее.

Въ заключеніе, послѣ обращенія ко всему студенчеству, Деллингеръ чувствовалъ потребность обратиться съ особымъ словомъ къ студентамъ богословія: «Вы избрали себѣ науку, которая заявляетъ и должна заявлять притязаніе на то, чтобы сводить къ ней всѣ остальные; чтобы онѣ нуждались въ ней, какъ въ основоположеніи и краеугольномъ камнѣ. Но само богословіе можетъ лишь тогда доказать, что ему дѣйствительно принадлежитъ такое царственное достоинство среди другихъ наукъ, если оно съумѣетъ пользоваться помощью своихъ сестеръ, если оно будетъ имѣть въ себѣ достаточно широты и достаточно всеобъемлемости, а также будетъ обладать достаточно самоувѣренностью для того, чтобы усвоить себѣ подлинный, благородный, изъ духа мастерскихъ нашихъ факультетовъ добываемый металлъ, лучшіе плоды всѣхъ вѣтвей великаго древа познанія, и, по возможности, приумножать этотъ залогъ. Горе богословію и горе его ученикамъ, если оно, какъ слабоверная женщина, стало бы отстраняться отъ всякаго свѣжаго воздуха изслѣдованія; если бы оно отстраняло отъ себя (или даже не отъ себя, а только отъ богослововъ) всякое неудобное событіе исторіи, какъ слишкомъ жесткую, не подходящую къ его слабой конструкціи пищу. Именно въ томъ заключается для него жизнь или смерть, что разрабатывающіе его ученые въ наивысшей чистотѣ охраняютъ тотъ историческій смыслъ, который заключается въ

признаніи всѣхъ чужихъ преимуществъ и благъ, въ полной оцѣнкѣ всѣхъ, находимыхъ въ другихъ областяхъ, истинъ. Γίνεσθε τραπεζίται δόξιοι, — «будьте добрыми мѣнялами», сказалъ Христосъ, по древнему преданію, своимъ ученикамъ. Будемъ же пользоваться искусствомъ, — надлежащимъ образомъ различать подлинныя и неподлинныя монеты въ царствѣ духовъ, полную и половинную истину, полное и половинное заблужденіе, во всякомъ увеличеніи, во всякомъ одностороннемъ или ложномъ утвержденіи опытнымъ глазомъ находить и выдѣлять примѣшавшееся зерно истины, а не осуждать, не разсмотрѣвъ хорошенько, или только по одному поверхностному сужденію и звуку, не отрицать предубѣжденно цѣлыя области чужой науки, какъ будто бы она находилась подъ властью бѣсовскихъ силъ. Я не предвижу отъ такого расширенія вашего кругозора никакихъ опасностей для васъ». Абстракціи пантеизма, который хотѣлъ бы низвергнуть съ престола живаго личнаго Бога, совѣсти и религіи, вы отстраните отъ себя уже вслѣдствіе ихъ внутреннихъ противорѣчій. Равнымъ образомъ устранились вы и отъ системы, которая открыто отрицаетъ свободу человѣческой воли или въ своихъ выводахъ приводитъ къ тому, «потому что эта свобода слишкомъ глубоко и твердо коренится въ вашемъ внутреннѣйшемъ самосознаніи, такъ что, если бы внезапно была потрясена прирожденная намъ увѣренность въ нашей свободѣ воли, она все-таки скоро опять побѣдоносно воспрянула бы внутри насъ, хотя бы уже вслѣдствіе невольнаго чувства противорѣчія между разумомъ и волей. Но менѣе всего вы позволите проникнуть въ вашу среду матеріализму и поддаться убѣжденію, «что человѣкъ только есть болѣе тонко организованная обезьяна, мысли суть только выдѣленіе мозга». Theologus sum, nihil divini a me alienum puto — ничто божественное, слѣдовательно, ничто истинное, — потому что всякая истина первоначально происходитъ отъ Бога, — не должно быть чуждо намъ; нужно только обладать тѣмъ истиннымъ магнитомъ, который повсюду вытягиваетъ изъ окружающей и часто скрывающей его оболочки и привлекаетъ къ себѣ все истинное. Такъ нѣкогда великіе мужи александрійской школы понимали свою задачу предъ лицомъ греческой философіи и естествознанія... Тутъ все равно, какъ въ Магометовомъ раю, гдѣ, какъ только первое дерево кричитъ блаженному: «сорви себѣ мой плодъ, онъ

сладокъ», немедленно и другое дерево кричить ему: «сюда, ко мнѣ, мои плоды еще лучше». Отдѣльный человекъ, при всей жаждѣ знанія, былъ бы подавленъ тяжестью этой исполнинской задачи. Но, что невозможно ему, то по крайней мѣрѣ приблизительно, можетъ удасться соединеннымъ стремленіямъ и трудамъ единомышленниковъ».

Все собраніе съ напряженнѣйшимъ вниманіемъ и восторгомъ слѣдило за этою замѣчательною рѣчью оратора. Друзья, какъ Швабъ, называли эту рѣчь «превосходнымъ вооруженнымъ походомъ», и предсказывали, что она не можетъ остаться безъ успѣха; а Гельферъ изъ Праги выражалъ желаніе, чтобы эту «въ высшей степени благовременную рѣчь официально заставили выучить наизусть всѣхъ тѣхъ, которые, прямо или косвенно, занимаются университетскими дѣлами». Но, конечно, не приминули въ то же время немедленно напасть на него тѣ вожаки партіи, которые, все спасеніе видѣли въ проникновеніи римскимъ духомъ и въ устраненіи всякаго свѣжаго дыханія въ области изслѣдованій, и именно то, что Деллингерь восхвалялъ въ нѣмецкомъ народѣ, считали его тягчайшимъ заблужденіемъ. Несомнѣнно, дополненіемъ этой рѣчи служить статья: «О брошюрѣ Въ назиданіе царямъ», которая первоначально появилась въ «Аугсбургской Всеобщей Газетѣ». Сама по себѣ статья эта не вызывалась необходимостью, потому что, безъ сомнѣнія, Рейшъ былъ правъ, что «памфлеты, въ родѣ этого, принадлежать къ самому плохому оружію, которымъ вообще можно бороться», и чтобы такую статью можно было повліять на бюрократію или оказать другое воздѣйствіе, этого Деллингерь также не могъ ожидать, такъ какъ епископомъ эйхштетскимъ именно опять былъ назначенъ ученикъ іезуитовъ. Но дѣло было въ высшей степени важно, и начавшаяся борьба должна была такъ или иначе закончиться—побѣдой или пораженіемъ. Въ этой статьѣ, имѣющей необычайное значеніе для исторіи богословія въ Германіи, онъ жалуется, что какъ въ министерствѣ исповѣданій, такъ и среди выставляющихъ себя передовыми богословами, господствуетъ самое смутное понятіе о смыслѣ и задачахъ богословія. Такъ, даже такой ученый представитель богословія, какъ іезуитъ Курчи, какъ видно изъ его статей, «не имѣетъ даже ни малѣйшаго понятія о научныхъ задачахъ богословія и притомъ, быть-можетъ, еще чувствуетъ непреодолимый страхъ передъ историческими изслѣдованіями, потому

что опасается, что они могут разрушить нѣкоторыя излюбленные имъ мнѣнія, какъ мнѣнія о подлинности Константина дара или о непогрѣшимости папы. Но христіанство во всемъ своемъ существѣ исторично, и, поэтому, отрѣшенное отъ исторіи, оно будетъ беспочвеннымъ со всей системой своего ученія. Не понимая этого, сторонники ново-схоластической школы всячески заподозрѣваютъ научныя работы и все направленіе богослововъ нѣмецкаго образованія, считая его анти-церковнымъ, причѣмъ доходятъ до того, что не останавливаются передъ распространѣніемъ клеветъ на частную жизнь ненавистныхъ имъ ученыхъ. «Цѣль для нихъ освящаетъ средство». «Самый этотъ памфлетъ отнюдь не есть изолированное произведеніе, но находится въ связи съ цѣлымъ рядомъ мѣропріятій, которыя всѣ направляются къ той же цѣли, именно, къ подавленію научнаго духа въ католицизмѣ, къ возвышенію мертваго авторитета, который стремится побороть идеи вѣка дисциплинарнымъ принужденіемъ и мѣрами насилія». Затѣмъ слѣдуетъ краткая исторія католическаго богословія въ Германіи съ уничтоженія ордена іезуитовъ, который почти исключительно владѣлъ монополіей въ богословіи, но, «при его отвращеніи ко всѣмъ историческимъ и экзегетическимъ изслѣдованіямъ, въ Германіи придавъ богословію отпечатокъ полнѣйшаго схоластизма, вслѣдствіе чего тамъ неизбѣжно должна была наступить полнѣйшая бесплодность въ католической богословской литературѣ». «Дѣло могло улучшиться только въ томъ случаѣ, если бы оставили этотъ старый схоластическій методъ и ввели новый, покоющійся на основательныхъ библейскихъ историческихъ и патристическихъ изысканіяхъ. Такъ именно и случилось, когда въ 1817 году открытъ былъ богословско-католическій факультетъ въ Тюбингенѣ, а по его образцу начались труды въ Фрейбургѣ, Гиссенѣ, Мюнстерѣ, Боннѣ, Бреславлѣ, Вюрцбургѣ и Мюнхенѣ. Въ Римѣ, который въ это время занятъ былъ другими дѣлами, смотрѣли на это движеніе спокойно. Противодѣйствіе ему началось лишь съ того времени, какъ іезуиты (съ 1849 г.) приобрѣли вліяніе на Пія IX, стали заботиться о болѣе строгомъ проведеніи тридентскаго постановленія о семинаріяхъ, добиваться восстановленія схоластики Тома Аквината, какъ нормальной богословской и философской системы, стремились къ утвержденію непогрѣшимости папы въ качествѣ догмата и къ

низверженію всякаго противодѣйствія ихъ намѣреніямъ въ дѣлѣ возстановленія устарѣлаго учрежденія конгрегачіи Индекса, гдѣ имъ принадлежитъ рѣшающій голосъ. Въ своемъ, въ 1849 г. основанномъ журналѣ *Civiltà Cattolica*, редактированіе котораго, папскимъ бреве отъ 12 февраля 1866 г., возведено даже на степень своего рода конгрегачіи, они начали ожесточенную войну со всей цивилизаціей настоящаго времени во всѣхъ ея областяхъ, — каковую они «обыкновенно ведутъ грубымъ и невѣжественнымъ образомъ». «Они, напр., защищаютъ рабство и лоттерей; обвиняютъ тѣхъ, которые подають голосъ за отмѣну смертной казни, въ самыхъ дурныхъ намѣреніяхъ и развращенности; восхваляютъ инквизицію, какъ «величественное зрѣлище общественнаго преуспѣянія»; утверждаютъ, что свобода совѣсти прямо противорѣчитъ христіанству и ведетъ къ атеизму; отвергаютъ свободу изслѣдованія и объявляютъ схоластическую философію за философію церкви; мало того, они не стыдятся даже открыто высказывать, что уже самый языкъ въ не-итальянскихъ религіяхъ и философіяхъ для итальянскаго уха звучитъ чѣмъ-то варварскимъ и отзывается заблужденіемъ для итальянскаго духа». Папская непогрѣшимость по ихъ мнѣнію, должна распространяться на политическія и соціальныя проблемы, и послѣдовавшія съ 1859 года папскія заявленія о необходимости церковнаго государства «непогрѣпимы», а римскій народъ, подобно іудейскому, есть народъ Божій, потому что онъ находится подъ властью папы. Вѣрный отголосокъ *Civiltà* съ 1850 г. пашла себѣ въ Германію въ майнцкомъ «Католикѣ», который, подобно своему прототипу, не переставалъ на всю Германію трубить сочиняемыя и проповѣдуемыя іезуитами въ ультрамонтанскомъ духѣ измышленія. Не ограничиваясь этою проповѣдью, «Католикъ» немилосердно преслѣдовалъ своими инсинуаціями и доносами всѣхъ болѣе или менѣе выдающихся профессоровъ Германіи, съ цѣлью добиться ихъ увольненія и назначенія на ихъ мѣсто представителей и поборниковъ ново-схоластицизма. Этимъ нареканіямъ и клеветамъ подверглись профессора Гейнрихъ, Муфангъ, Гиршеръ и др. А проф. Гугъ ¹⁾, быть

¹⁾ Леоп. Гугъ (Hug) фрѣйб. профессоръ, авторъ «Введенія въ Св. Писаніе Н. Завѣта» въ двухъ томахъ 1808 г., 4-е изд. 1847 г. и др., умеръ въ 1846 г.

можетъ, величайшій католическій богословъ новаго времени въ области новозавѣтной науки, не оставленъ былъ въ покоѣ даже послѣ своей смерти, и былъ обвиненъ въ приверженности къ гермесіанству. Штауденмайеръ избѣгъ гонительства, только благодаря смерти ¹⁾. Въ Вюрцбургѣ проф. Швабъ и Денпишъ были вытѣснены съ цѣлью очистить мѣсто для іезуитскихъ учениковъ Гергенротера и Денцингера. Въ 1857 г. «Философія Гюнтера подверглась осужденію со стороны конгрегациі Индекса. и, по увольненіи его изъ вѣкскаго университета, на его мѣсто былъ приглашенъ одинъ іезуитъ и одинъ доминиканецъ, чтобы преподавать тамъ систему Фомы Аквината, и въ томъ же году переданъ былъ іезуитамъ и богословскій университетъ въ Иннсбрукъ. По мнѣнію «Католика», теперь только въ Австріи богословская наука приняла величественные размѣры,—хотя доселѣ мы напрасно ожидаемъ результатовъ ея: въ австрійскомъ духовенствѣ, съ научной культурой дѣло идетъ еще хуже, и изъ этого научнаго рая не вышла еще ни одна болѣе или менѣе замѣчательная книга. Въ Бреславлѣ, первой его научной силѣ, проф. Бальцеру ²⁾,—хотя онъ и присоединился къ мнѣнію конгрегациі Индекса о Гюнтерѣ,—запрещено было княземъ-епископомъ вновь приступить къ его учебной дѣятельности, а взаменъ его приглашенъ былъ Леммеръ, получившій свое послѣднее образованіе въ Римѣ у іезуитовъ. Самые выдающіеся преподаватели въ Тюбингенѣ, Кунъ и Гефеле, подвергались постояннымъ нападкамъ, и особенно первый былъ причиною

¹⁾ *Штауденмайеръ* (I. Ant. Staudenmaier) извѣстный авторъ сочиненіи «Іоаннъ Скоттъ Эригена и наука его времени»; «Энциклопедія богословской науки»; «Духъ божественнаго откровенія или наука историч. принциповъ христіанства»; «Философія христіанства или метафизика Св. Писанія»; «Протестантизмъ въ его сущности и развитіи» въ трехъ томахъ; «Христіанская догматика» въ 4-хъ тт. и пр. Его памяти посвященъ рядъ статей въ «Международ. Богосл. Обзорніи»; умеръ въ Фрейбургѣ въ 1856 г.

²⁾ *Бальцеръ* (Baltzer J. V.) сначала ученикъ Гюнтера, позже подчинился Риму, но не смотря на это остался въ подозрѣніи и ему предложено было добровольно оставить свою профессуру въ Бреславлѣ. Когда онъ отклонилъ это предложеніе, то князь епископъ Ферстеръ лишилъ его мѣсса сапопса и трети его кононич. доходовъ, а когда онъ высказался противъ догмата папской непогрѣшимости, то у него отняты были и остальные ²/₃ доходовъ. За нимъ осталось только правительственное жалованье, которымъ онъ пользовался до смерти († 1871).

благочестиваго негодованія папистовъ. А въ Мюнхенѣ появился призракъ новой мюнхенской школы, хотя уже въ теченіе десятилѣтій тамъ преподають одни и тѣ же старые профессора, и преданность церкви и ревность ихъ къ наукѣ стояла внѣ всякаго сомнѣнія и у профессоровъ, въ послѣдніе годы вступившихъ въ факультетъ. И противъ Деллингера нельзя было выступать съ честнымъ оружіемъ. Но какъ іезуиты, за неимѣніемъ средствъ дискредитировать Тейнера изъ-за его сочиненія о Климентѣ IV, не постѣснились наконецъ объявить его душевно-больнымъ, такъ они же не преминули распространять подозрѣніе и касательно католическаго направленія Деллингера, «потому что онъ не раздѣляя крайнихъ мнѣній о необходимости свѣтской власти папы, что способно-де подвергнуть сомнѣнію весь авторитетъ церкви, и потому, что его историческое изслѣдованіе не позволяетъ ему держаться іезуитскаго ученія о папствѣ. Подобно тому, какъ іезуиты омрачили вечеръ жизни маститаго Гюнтера, такъ тѣмъ же самымъ они хотѣли отблагодарить и Деллингера. «Интригами противъ мюнхенскаго богословскаго факультета, равно какъ и вслѣдствіе все болѣе и болѣе усиливающагося водворенія студентовъ богословія въ епископскихъ заведеніяхъ, удалось уже достигнуть того, что посѣщеніе ими лекцій Деллингера въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ все болѣе уменьшалось, и факультетъ долженъ бы былъ закрыть свои чтенія, если бы здѣсь не находилось Collegium Georgianum. Мало того: дѣло дошло до того, что стали заурещать (какъ это сдѣлалъ ученикъ іезуитовъ епископъ Сенестрей) посѣщеніе университета кандидатамъ священства даже подъ страхомъ наказанія... Покойный король Максимилианъ, узнавши объ этомъ, потребовалъ отъ богословскаго факультета въ Мюнхенѣ особаго отчета; онъ былъ изготовленъ, но не дошелъ до рукъ короля. Изъ всего этого ясно, какая цѣль имѣлась въ виду при учрежденіи богословскаго факультета въ Шпейерѣ... Семинаріи для мальчиковъ, предложенныя соборомъ тридентскимъ въ то время, когда только-что стали возникать наши гимназіи, не только возбуждаютъ сомнѣніе въ отношеніи научнаго, односторонне направленаго образованія, но и прямо возникаетъ вопросъ, согласимо ли оно съ нравственными требованіями нашего времени и нашей страны. Если бѣдные родители, обѣщаніемъ дароваго воспитанія, склоняются къ отдачѣ своихъ дѣтей въ

званіе, связанное съ обязанностями, исполнить которыя не всякому подь силу, или даже прямо принуждаются къ этому искусственно сдѣланнымъ складомъ ихъ житейскаго положенія, то «что благотворнаго можетъ отсюда произойти для духовнаго сословія, и какъ это духовное рабство мирится съ христіанствомъ и идеями гуманности нашего времени? Не заинтересовано ли государство въ томъ, чтобы надъ его сочленами не производилось подобнаго насилія, или послѣдніе не имѣютъ ли право рассчитывать на помощь государства въ дѣлѣ обезпеченія ихъ личной свободы? По ученію журнала «Civiltà», духовенство, образованное по принципамъ проповѣдуемымъ имъ должно относиться ко всей культурѣ нашего вѣка безучастно и даже враждебно, и поэтому только и способно вызывать вредныя столкновенія между церковью и государствомъ.

«А что же далѣе означаетъ то, что теперь хотятъ систему *Томы Аквината* отождествить съ ученіемъ церкви? Средневѣковая церковь стояла выше партій и держалась противоположнаго номизму направленія. Мало того: епископъ парижскій Тампье уже въ 1270 и 1276 гг. осуждалъ его принципы. Недавно и проф. Ойшингеръ указалъ въ системѣ *Томы Аквината* элементы, непримиримые съ догматомъ¹⁾. Но въ Римѣ не сдѣлали даже и попытки къ опроверженію его книги, а занесли ее въ индексъ. Не есть ли это признакъ грубаго невѣжества, когда требуютъ, что Платона и Аристотеля нужно понимать на основаніи ученія *Томы*? И какъ могутъ іезуиты теперь стараться о томъ, чтобы привозгласить ученіе *Томы* своего рода символической книгой, когда они раньше, даже въ основныхъ положеніяхъ, были его горячими противниками, и весь доминиканскій орденъ единогласно объявилъ ихъ злѣйшими искажителями его?»

«Что собственно означаетъ новосхоластическая школа, это послѣ всего сказаннаго не нуждается болѣе ни въ какихъ дальнѣйшихъ объясненіяхъ». Со всѣмъ этимъ движеніемъ связывается ученіе о папской непогрѣшимости, особенно тогда, когда іезуиты становятся совѣтниками папы, и когда папская энциклика 1864 г., съ присоединеннымъ къ ней силлабусомъ, извлеченіемъ изъ ученій «Civiltà», объявляются за произнесенные *ex cathedra* и потому непогрѣшимыми. Тогда въ

¹⁾ Именно въ своемъ сочиненіи «Умозрительное богословіе *Томы Аквината*», занесенномъ въ Индексъ запрещенныхъ книгъ.

католической церкви должны бы быть и политическіе, и социальныя догматы. Но «нужно быть пораженнымъ слѣпотою чрезмѣрнаго фанатизма, чтобы не видѣть крайней опасности, которая неизбѣжно возникаетъ отсюда для авторитета католической церкви».

Но, не смотря на эту рѣзкую полемику противъ новосхоластической школы, Деллингеръ все-таки признавалъ ее, когда она дѣйствительно давала крупныя произведенія. Такъ, онъ писалъ къ министру исповѣданій Грессеру, затребовавшему отъ него мнѣнія о сочиненіи Гергенрöтера «Фотій» (Т. I): «Трудъ... на сколько онъ вышелъ доселѣ, есть солидная, на основательномъ изученіи источниковъ покоющаяся работа, и автору нельзя отказать въ прилежаніи, выдержанности и осмотрительности... Вслѣдствіе того, что онъ всѣ подтвердительныя мѣста счелъ нужнымъ напечатать въ примѣчаніяхъ, книга разрослась до необычайнаго объема; но этотъ приемъ имѣетъ ту выгоду, что ссылки и сужденія автора всегда можно проверить и контролировать въ самомъ источникѣ. Тонъ и настроеніе автора вообще спокойны, умѣренны, и если замѣтна нѣкоторая партійность, то все-таки она, насколько я могу замѣтить, не слишкомъ вредитъ дѣлу. Авторъ не высказываетъ *всей* истины, но онъ избѣгаетъ и всякаго положительнаго искаженія ея. Въ общемъ нельзя не признать, что этотъ трудъ принадлежитъ къ лучшимъ, въ новѣйшее время съ католической стороны появившимся, историческимъ произведеніямъ» (отъ 12 дек. 1866) ¹⁾.

До какой степени въ это время доходило мракобѣсіе іезуитской партіи показываетъ та наглость, съ которою іезуитскіе органы прославляли на весь міръ самыя постыдныя дѣянія темныхъ вѣковъ папизма. Такъ пресловутая «Civiltà» не постѣснилась написать, что «инквизиція есть возвышенное зрѣлище общественнаго совершенства». Это наглое выраженіе, до

¹⁾ Это мнѣніе Деллингера объ известномъ сочиненіи Гергенрöтера обнаруживаетъ въ немъ не только замѣчательную проникающую, но поразительную безпристрастіе. Известно, что книга Гергенрöтера своею ученостію подавляла даже нѣкоторыхъ изъ нашихъ церковныхъ историковъ; и если Деллингеръ въ своемъ отзывѣ имѣлъ мужество прямо сказать, что авторъ ея не высказываетъ *всей* истины, то въ этомъ отношеніи онъ предвосхитилъ лишь мнѣніе нашихъ наиболее выдающихся историковъ, каковы покойный профессоръ И. В. Чельцовъ въ лицѣ своего ученика, нынѣ покойнаго митрополита Герасима Яреда, а также московскіе профессоры Иванцова-Платонова и А. П. Лебедева.

глубины души возмутившее Деллингера, было не только выраженіем историческаго взгляда іезуитовъ, но и всей римской куріи; и, по случаю 800-лѣтняго юбилея памяти мученичества апп. Петра и Павла, его даже предполагалось торжественно провозгласить, какъ единственно истинное, чрезъ канонизацію испанскаго инквизитора Педро Арбуеса, предъ всѣмъ римско-католическимъ міромъ. Тогда Деллингеръ уже не могъ и не хотѣлъ молчать. Въ «Аугсбургской Всеобщей Газетѣ» отъ 6 мая появилась статья подъ заглавіемъ: «Изъ франковъ», гдѣ прямо говорилось объ Арбуесѣ, какъ объ одномъ изъ безчеловѣчнѣйшихъ инквизиторовъ, фанатическомъ сумасбродѣ, и послѣ замѣчанія, что при Павлѣ III канонизація его была оставлена, ставился вопросъ: «какъ же это такъ, что теперь опять возвращаются къ тому же и на алтаряхъ католическихъ христіанъ хотятъ выставить на поклоненіе челоуѣка, который принадлежалъ къ кровожаднѣйшимъ инквизиторамъ? Доселѣ въ церкви господствовалъ принципъ: *martirem non facit poena sed causa* (т. е. мученикомъ дѣлаетъ не наказаніе, а причина). Но для смерти Арбуеса не было никакой возвышенной причины. Эта канонизація, очевидно, имѣетъ болѣе глубоко захватывающій смыслъ и легко можетъ быть истолкована въ смыслѣ прославленія самой инквизиціи. Неужели среди многихъ епископовъ, имѣющихъ отправиться въ ближайшемъ мѣсяцѣ въ Римъ на торжество новыхъ канонизацій, не найдется ни одного, который бы возвысилъ голосъ противъ прославленія Арбуеса, а съ нимъ и инквизиціи?»

Эта статья произвела необычайное впечатлѣніе, и повсюду спрашивали, кто бы могъ быть этимъ непрощеннымъ *advocatus diaboli*, который въ самый послѣдній моментъ пытался разстраивать намѣренія Рима. Но никто не подумалъ о Деллингерѣ. Когда, однако, въ римско-католическихъ газетахъ, особенно въ «Аугсбургской Почтовой Газетѣ» и штургартскомъ «Нѣмецкомъ Народномъ Листкѣ» появились рѣзкіе отзывы о статьѣ, то они только дали Деллингеру благопріятный поводъ пролить свѣтъ на все ученіе инквизиціи и на личность Арбуеса обстоятельно по источникамъ, что онъ и сдѣлалъ въ цѣломъ ряду статей, появившихся во «Всеобщей Газетѣ» (съ начала іюня) подъ заглавіемъ: «Римъ и инквизиція». Первая статья была направлена противъ «не малаго возбужденія въ ультрамонтанскихъ газетахъ»; по вмѣсто того, чтобы противодѣйствовать намъ и нашему соратнику

Парамо, ученые этого рода просто схватились за книгу Гефеле о Хименесѣ, причѣмъ имъ удалось открыть тамъ очень благопріятно звучащее замѣчаніе испанскаго историка Геронима Бланки о характерѣ каноника Арбуеса. А гдѣ имъ не доставало въ доказательности, они просто прибѣгали къ голому отрицанію и обильно пользовались рѣзкими и сильными выраженіями». Во второй статьѣ въ общихъ чертахъ начато было изложеніе исторіи самой инквизиціи. Но чѣмъ далѣе подвигались статьи, тѣмъ рѣзче затрогивали онѣ инквизицію и тѣмъ сильнѣй и невыносимѣй становилось раздраженіе. Противъ нихъ, правда, появились различныя статьи, среди которыхъ были и статьи Гефеле ¹⁾, и даже «Всеобщая Газета» (№ 173), вставляла съ своей стороны рѣзкія замѣчанія, но они даже у менѣе знакомыхъ съ дѣломъ считались недостаточными. Отсюда все болѣе и болѣе чувствовалась нужда въ ихъ опроверженіи, вслѣдствіе чего архіепископъ Шерръ, который подобно другимъ считалъ ихъ авторомъ Фрошаммера, даже счелъ нужнымъ самъ обратиться къ Деллингеру, чтобы онъ опровергъ эти статьи во «Всеобщей Газетѣ». Но конечно, это было напрасно; потому что для Деллингера не только уже прошло то время, когда онъ «о притязаніяхъ папъ и принципахъ куріи говорилъ слишкомъ много, какъ повѣренный, и слишкомъ мало, какъ историкъ, но ему пришлось бы опровергать самого себя и тѣ источники, изъ которыхъ онъ почерпалъ все свои свѣдѣнія. Нашли, поэтому, другое средство, чтобы по крайней мѣрѣ привести къ молчанію неугомоннаго автора. Когда еще печатались статьи подъ заглавіемъ: «Арбуесъ», собственники журнала въ Штутгартѣ, подъ ультрамонтанскимъ давленіемъ, заставили редакцію отклонить дальнѣйшее продолженіе ихъ. Онѣ появились только уже въ 1868 г. въ вѣнской «Новой Свободной Прессѣ» подъ

¹⁾ Статьи Гефеле появились въ „Deutsch. Volksblatt.“ 1867 г. въ №№ 121, 134, 173 и 185. Профессоръ Гиккель еще отъ 11 ноября 1870 г. писалъ о нихъ Рейшу: „Еще три года тому назадъ я былъ очень огорченъ, что по поводу мастерски написанныхъ статей во „Всеобщей Газетѣ“ о тогда только что канонизованномъ фанатикѣ Арбуесѣ и испанской инквизиціи самъ Гефеле еще выступалъ апологетомъ за Римъ“. Нечего говорить, что Civilta не приминула еще въ 1867 г. (№№ 6, 11, 273 и 388) разразиться громами и молніями противъ нечестивцевъ, дерзнувшихъ возстать противъ столь священнаго учрежденія и его великаго поборника.

заглавіемъ: «Испанская и римская инквизиція», причемъ въ то же время знаменитый художникъ Вильгельмъ Каульбахъ, подъ вліяніемъ статей Деллингера, написать свою картину «Инквизиторъ донъ-Педро Арбуесъ де-Эпила», въ которой начерталь художественный, но возбуждающій ужасъ портретъ, и тѣмъ еще болѣе усилилъ досаду іезуитской партіи, повергнувъ ее въ крайнее смущеніе. Эти статьи Деллингера обратили на себя вниманіе и въ Римѣ, хотя, конечно, и не остановили осуществленія предположеннаго тамъ намѣренія. И среди пятисотъ прибывшихъ въ Римъ епископовъ не оказалось ни одного такого, «который возвысилъ бы голосъ противъ прославленія Арбуеса, а съ нимъ и инквизиціи». «Несимпатичная» фигура инквизитора «выставлена была на алтарь, какъ свѣтлый прообразъ христіанскаго настроенія и дѣла, чтобы «прославлять его рядомъ съ Стефаномъ, Петромъ, Павломъ и др., кровію запечатлѣвшихъ свое исповѣданіе евангелія». А іезуиты издѣвались въ «Civiltà»: «Торжество Арбуеса есть пораженіе жидамъ и ихъ единомышленникамъ... Статья «Всеобщей Газеты» служить ихъ протестомъ, послѣднимъ отголоскомъ яростнаго вопля, который въ 1485 г. мараны подняли противъ Арбуеса». Но и для нихъ не лишено было значенія то, что Деллингеръ возражалъ своему противнику въ № 173 приложения къ «Всеобщей Газетѣ»: «Если этотъ адвокатъ Арбуеса можетъ теперь вообразить себѣ, что инквизиторъ вышеописаннаго свойства исполненъ чистѣйшаго евангельскаго благочестія, и въ своихъ дѣйствіяхъ руководится побужденіями любви къ Богу и къ ближнему, то, очевидно, свои религіозныя и нравственныя понятія онъ извлекаетъ изъ Корана, и во всякомъ случаѣ—не изъ ученія Христа и апостоловъ».

Неудивительно, что послѣ всего этого Римъ и іезуиты лишь стремительнѣе напирали впередъ. 26 іюня пала передъ пятьюстами епископовъ произнесъ аллокуцію и возвѣстилъ о предстоящемъ вселенскомъ соборѣ. Нѣкоторые дѣльцы, какъ сообщаетъ Тилль въ своемъ симпатичномъ «Объясненіи съ Янусовыми христіанами» (1872), уже тогда агитировали въ пользу предложенія—объявить папскую непогрѣшимость рег аclamationem, (простымъ общимъ выкликомъ), но, встрѣтивъ отпоръ, ограничились адресомъ къ папѣ, гдѣ говорится: «Пять лѣтъ тому назадъ... мы словомъ и писаніемъ изложили исповѣданіе, что намъ ни что не кажется болѣе истиннымъ и

пріятнымъ, какъ вѣровать и учить тому, чему вѣруешь и учишь ты, — отвергать тѣ заблужденія, которыя отвергаешь ты. Все, что мы заявляли тогда, вновь повторяемъ и подтверждаемъ теперь... Такъ какъ мы вѣруемъ, что Петръ говорилъ устами Пія, то посему объявляемъ, что все то, что ты всегда говорилъ, утверждалъ и объяснялъ съ цѣлью надежнаго сохраненія залога вѣры, равнымъ образомъ говоримъ, подтверждаемъ и объявляемъ и мы... Ибо въ нашемъ сознаніи глубоко лежитъ то, что объявили отцы на флорентійскомъ соборѣ въ декретѣ объ уніи, именно, что римскій епископъ есть намѣстникъ Исуса Христа, глава всей церкви, отецъ и учитель всѣхъ христіанъ, и что ему, въ лицѣ св. Петра, предоставлена Господомъ нашимъ Исусомъ Христомъ полная власть пасти всю церковь, управлять и руководить ею». Въ своемъ отвѣтѣ на этотъ адресъ (отъ 1 іюля) папа Пій IX назначилъ открытіе собора на 8 декабря, какъ день, ознаменованный имъ опредѣленіемъ догмата непорочнаго зачатія и объявленіемъ силлабуса, и кардиналъ Катерини роздалъ присутствующимъ епископамъ 17 тезисовъ, на которые они должны были подать свои мнѣнія въ теченіе трехъ, самое позднее, четырехъ мѣсяцевъ. А іезуиты съ своей стороны въ «*Civiltà Cattolica*» (уже отъ 15 іюня) послѣшили навязать имѣющемуся быть созваннымъ собору и предстоящую ему задачу, предложивъ въ статьѣ подъ заглавіемъ: «Новая дань св. Петру» особую молитву съ объѣмомъ «при всѣхъ обстоятельствахъ, даже если бы пришлось пролить кровь, твердо держаться уже всеобще среди католиковъ распространеннаго ученія, сообразно съ которымъ папа, если онъ своею властью, какъ вселенскій учитель и, какъ обыкновенно говорятъ, ех cathedra объявляетъ, что нужно содержать въ дѣлахъ вѣры и нравственности, есть непогрѣшимъ, . . . даже прежде, чѣмъ послѣдуетъ согласіе церкви». Кромѣ того, іезуиты предлагали присутствующимъ принять на себя обязательство дѣлать для распространенія этого ученія все, что позволяютъ и дѣлаютъ возможнымъ «авторитетъ и склонность», какъ распространеніе книгъ, въ которыхъ содержится это ученіе, поддержка его защитниковъ всѣми средствами и побораніемъ его противниковъ. А чтобы новую молитву распространять въ возможно болѣе широкихъ кругахъ, соотвѣтствующая статья была напечатана на отдѣльныхъ листахъ, которые впрочемъ обнаружили явные признаки, о папской печати...

Ультрамонтанская партія, очевидно, работала на всѣхъ парахъ, стала развивать, какъ она сама заявляла въ 1868 г., «повсюду большую отзывчивость и энергію, и, по указанію іезуитовъ, еще болѣе обрушилась на богослововъ нѣмецкаго образованія, какъ на противниковъ папской непогрѣшимости. Въ виду такого положенія дѣлъ, тѣмъ озабоченнѣе смотрѣлъ Деллингеръ въ будущее. «Запутанность внутри церкви, кажется, становится все больше, odium theologikum все напряженнѣе,—Арбуесъ и канонизація инквизиціи,—папская непогрѣшимость рядомъ съ соборомъ,—плоды силлабуса и проч., и къ тому очевидно всевозрастающее политическое могущество протестантизма,—навстрѣчу какимъ состояніямъ и событіямъ идемъ мы? У меня нѣтъ Ариадниной нити въ этомъ лабиринтѣ», писалъ онъ отъ 29 іюля проф. Рейшу, который только что порѣшилъ уже въ 1865 г. постановленное, но вслѣдствіе войны 1866 г. не состоявшееся собраніе сотрудниковъ «Богословскаго Литературнаго Листка» созвать въ Фрейбургѣ, въ Бриксенѣ. Но еще до собранія іезуитская партія уже беспокоилась и распространяла, какъ сообщалъ Альдогъ Рейшу, «всевозможные недостойные слухи о немъ. Даже такія лица, какъ Шецлеръ, смотрѣли на предполагаемое собраніе, какъ на агитацію противъ св. отца»; и «въ разговорѣ, повидимому, былъ неприятно удивленъ, что онъ и майнцкіе профессора еще не были приглашены» (отъ 23 іюля). Поэтому, приняты были всѣ мѣры, чтобы затормозить дѣло собранія ненавистныхъ ученыхъ, и, конечно, не было недостатка въ доносахъ нунцію Мельи. «Я слышу», немедленно писалъ онъ архіепископу фрейбургскому, «что въ этомъ городѣ 21 августа предполагалось такъ называемое собраніе католическихъ ученыхъ»: архіепископу-де извѣстно, что св. отецъ позволилъ такія собранія только подъ извѣстными условіями, и пусть онъ сообщитъ ему, на сколько они исполнены. Между тѣмъ, уже 9 августа проф. Дирингеръ въ Боннѣ получилъ копію этого посланія вмѣстѣ съ замѣчаніемъ архіепископскаго секретаря Штреле: «Его экскелленціи было бы пріятнѣе всего, если бы собраніе совсѣмъ не состоялось». Естественно, подъ влияніемъ этихъ новыхъ доказательствъ неблаговоленія со стороны высшей власти, Рейшъ и Дирингеръ немедленно разослали всѣмъ отказъ въ собраніи,—къ досадѣ большинства уже приготовившихся къ отъѣзду ученыхъ и къ вѣщей радости іезуитовъ.

Между тѣмъ, даже нѣкоторые епископы были озадачены всѣмъ этимъ, и даже со стороны мюнхенскаго епископа Шерра Тальгоферъ могъ сообщить проф. Рейшу, что «разстройствомъ фрейбургскаго собранія г-нъ архіепископъ мюнхенскій былъ очень недоволенъ; сказалъ мнѣ, что намѣренъ поговорить объ этомъ дѣлѣ въ Фульдѣ, и сдѣлалъ мюнхенскому нунцію представленіе по этому вопросу» (отъ 25 сент.) Но этимъ онъ лишь доказалъ, что недостаточно ясно представлялъ себѣ положеніе дѣлъ. Вѣдь когда нѣмецкіе епископы собрались 16 октября въ Фульдѣ, они всѣ стояли на сторонѣ іезуитской партіи и соглашались съ принципами брошюры: «Въ поученіе государямъ». Не только они одобрили и обѣщали поддерживать «великолѣпный планъ» учрежденія католическаго университета, какъ «оплота истинной науки», но въ седьмомъ засѣданіи «высокое собраніе» также единогласно высказало свое одобреніе и признательность издающемуся въ Майнцѣ журналу «Католикъ». Затѣмъ оно приняло слѣдующія положенія: «Епископы должны особенно заботиться о томъ, чтобы главныя каѳедры, — догматики, морали и каноническаго права были замѣщаемы хорошими преподавателями, и чтобы имъ предоставлялось надлежащее выдающееся положеніе по сравненію съ другими дисциплинами»; «никогда не допускать, чтобы государственныя высшія школы присвоивали себѣ монополію богословской и философской науки и научнаго образованія клира; онѣ должны признавать, рядомъ съ собою, чисто-церковныя учрежденія и дѣйствовать въ томъ согласіи съ ними, котораго требуетъ духъ Христа и церкви». Еще въ одномъ пунктѣ, повидимому исходящемъ изъ-подъ пера особенно именитой личности, прямо указывается на то, что въ Римѣ подъ богословіемъ разумѣются только догматика и мораль, а богословскіе факультеты «въ ихъ теперешнемъ направленіи и положеніи» объявляются «негодными для продолженія, какъ и для основоположенія богословской науки». А архіепископъ Мельхерскельнскій и епископъ мюнстерскій при этомъ высказались и противъ тубингенскаго факультета, вслѣдствіе чего было то, что уже въ 1867—1868 г. въ Тубингенъ прибылъ только одинъ прусскій богословъ, и «все препровождено было къ іезуитамъ въ Инсбрукъ». Наконецъ епископы приняли также и уставъ для организациі католической прессы, чтобы еще сильнѣе дѣйствовать въ смыслѣ ультрамонтанской партіи,

и хотѣли въ то же время, выражаясь словами Гефеле, «убить два вліятельнѣйшихъ католическихъ органа въ Германіи, именно, «Кельнскіе Листки» и «Богословскій Литературный Листокъ».

Засѣданія) предполагалось держать въ тайнѣ. Однако, быстро кое-что выходило изъ нихъ на свѣтъ Божій, и вскорѣ по рукамъ ходила и копія тайнаго протокола. Этимъ особенно возмущался Гефеле: «Густафъ Адольфъ, будто бы, часто говорилъ: *Neu parva sapientia mundus regitur*; мы не можемъ присоединить: *neq̄ majore ecclesia*, и развѣ не правъ Боккачіо, полагая, что однимъ изъ доказательствъ божественнаго ученія церкви служить то, что духовенство не въ состояніи было погубить ее». «По истинѣ, вопіющее дѣло, что гг. епископы составили изъ Рейнердинга, капитуляріевъ Рампфа, Компфа и вѣкоего господина Зигеля комиссію» (чтобы представить мнѣніе о католической наукѣ и проч.). «Епископы хотятъ содержать дѣло въ тайнѣ, и знаютъ, почему: тѣмъ боится свѣта. Но страшно видѣть, что епископы Германіи дѣлаютъ такія заключенія. Только такой журналъ, какъ «Католикъ», они единственно и одобряютъ и рекомандуютъ. И немедленно многіе епископы объявляютъ объ этомъ своему духовенству, съ выраженіемъ неблаговоленія противъ «Кельнскихъ Листковъ» и «Литературнаго Листка». Куда это приведетъ насъ?» Тюбицгенцы, доселѣ столь сдержанные, хотѣли даже, въ случаѣ, если «Литературный Листокъ» не можетъ болѣе держаться въ Боннѣ при неблаговоленіи къ нему архіепископа Мальхерса, сами взять его на себя, и до болѣе благопріятнаго времени продолжать его изданіе подъ руководствомъ Гимпельса.

Подобнымъ же образомъ, какъ и Гефеле, но нѣсколько спокойнѣе, высказывался и Деллингеръ, который, повидимому, еще не зналъ объ этихъ постановленіяхъ, по поводу того, что доходило до него изъ Фульды. «Д-ръ Штенглейнъ только-что принесъ мнѣ письмо», писалъ онъ Рейшу, «съ которымъ вы отправили ему свою статью о книгѣ Штиглоэра. Вы замѣчаете въ немъ, что «Литературный Листокъ» находится въ неблагопріятномъ положеніи, причѣмъ неблаговоленіе многихъ епископовъ по отношенію къ нему достигло высокой степени. Если это дѣйствительно такъ, то виды для католическаго богословія въ Германіи, конечно, становятся все мрачнѣе. Самъ я теперь, по крайней мѣрѣ, радъ, что не далъ повода своими статьями къ упреку, что послужилъ одною изъ при-

чить этого неудовольствія. Что, помимо самого содержанія, уже самое появленіе моего имени въ «Листкѣ» повредило бы дѣлу,—въ этомъ я тѣмъ менѣе могу сомнѣваться, что на собраніи въ Фульдѣ епископъ падернборнскій не преминулъ воспользоваться случаемъ излить на меня чашу негодованія. Быть можетъ, то же самое было бы и со стороны другихъ.— Епископъ сент-галленскій прислалъ мнѣ свою книгу о древне-ирландской церкви¹⁾, съ выраженіемъ желанія, чтобы я сдѣлалъ о ней отзывъ въ какомъ-либо журналѣ, но, пожалуй, будетъ пагоразумнѣе, чтобы мое имя не появлялось въ «Литературномъ Листкѣ», по крайней мѣрѣ теперь. Жаль, что собраніе въ Фрейбургѣ не состоялось. Тогда я порѣшилъ, что самое лучшее было бы совершенно не обращать вниманія на письмо архіепископскаго секретаря, такъ какъ грубое, основанное на незнаніи нѣмецкаго языка заблужденіе нунція, въ сущности, не касалось насъ; и, однако,—такъ какъ мы имѣемъ столько враговъ и недоброжелателей,—быть можетъ было лучше немедленно же уступить.—Когда уже написаны были эти строки, я узналъ, что вамъ изъ Кельна сдѣлано формальное свыше предостереженіе касательно якобы неблагонамѣреннаго направленія «Богословскаго Литературнаго Листка», и именно отъ имени собравшихся въ Фульдѣ епископовъ. Объ этомъ сообщилъ мнѣ Корнелиусъ, присоединивъ, что при этомъ подразумѣвали и меня, какъ одно изъ особенно неприятныхъ и неблагонамѣренлицъ. Теперь вы заявили, что въ направленіи «Листка» не намѣрены ничего измѣнять,—единственный достойный васъ и самого дѣла отвѣтъ, который только и можно было дать. Какъ я слышу здѣсь, въ Фульдѣ собственно было только два—три епископа, которые выражали свое неблаговоленіе къ «Литературному Листку», и среди нихъ особенно падернборнецъ. «Листокъ» превзошелъ всѣ ожиданія, которыя можно было вначалѣ имѣть по отношенію къ нему, и фульдскимъ прелатамъ было бы пристойнѣе, *sua si bona norint*, послать редактору благодарственный адресъ» (отъ 3 дек.) Съ своей стороны продолжалъ негодовать и Гефеле: «Новая постыдная книга Шецлера²⁾ появилась здѣсь на этихъ дняхъ. Насколько

¹⁾ Книга эта была написана имъ подъ вліяніемъ самого Деллингера.

²⁾ *Schäpfer*, Neue Untersuchungen. Касательно догмата о благодати и сущности христіанской вѣры. Съ особеннымъ указаніемъ на теперешнее преподаваніе католической догматики въ университетахъ гюбин-

я прочиталъ ее, она опять обнаруживаетъ измѣненную манеру этого высокопоставленнаго и благочестиваго челоуѣка. Какъ легко извращаетъ онъ глаза, столь же легко и столь же часто извращаетъ онъ и слова своихъ противниковъ. Его полемика безчестна въ высшей степени. Но какъ онъ недавно назначенъ былъ архіепископомъ фрейбургскимъ (или его секретаремъ) на должность духовнаго совѣтника (вѣрнѣе бы сказать—духовнаго безсовѣтника), такъ вскорѣ затѣмъ онъ подвинется и на должность великаго инквизитора Германіи и начнетъ прогонять одного за другимъ» (въ письмѣ къ Рейшу отъ 11 ноября). По крайней мѣрѣ послѣднее оказалось вѣрнымъ. Едва появилась его книга, Шоплеръ зимой 1867—1868 г. отправился въ Римъ, чтобы тамъ, какъ писала его сестра Деллингеру, «изъ любви къ истинѣ и ревности о дѣлѣ церкви», лично выступить противъ нѣкоторыхъ нѣмецкихъ богослововъ. Еще зимою 1868 г. епископу Грейту «поручено было отъ св. престола представить богословское мнѣніе объ ученіи Куна касательно благодати», но онъ отказался, такъ какъ «послѣ личныхъ переговоровъ съ Куномъ» написалъ свое вступительное разсужденіе и «этимъ самымъ оказалъ существенную услугу этому заслуженнѣйшему учителю противъ нападокъ на него горячихъ головъ» (въ письмѣ къ Деллингеру отъ 30 августа 1869).

Однако, эта защита Куна со стороны Грейта и его одобреніе прежняго образа дѣйствій противъ Деллингера мало вообще измѣнили общее положеніе дѣлъ, которое именно въ это время получило еще болѣе яркое освѣщеніе. Соборъ еще не былъ созванъ, но въ Римѣ уже ревностно заняты были приготовленіями къ нему, и вопросъ шелъ даже о томъ, чтобы кромѣ римскихъ ученыхъ совѣтниковъ-богослововъ на соборъ нужно привлечь еще и иностранныхъ богослововъ. Но это предположеніе послужило лишь новымъ поводомъ для курии проявить ту глубокую ненависть, которую она питала къ нѣмецкимъ богословамъ. Не имѣя возможности отмѣнить предложенія, она сдѣлала самый возмутительный по своей односторонности подборъ профессоровъ, — именно пригласивъ самыхъ заядлыхъ ультрамонтановъ. 28 ноября 1867 г. она пригласила прежде всего соборнаго капиту-

лярія Майера изъ Регенсбурга—автора пресловутой брошюры: «Въ поученіе государямъ»; профессоровъ Гергенрөтера и Геттингера изъ Вюрцбурга, — трехъ учениковъ іезуитовъ, а 20 декабря 1867 г. — соборнаго капитулярія Молитора изъ Шпейра, который былъ самымъ тѣснымъ образомъ связанъ съ вюрцбургцами и майнцами. Неудивительно, если этотъ подборъ, съ его показною враждебностью по отношенію къ богословамъ нѣмецкаго образованія, обратилъ на себя всеобщее вниманіе и занималъ даже общественное мнѣніе, какъ это видно напр. изъ статей «Швабскаго Меркурія». Только нѣмецкіе епископы не видѣли въ этомъ ничего страннаго и предоставили одному австрійскому кардиналу, князю Шварценбергу въ Прагѣ, сообщить кардиналу Антонелли о томъ впечатлѣніи, которое производилъ этотъ образъ дѣйствія курія: что приглашенные изъ Германіи богословы принадлежатъ къ одной и той же школѣ; а между тѣмъ было бы желательно, чтобы были приглашены и другіе, которые, будучи людьми непреложной вѣры, преданы католическому ученію, обладаютъ болѣе богатымъ и широкимъ образованіемъ и извѣстны своею болѣе глубокою ученостью, съ которою они изслѣдовали вѣру, исторію, жизнь церкви, а также и появлявшіяся въ ней заблужденія. И тѣмъ болѣе нужно удивляться, что изъ одного вюрцбургскаго университета приглашено двое учениковъ «Германской коллегіи», а изъ университетовъ мюнхенскаго, боннскаго, тюбингенскаго, фрейбургскаго, бреславскаго, въ которыхъ, по общему мнѣнію, дѣйствуютъ богослова перваго ранга, не было приглашено ни одного. Въ виду этого, естественно, не могло не возникнуть подозрѣніе въ партійности, и подрывалось самое довѣріе къ приготовленіямъ собора. Онъ не хочетъ никого предлагать, но указываетъ на столь знаменитаго историка, какъ Гефеле въ Тюбингенѣ, и его коллегу, догматика Куна, причемъ не преминулъ также назвать и Деллингера въ Мюнхенѣ, въ правовѣрїи котораго, равно какъ и въ выдающейся, хотя быть можетъ и мало цѣнимой въ Римѣ, учености, всѣ были глубоко убѣждены въ Германіи (отъ 25 мая 1868). Эта прямота привела многихъ въ Римѣ въ нѣкоторое смущеніе, и уже 15 іюля Антонелли увѣрялъ кардинала, что онъ правъ, и апостолическій престоль уже раньше самого Шварценберга обратилъ вниманіе на это, равно какъ имѣлъ въ виду и приглашеніе Деллингера, но именно о послѣднемъ

папѣ-де сообщили, что онъ не приметъ приглашенія послужить дѣлу вмѣстѣ съ другими. Признаніе это было не очень предусмотрительно. Вѣдь такъ какъ Деллингеру, какъ онъ прямо увѣрялъ, не было дано даже случая высказаться о принятіи или непринятіи приглашенія, то тутъ явно обнаружилась интрига, посредствомъ которой, по настоянію Рейзаха, его исключали изъ числа приглашенныхъ къ предварительнымъ работамъ. Даже Маннингъ въ своей, «Истинной исторіи» и Чеккони въ «Официальной исторіи собора» колеблются говорить объ этихъ дѣлахъ. Но, въ концѣ концовъ, какъ сообщаетъ иезуитъ Пфюльфъ, даже ультрамонтанская партія устыдилась партійности, обнаружившейся въ приглашеніяхъ «консульторовъ», и просила кардинала Кеттлера представить на благоусмотрѣніе нунція, «не было ли бы вполне цѣлесообразно пригласить въ Римъ и кое-кого изъ профессоровъ нѣмецкихъ университетовъ, если бы даже ихъ личность и не во всѣхъ отношеніяхъ была желательна. Я позволяю себѣ назвать напр. Гефеле изъ Тюбингена, Альцога изъ Фрейбурга и Дирингера изъ Бонна. Всѣ они трое не принесутъ для совѣщаній никакой существенной пользы, но, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, они и не повредятъ дѣлу, а между тѣмъ заткнуть ротъ всѣмъ приверженцамъ такъ называемой нѣмецкой науки; иначе же, безъ сомнѣнія, подымутся жалобы на извѣстную односторонность при избраніи приглашенныхъ священниковъ». Этотъ тактическій маневръ, предложенный ультрамонтанской партіей, понравился въ Римѣ. 2 октября три названныхъ профессора и Ганнебергъ получили приглашеніе, но въ то же время консульторами были назначены и такія представители ультрамонтанской партіи, какъ Муфангъ, Гизе изъ Мюнстера и Гейзеръ изъ Кёльна. Впрочемъ, какъ предполагали нѣкоторые изъ его друзей, напр. Геффлеръ, самъ Деллингеръ не придавалъ большого значенія приглашенію въ Римъ, такъ какъ голоса профессоровъ, какъ показывало ему его знакомство съ положеніемъ дѣлъ тамъ, не могли играть никакой роли. Еще 2 августа 1857 онъ писалъ Оксенгэму: «Вы, конечно, читаете «Chronicle» и навѣрно замѣтили статью о будущемъ соборѣ въ № отъ 13 іюля. Если дѣйствительно Римъ намѣревается провозгласить на этомъ соборѣ папскую непогрѣшимость, то, конечно, объ этомъ не будетъ заявлено раньше, но епископы (т. е., непосвященное большинство) будутъ

сразу озадачены, и, какъ бы штурмомъ, посредствомъ якобы вдохновенія свыше, будутъ принуждены внести этотъ декретъ и подавать голосъ за него. Что иезуиты уже работаютъ въ этомъ направленіи въ своей «Civilta», вы увидите это, и Маннингъ навѣрно будетъ ревностно помогать имъ. У насъ въ Германіи сильно озабочены тѣмъ, что всѣ итальянскіе, испанскіе и большинство французскихъ епископовъ будутъ голосовать за него, а открыто противодѣйствующихъ ему епископовъ будетъ лишь немного». Этому, уже преднамѣченному въ Римѣ ходу вещей онъ не могъ бы оказать противодѣйствія своимъ поданнымъ тамъ голосомъ; напротивъ, если бы понадобилось, онъ, быть можетъ съ большою пользою, могъ бы возвысить свой голосъ въ Мюнхенѣ. Въ этомъ направленіи дѣйствовалъ и Маретъ, который, лично посѣтивъ его въ концѣ іюля 1868, преподнесъ ему только что вышедшій первый томъ своей книги: «Всеобщій соборъ и религиозный миръ», и просилъ у него совѣта касательно двухъ слѣдующихъ томовъ. Но, чтобы усилить впечатлѣніе, предположено было эту книгу, съ помощью Деллингера, перевести на нѣмецкій, а съ помощью Ньюмана — на англійскій языкъ (отъ 11 іюля и 14 ноября) ¹⁾. Не могъ ли бы онъ самъ попробовать сдѣлать этотъ переводъ? И, дѣйствительно, уже тогда онъ имѣлъ въ виду произвести своего рода голосованіе, о которомъ одно свѣдущее лицо замѣтило: «Столь глубокаго, всецѣлаго переворота въ церковныхъ воззрѣніяхъ еще никогда не пытался сдѣлать ни одинъ человекъ съ вашимъ авторитетомъ и съ такими богатыми средствами. Всякій посвященный будетъ или сильно увлеченъ и подавленъ, или рѣшительно оттолкнутъ» (отъ 15 іюля 1868). Но это не утрашило его, потому что еще 21 января 1869 объ этомъ въ одномъ письмѣ къ Оксенгему онъ писалъ слѣдующее: «Теперь объ известномъ сочиненіи. Съ того времени, какъ вы оставили меня, мнѣ становилось все яснѣе, что анонимности, во всякомъ случаѣ, нельзя сохранить, такъ какъ въ Германіи, несомнѣнно, узнаютъ мое перо. Вотъ почему, по этой и другимъ причинамъ, я порѣшилъ назвать себя и вмѣстѣ съ тѣмъ

¹⁾ Деллингерь самъ позаботился найти переводчицу, и книга вышла въ свѣтъ на нѣмецкомъ языкѣ. О Ньюманѣ же Маретъ сообщалъ: «Ньюманъ писалъ мнѣ съ своей стороны, что переводъ былъ бы очень труденъ и крайне дорогъ въ Англіи» (отъ 14 ноября 1868 г.).

принять на себя и всю отвѣтственность. Но при этомъ устраняется и ограничивающее и мимолетное отношеніе этого сочиненія къ собору. Это будетъ серьезное, спокойное и съ достоинствомъ написанное историческое произведеніе «Исторія понтификата», какъ церковнаго учрежденія, подобной которой еще не было написано; затѣмъ къ ней, въ качествѣ второй и третьей части, присоединятся «Исторія попытокъ къ воссоединенію» и «Исторія церковной цензуры книгъ». Такимъ образомъ, въ ней найдетъ себѣ мѣсто все лучшее, что только я знаю изъ церковной исторіи. Конечно, она не можетъ быть готова къ 8 декабря 1869. Но касаться собора, отъ котораго я ничего не жду (для церкви вообще), мнѣ кажется теперь совершенно напраснымъ и излишнимъ. Уроками исторіи, какъ бы они ни были поразительны и убѣдительно, нельзя надѣяться произвести непосредственное, моментальное дѣйствіе. На соборъ она произвела бы только, если бы въ Римѣ считали это дѣло достаточно важнымъ, то дѣйствіе, что курія не преминула бы воспользоваться этимъ случаемъ для дѣйствительно торжественнаго осужденія ненавистой для нея книги. Подумайте же, достаточно ли вы склонны, при этомъ нѣсколько измѣнившимся планѣ и характерѣ труда, заняться ея переводомъ. Я не умолчу въ ней ни о чемъ важномъ; въ ней будетъ сказано все, что исторически важно, но часто буду предоставлять говорить за себя другимъ, — современникамъ». Но и этотъ планъ былъ опять измѣненъ, пока наконецъ не возникъ «Янусъ»; какъ это случилось, объ этомъ будетъ сказано ниже.

Каково было вообще душевное стояніе Деллингера въ это время и какъ онъ смотрѣлъ на положеніе дѣлъ, объ этомъ лучше всего свидѣтельствуетъ его письмо отъ 7 февраля 1868 къ мюнхенскому городскому пастору Бестермайеру, о которомъ онъ самъ говоритъ: «Я предоставляю вамъ возможность глубже взглянуть въ мою внутренность, въ мои воззрѣнія и мотивы, чѣмъ обыкновенно позволяю это по отношенію къ другимъ». Между прочимъ онъ писалъ ему: «Ваши строки обязываютъ меня къ самой горячей благодарности, такъ какъ вы все еще, вопреки всего прочаго, обнаруживаете по отношенію ко мнѣ столь дружественное благорасположеніе, что было бы грѣхомъ отнестись хотя бы съ малѣйшимъ сомнѣніемъ къ ихъ чистотѣ и откровенности. Какъ охотно, поэтому, я исполнилъ бы вашу просьбу послѣдовать вашему совѣту,

если бы я могъ сдѣлать это безъ оскорбленія моего убѣжденія. Я долженъ, желаете вы, открыто высказаться противъ злоупотребленія, которое дѣлаетъ г-нъ Шолль (свободо-религіозный проповѣдникъ) моимъ именемъ. Онъ ставитъ меня рядомъ съ Галилеемъ, Фенелономъ, Гиршеромъ и проч., проч., — однимъ словомъ, съ тѣми, которые подверглись несправедливости со стороны куріи или осужденію отъ нея. Со мною еще не случилось ни того, ни другого; мои сочиненія доселѣ еще не занесены въ Индексъ; слѣдовательно, я не принадлежу къ этому обществу. Объ этомъ я могъ бы, конечно, напечатать въ двухъ словахъ. Но такое объясненіе, вѣроятно, не удовлетворило бы васъ самихъ и еще менѣе другихъ. Послѣдніе, напр. писатели и читатели «Народнаго Вѣстника», «Дунайской Газеты» и другихъ «благонамѣренныхъ» газетъ, сказали бы: если Деллингеръ еще не осужденъ, то это только недосмотръ Рима, такъ какъ онъ давно уже заслуживалъ того. Вы, конечно, знаете нашихъ «ультрамонтановъ чистѣйшей воды», какъ они теперь сами называютъ себя въ «Пастырскомъ Листкѣ», и что они думаютъ о моихъ сочиненіяхъ и ихъ авторѣ. Но вообще сказали бы: зачѣмъ выступать передъ публикой съ объясненіемъ того, что и безъ того извѣстно всякому?—конечно, всякому изъ тѣхъ, которые интересуются этими дѣлами. А къ этому присоединяется еще и то, что я въ теченіе уже многихъ лѣтъ чувствую постоянно возрастающее нерасположеніе ко всякимъ, касающимся моей личности сообщеніямъ въ газетахъ. Я и вообще дѣлалъ это лишь изрѣдка, но всякій разъ потомъ раскаявался. Я вполне знаю что если бы теперь удовлетворилъ вашему желанію, то уже чрезъ нѣсколько дней сталъ бы раскаяваться въ этомъ.—Я долженъ, какъ вы желаете, выйти изъ того надутаго настроенія, въ которое я поставилъ себя. Этимъ самымъ вы представляете себѣ меня, какъ человѣка, который въ думѣ, бездѣятельномъ своемъ мнѣніи переживаетъ дѣйствительно или мнимое перенесенное огорченіе. Но мое душевное состояніе совершенно не таково. Я дѣлаю лишь то, что постоянно дѣлалъ. Я спокойно и внимательно слѣжу за ходомъ дѣлъ, стараюсь ежедневно пополнять, исправлять мои знанія. Что многое изъ того, что теперь дѣлается во имя католической религіи, наполняетъ меня огорченіемъ, иногда негодованіемъ; что часто мнѣ кажется, будто съ церковью ея мнимые друзья и покровители поступаютъ хуже, чѣмъ ея открытые враги,—

это вѣрно. Но можете ли вы называть это «надутостью»? Тогда, конечно, св. Бернардь, Фенелонъ — и еще сколько других?—въ свое время также сидѣли въ надutomъ углу.— Я долженъ затѣмъ, по вашему взгляду и вашему желанію, открыто заявить о моей покорности папскому престолу. Но, мнѣ думается, вы знаете поговорку и уже часто испытали ея истину: *qui s'excuse, s'accuse*. *Habemus confitentem reum, ex ore tuo te iudico, serve nequam*,—закричало бы все то общество, выразителями и вождями котораго выступаютъ «Народный Вѣстникъ» и «Дунайская Газета»,—эти «ультрамонтаны чистѣйшей воды», какъ они съ справедливымъ самосознаніемъ теперь называютъ себя. Думаете ли вы, что эти люди когда-нибудь простятъ мнѣ, что я смѣлъ по временамъ имѣть свое собственное, именно не вполне тождественное съ господствующимъ теперь римскимъ мнѣніемъ, убѣжденіе и высказывать его? Никогда! Я знаю своихъ паппенгеймцевъ. Для меня въ этихъ кругахъ безвозвратно положеніе: *hic niger est, hinc tu Romane, caveto!* Да вы и сами, мнѣ думается, удивились бы, если бы узнали, кто и по какимъ причинамъ дѣлалъ на меня доносы въ Римъ. Тутъ я могъ бы рассказать вамъ цѣлыя исторіи!—О судьбѣ католическаго собранія ученыхъ (въ Мюнхенѣ), которое теперь должно остаться единственнымъ въ своемъ родѣ, вы, конечно, и сами знаете кое-что. То, что мы тогда предпринимали, происходило съ полнѣйшаго одобренія и даже при участіи трехъ епископовъ, и въ томъ числѣ нашего г-на архіепископа. Мы всѣ, по-истинѣ, думали возможно лучше послужить церкви, и какъ же Римъ вознаградилъ насъ за это, особенно меня! Чего только мнѣ ни приходилось слышать о моей дерзости и заносчивости, съ какими я-де приглашалъ нѣмецкихъ ученыхъ на совѣщаніе! И все это излилось на меня (замѣтьте это!) вслѣдствіе *нѣмецкихъ* доносовъ и озлобленій!—Что сказали бы мои друзья и соработники — Мелеръ, Герресь, если бы они пережили подобныя вещи? Я знаю, что они сказали бы; я знаю что оба они—одинъ рѣвче, другой мягче—сказали бы тѣмъ, которые теперь называютъ себя истыми ультрамонтанами: «Долой! *Quid vobis et vobis!* Вы порода людей, съ которой у насъ не можетъ быть ничего общаго.— Если бы они, подобно мнѣ, свыше 50 лѣтъ позанимались изученіемъ исторіи и углубились бы въ прошлое, то, въ концѣ концовъ, немножко познакомились бы съ исторической Немезидой, со связью между

причиной и дѣйствиємъ. Я изучилъ исторію Испаніи, какъ вѣроятно немногіе изъ моихъ современниковъ, почему и тамошнія событія новѣйшаго времени нисколько не удивили меня. Я легко могъ бы написать поучительную и много-объясняющую книгу, чего, однако, не сдѣлаю. Римъ въ послѣднее время много и усередно занимался Испаніей, — но какъ? Во-первыхъ, папа послалъ (королевѣ Изабеллѣ), въ знакъ особеннаго благоволенія и признанія ея заслугъ, золотую розу. Во-вторыхъ, онъ недавно, въ открытомъ засѣданіи консисторіи, произнесъ похвальную рѣчь инквизиціи, и объявилъ ее превосходнымъ, благодѣтельнымъ, истинно-церковнымъ учрежденіемъ. Вы прочтете объ этомъ въ «Пастырскомъ Листкѣ». Въ третьихъ, онъ объявилъ святымъ инквизитора и повелѣлъ всѣмъ испанцамъ почитать сего мужа въ будущемъ, какъ достоподражаемый примѣръ христіанскихъ добродѣтелей. Испанія не замедлила дать свой отвѣтъ на эту тройкую аллокуцію. Да, Немезида существуетъ!—Что думаете вы, почтеннѣйшій господинъ и благодѣтель? Если бы мнѣ пришлось теперь открыто заявить о своей, разумѣется совершенно безусловной и безграничной преданности и покорности римскому престолу, то не пришлось ли бы мнѣ также, чтобы не оставить болѣе мѣста никакому сомнѣнію, выразить и свое всепокорнѣйшее согласіе съ похвальной рѣчью инквизиціи и канонизаціи донъ-Педро де-Арбуэса! Не пришлось ли бы мнѣ сказать: правда, доселѣ со всѣми знатоками испанской исторіи я былъ того мнѣнія, что инквизиція причинила Испаніи невыразимо много бѣдъ, но послѣ этой аллокуціи я совершенно отказался отъ моего воззрѣнія, и отнынѣ буду твердить всякому: *Roma locuta est, инквизиція превосходна, и Испаніи ничего не остается лучшаго, какъ вновь ввести ее!*

При такихъ убѣжденіяхъ Деллингеру ничего не оставалось больше, какъ искать себѣ опоры въ правительствѣ, которое въ лицѣ своихъ просвѣщенныхъ государей умѣло цѣнить дароватыхъ и преданныхъ слугъ. Но на его долю вскорѣ опять выпала печальная задача — говорить надгробную рѣчь надъ скончавшимся (24 фѣвр.) въ Ниццѣ баварскимъ королемъ Людвигомъ I, каковую задачу онъ по обычаю исполнилъ съ свойственнымъ ему блескомъ, причемъ прекрасно охарактеризовалъ значеніе просвѣщеннаго государя въ столь смутное и тяжелое время, какое переживала тогда Баварія,

какъ и вся Германія вообще. Послѣ этого правительство еще болѣе приблизило Деллингера къ себѣ, возвело его въ санъ пожизненнаго государственнаго совѣтника, и пользовалось его обширными знаніями и опытомъ въ борьбѣ съ ультрамонтанствомъ въ такихъ жгучихъ общественныхъ вопросахъ какъ вопросы о призрѣніи бѣдныхъ и о школахъ. Особенно важную услугу онъ оказалъ правительству въ послѣднемъ вопросѣ, выяснивъ основную тенденцію ультрамонтанства — захватить школьное дѣло въ свои руки и посовѣтовавъ правительству дать рѣшительный отпоръ этой партіи народа.

Но всѣ эти вопросы имѣли для него второстепенный интересъ. Главнѣе же всего его вниманіе занималъ все тотъ же роковой вопросъ, который былъ предметомъ обсуждения во всемъ христіанскомъ мірѣ, именно вопросъ о предстоящемъ «вселенскомъ соборѣ» въ Римѣ. Такъ какъ всѣмъ уже хорошо было извѣстно, съ какой собственно цѣлю созывался этотъ мнимо вселенскій соборъ, и такъ какъ іезуитская партія уже заранѣе торжествовала побѣду своихъ идей, то всѣ благомыслящіе люди съ содроганіемъ ожидали этого событія, которое угрожало всему христіанскому міру величайшимъ бѣдствіемъ, провозглашеніемъ богохульственнаго догмата папской непогрѣшимости. Вотъ уже появилась и широковѣщательная булла отъ 29 іюня 1868 г., которая созывала соборъ въ Ватиканъ на 8 декабря 1869 года. Значить—*Roma locuta est*. Іезуиты и ихъ приспѣшники ликовали, но тѣмъ болѣе скорбѣли всѣ тѣ, кому дороги были интересы церкви, кто боролись и скорбѣли за церковную правду. И понятно, что болѣе всѣхъ скорбѣлъ тотъ, кто всю свою жизнь положилъ на борьбу за эту церковную правду и кто столько перенесъ всякихъ огорченій, поношеній и невзгодъ ради этого святого дѣла. При видѣ надвигающихъ тучъ «власти тьмы» Деллингеръ собралъ всѣ силы своего могучаго духа для разсѣянія этой тьмы: въ его жизни наступилъ самый жгучій и роковой моментъ, и его дѣятельность во время и послѣ Ватиканскаго собора составляетъ одну изъ самыхъ интересныхъ страницъ въ исторіи христіанской церкви XIX вѣка. Но она можетъ быть изложена только уже въ будущемъ.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия — высшее учебное заведение Русской Православной Церкви, готовящее священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений, специалистов в области богословских и церковных наук. Учебные подразделения: академия, семинария, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта — ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта — проректор по научно-богословской работе священник Димитрий Юревич. Материалы журнала готовятся в формате pdf, распространяются на DVD-дисках и размещаются на академическом интернет-сайте.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки